

***Академик
В.В. Еременко
в воспоминаниях***

Академик

В.В. Еременко

В ВОСПОМИНАНИЯХ

Харьков 2021

УДК 82-94

А 38

Книгу присвячено пам'яті академіка Віктора Валентиновича Єременка, видатного українського вченого, відомого організатора науки, талановитої та неординарної людини. У книзі зібрано спогади колег, учнів, друзів, рідних — людей, які близько знали ВВ, так частіше називали його між собою фізики, співробітники Фізико-технічного інституту низьких температур, який він очолював протягом п'ятнадцяти років.

Академик В.В. Еременко в воспоминаниях. — Харьков: Майдан, 2021. — 188 с.: илл.

ISBN 978-966-372-860-5.

Книга посвящена памяти академика Виктора Валентиновича Еременко, выдающегося украинского ученого, известного организатора науки, талантливого и неординарного человека. В книге собраны воспоминания коллег, учеников, друзей, родных — людей, близко знавших ВВ, так часто называли его между собой физики, сотрудники Физико-технического института низких температур, который он возглавлял на протяжении пятнадцати лет.

Составители

С.Л. Гнатченко, В.П. Гнездилов, А.В. Еременко, К.М. Мациевский

УДК 82-94

ISBN 978-966-372-860-5

© С.Л. Гнатченко,
В.П. Гнездилов,
А.В. Еременко,
К.М. Мациевский
2021

Предисловие

Вся научная деятельность академика В.В. Еременко (1932–2017 гг.) была связана с исследованиями в области физики низких температур, магнетизма, спектральных и магнитооптических явлений, магнитных фазовых превращений в антиферромагнетиках, сверхпроводимости и гальваномагнитных явлений в металлах; экситонных процессов в антиферромагнитных, полупроводниковых и молекулярных кристаллах.

Виктор Валентинович родился в Харькове. В 1955 г. окончил физико-математический факультет Харьковского государственного университета по специальности «физика низких температур». В 1955–1961 гг. учился в аспирантуре и работал в Институте физики (Киев), где в 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию «Оптические и фотоэлектрические явления в кристаллах CdS при низких температурах», в которой было показано существование экситон-примесных комплексов и введено само представление о них.

В апреле 1961 г. В.В. Еременко был переведен в созданный в Харькове Физико-технический институт низких температур, где возглавил лабораторию электропроводности и сверхпроводимости, а затем отдел магнетизма и магнитооптики. В 1966 г. защитил диссертацию

цию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук «Спектральные и магнитооптические исследования антиферромагнитных диэлектриков». В 1972 г. В.В. Еременко стал членом-корреспондентом, а в 1978 г. — академиком АН УССР. С 1986 г. руководил отделом спектроскопии магнитных и молекулярных кристаллов ФТИНТа. С 1991 по 2006 гг. В.В. Еременко был директором ФТИНТа. В последние годы являлся главным научным сотрудником института, советником при дирекции ФТИНТа.

Многие научные результаты, выполненные под руководством В.В. Еременко, высоко оценены и отмечены наградами:

— Государственной премией УССР в области науки и техники (1971) — за открытие, экспериментальное и теоретическое исследование промежуточного состояния в антиферромагнетиках при фазовых превращениях первого рода, индуцированных сильным магнитным полем;

— Премией АН УССР им. К.Д. Синельникова (1985) — за оптическую визуализацию коллинеарных антиферромагнитных доменов, разработку методов переключения коллинеарных антиферромагнитных доменов в кристаллах с различной магнитной симметрией;

— Государственной премией Азербайджанской ССР в области науки и техники (1986) — за выдающиеся результаты в области оптической спектроскопии антиферромагнетиков (наблюдения и исследования резонансного расщепления экситонных полос поглощения света, экситон-магнонных возбуждений);

— Премией АН СССР и Польской АН (1987) — за магнитооптические исследования неоднородных состояний в магнетиках вблизи магнитных фазовых переходов, индуцированных внешним магнитным полем;

— Премией НАН Украины им. Л.В. Шубникова (2004) — за пионерские исследования магнитоупругих эффектов в шубниковской фазе сверхпроводников, особенно квантовых магнитных осцилляций магнитострикции.

К пионерским результатам В.В. Еременко и его учеников также относятся: наблюдение квантовых магнитных осцилляций химического потенциала в полуметаллах (висмут, сурьма); наблюдение и исследование экситон-магнонных возбуждений в антиферромагнетиках, в том числе в антиферромагнитном твердом кислороде; наблюдение, экспериментальное и теоретическое исследование эффекта делокализации магнитных примесных состояний; исследование новых магнитооптических явлений в антиферромагнетиках, получивших в современной физической литературе название «линейный магнитооптический эффект» и «квадратичное магнитное вращение

плоскости поляризации света»; наблюдение, экспериментальное и теоретическое исследование обменных мод антиферромагнитного резонанса; наблюдение, экспериментальное и теоретическое исследование возбуждений переменным электрическим полем магнитных колебаний.

В 2006–2011 гг. В.В. Еременко получил весомые результаты в области высокотемпературной сверхпроводимости, сильно коррелированных электронных систем и наномagnetизма.

В.В. Еременко — автор более 500 публикаций, среди которых три монографии: «Введение в спектроскопию магнетиков» (1975), «Магнитооптика и спектроскопия антиферромагнетиков» (1989), «Магнитные и магнитоупругие явления в антиферромагнетиках и сверхпроводниках» (2004). Две последние переизданы на английском языке издательствами Springer (1992) и Cambridge Scientific Publishers (2008).

Многие годы профессор В.В. Еременко преподавал в Харьковском государственном университете (1966–1999) на кафедре магнетизма. В.В. Еременко — соавтор учебника «Лекции по магнетизму» (1972), изданного в расширенном виде в Москве (2006). Его преподавательская работа была отмечена медалью «Петр Могила» Министерства образования и науки Украины.

В.В. Еременко четверть века был главным редактором журнала «Физика низких температур» (с 1990), членом редколлегий журналов «Физика твердого тела» (Санкт-Петербург) и «Космическая наука и технология» (Киев), издательства «Cambridge Scientific Publishers» (Англия).

В.В. Еременко — заслуженный деятель науки и техники Украины (1982).

Много внимания В.В. Еременко уделял международному научному сотрудничеству. Он активно сотрудничал с Американским физическим обществом, Американским институтом физики, Институтом физики Польской академии наук, Международными лабораториями сильных магнитных полей в Гренобле (Франция) и во Вроцлаве (Польша) и многими другими научными центрами.

В.В. Еременко — создатель своей научной школы. Среди его учеников более 50 кандидатов наук, 14 из которых защитили докторские диссертации, трое были избраны в Национальную академию наук Украины. Среди учеников В.В. Еременко 12 лауреатов Государственных премий Украины в области науки и техники.

В книге собраны воспоминания тех, кто хотел рассказать о Викторе Валентиновиче как об ученом, руководителе, человеке. В них авторы делятся впечатлениями не только о своих личных встречах, совместной работе, плодотворной научной деятельности, но и рас-

крывают личность академика Виктора Валентиновича Еременко, выдающегося физика, большого организатора науки, замечательного человека.

Составители благодарны всем, кто принял участие в подготовке книги, предоставил тексты, документы, фотографии. В ее издание внесли свой вклад и оказали помощь при создании верстки сотрудники журнала «Физика низких температур», который Виктор Валентинович возглавлял много лет. Оформление книги, ее издание состоялось во многом благодаря активному участию сотрудников отдела магнетизма и отдела оптических и магнитных свойств твердых тел Физико-технического института низких температур им. Б.И. Веркина НАН Украины.

Автобиография

Пусть никто не думает, что может преодолеть первые впечатления своей юности.

И.В. Гете

он (Гойя) не только осознал разумом, а ощутил гораздо глубже, всем существом своим, сколько противоречивых свойств может ужиться в одном человеке. Все люди таковы. Таков и он сам

Лион Фейхтвангер. «Гойя»

В искусстве написания автобиографий и заполнения анкет, «личных листков по учету кадров» за годы советской власти (тотальной слежки) мы все достигли совершенства.

При поступлении в университет в сентябре 1950 года написал:

«Я, Еременко Виктор Валентинович, родился 26 июля 1932 года в г. Харькове. Отец — Еременко Валентин Никифорович, мать — Цин Наталия Мироновна — по профессии химики, окончили Харьковский государственный университет. Отец и мать разведены. Я живу в семье матери и отчима — Боровика Евгения Станиславовича. Жили мы до войны в Липовой Роще, где они работали в Опытной станции глубокого охлаждения (ОСГО) вплоть до эвакуации в г. Кемерово.

В годы оккупации я жил в Харькове в семье деда Никифора Гавриловича Еременко и бабушки Полины (Пелагеи) Никитичны Еременко по адресу улица Плехановская (при немцах — Петинская), № 110. С нами проживал мой младший брат Борис, 1938 года рождения, сын отца от второго брака. Мой младший брат Андрей Боровик, 1941 года рождения, был эвакуирован с родителями в г. Кемерово.

В апреле 1945 года мать забрала меня к себе в Кемерово. После возвращения из Кемерово в 1945 году поступил в 82-ю среднюю школу г. Харькова, которую и окончил с медалью в 1950 году.

В комсомол поступил в октябре 1948 года.

Живу в семье отчима — Е.С. Боровика, который работает в Физико-техническом институте АН УССР (старший научный сотрудник). Мать — научный сотрудник того же института. Отец — доцент Киевского государственного университета.

За границей родственников не имею. Под судом и следствием не был. Домашний адрес: г. Харьков, ул. Чайковского, 10, кв. 21».

В феврале 1954 года пришлось внести дополнения, поскольку я женился на своей сокурснице Теверовской (теперь уж Еременко) Людмиле Абрамовне. Отец к этому времени стал заведующим кафедрой физической химии КГУ. А мать вынуждена была покинуть УФТИ «в связи с реорганизацией» и с большим трудом устроилась на кафедру физики Харьковского политехнического института, которой руководил профессор М.И. Корсунский, также уволенный из УФТИ (и по той же причине).

«Личный листок по учету кадров», который пришлось заполнять накануне окончания учебы в университете и «распределения», мало чем отличался от анкеты, которая заполнялась при поступлении в ХГУ: национальность — украинец, гражданин СССР, в другом гражданстве не состоял, социальное положение — студент ХГУ, социальное происхождение — из служащих, осуждены не были ни я, ни мои ближайшие родственники и не были ни под судом, ни под следствием. Состою членом ВЛКСМ с 1948 года, в других партиях не состоял, колебаний в проведении линии ВКП(б) не было, в оппозиционных и антипартийных группировках не участвовал. Кроме родного (русского) языка, хорошо владею украинским, слабо — немецким и английским (читаю, пишу и перевожу со словарем). Общественной работы не веду. Национальность родителей: отец — украинец, мать — еврейка. Вот и все. Далее по памяти: при «распределении» получил рекомендацию в аспирантуру Киевского института физики АН УССР, а жена — в распоряжение киевского областного отдела народного образования. Начались наши скитания по чужим квартирам. В 1957 году (24 сентября) родился наш сын Андрей. Об остальном написано в моих воспоминаниях о Е.С. Боровике и Б.И. Веркине.

К ним могу добавить только немного: о неприязни ко мне директора Института физики М.В. Пасечника. Вспоминаю об этом только потому, что с не меньшей неприязнью он относился к таким замечательным физикам, сотрудникам института, как В.Л. Броуде и Э.И. Рашба, с которыми мне посчастливилось тесно сотрудничать в течение пяти киевских лет. По-видимому, об этом было известно Б.Е. Патону, который, прежде чем принять решение о моем переводе во ФТИНТ, долго расспрашивал меня, почему и зачем я хочу переехать в Харьков. Действительно, коренному киевлянину это трудно понять: Киев — столица, замечательный город на берегах великой реки, а Харьков — город провинциальный, хотя и именуется первой столицей Украины. Но я в душе продолжал считать родной Харьков «физической столицей» Украины. Да и хотелось быть поближе к семье, в которой вырос. У жены тоже были причины для переезда в

Харьков: ее родители нуждались в помощи... Хотя, конечно, уезжать из Киева было жаль и жаль расставаться с киевскими друзьями.

Необычно проходила предварительная защита моей кандидатской диссертации на Ученом совете Института физики. Не формулируя вопросы, М.В. Пасечник давал понять, что он чем-то не доволен, пока, наконец, не выдержал К.Б. Толпыго: «Это Ваша особенность, Митрофан Васильевич! Всем все понятно — работа дискуссионная, но хорошая и, конечно, диссертабельная!»

В 1961 году я пришел к Митрофану Васильевичу Пасечнику с заявлением об увольнении (переводе). Он изобразил удивление: «А мы Вам уже присмотрели квартиру получше». Я ответил сожалением, что не знал об этом раньше, а сейчас уже поздно: я договорился о переходе в институт Б.И. Веркина.

Переезд из Киева в Харьков оказался совсем непростым делом. За годы учебы в Киеве я избавился от харьковского снобизма (дескать, все стоящее в украинской физике сосредоточено в Харькове: «Киев — физическая провинция»). В воспоминаниях А.И. Ахиезера об этом говорится устами Л.Д. Ландау: «В Киеве есть хорошие дантисты, но физиков нет». Правда, это относится к началу 30-х годов прошлого столетия, но многие харьковчане утешаются этими высказываниями и по сей день. Я же полюбил ту область физики, которой был занят в Киеве. У меня были дружеские отношения не только с соавторами (В.Л. Броуде, Э.И. Рашба, М.К. Шейнкман), с которыми я работал бок о бок, но с коллегами из других групп (М.С. Бродин, М.Т. Шпак, М.С. Соскин) и даже в киевском университете (И.С. Горбань, В.Б. Тимофеев). Была, конечно, и обида на директора института М.В. Пасечника, долго водившего меня за нос в деле получения жилья. На одном собрании, распределявшем жилье, МВ задал мне вопрос: «А сколько комнат в харьковской квартире Ваших родителей?», что я воспринял, как прямой намек на желательность моего возвращения в Харьков. Но не это определило мое решение — в конце концов, пусть крохотная, но своя квартира у нас была. Да и жена была устроена с работой: она по специальности работала в рентгеновской лаборатории института физической химии.

Дело было в другом: мои ближайшие киевские друзья — В.Л. Броуде и Э.И. Рашба — говорили: «Погоди! Через 2–3 года мы все переедем в Подмоскowie, в Черногловку!» Но я не мог так долго ждать, стремился к самостоятельной работе, к независимости. Б.И. Веркин ее мне обещал, ничем не ограничивая тематику: «Все, что придумаешь!» И я решился. Но было еще мнение моей жены. А она к обещаниям БИ относилась с большой осторожностью. В университете при распределении по специальностям и я, и Людмила Теве́ров-

ская (моя будущая жена) подали заявления с просьбой о распределении на специализацию «Физика низких температур». Но Борис Иеремиевич считал, что Люся слишком много внимания уделяет своим спортивным увлечениям и слишком мало учебе. Более того, он посчитал, что и я стал недостаточно настойчиво заниматься и слишком много времени отдавал спорту и своей будущей жене, поэтому он не хотел, чтобы мы с ней были в одной группе, но прямо об этом Людмиле не сказал, а долго «водил ее за нос». В результате она стала рентгенщицей и затаила на БИ обиду.

После визита к нам в Киев Вадима Манжелія и проведенной им агитационной работы Людмила решила взять переговоры с БИ в свои руки. Она взяла отпуск в Институте физической химии без оплаты и вместе с нашим двухлетним сыном поехала в Харьков и жила у своих родителей. Я же оставался в Киеве и продолжал работать в отделе А.Ф. Прихотко. Мы с В.С. Медведевым даже опубликовали неплохую работу, на которую и сейчас еще изредка можно встретить ссылки.

Одним словом, переговоры с Борисом Иеремиевичем в свои руки взяла Людмила. На вопрос БИ, почему мы не можем несколько месяцев пожить у родителей, последовал ее решительный отказ: Боровиков стеснять мы не хотели, у Тевяровских же была лишь одна комната в коммунальной квартире. А повторять «хождение по мукам», которые мы пережили в Киеве, ни у нее, ни у меня желания не было. Поэтому, хотя форма Людомилиного ультиматума: «Утром ордер на квартиру, вечером Витино заявление о переводе из Института физики во ФТИНТ», мне не нравилась, по сути я с ней был согласен. Переход во ФТИНТ откладывался. Наконец, в апреле 1961 года звонок БИ: «Есть квартира, в хорошем районе. И не двухкомнатная, а трехкомнатная!» Прекрасно, но по советским нормам семью из трех человек могут прописать лишь в 2-комнатной квартире. Где срочно найти четвертого? Борис Иеремиевич Людмиле заявил: «Ну что мне учить Вас? Ни один управдом не устоит против 2–3 бутылок водки!» Жена сообщила мне этот рецепт, я попробовал и он сработал. Это был мой первый опыт решения серьезных организационных проблем. Этим методом приходилось пользоваться еще несколько раз в моей жизни.

Однако справка была, а четвертого члена семьи нет. По настоятельной просьбе БИ за дело взялся начальник отдела кадров ФТИНТ полковник В.Г. Тараканов и решил проблему блестяще. Наконец, мы в своей харьковской квартире!

Начался период организации лаборатории (отдела).

Однако вернемся в довоенные годы. В свидетельстве о разводе моих родителей значится 1937-й год. Но я отчетливо помню, что не

менее года мы с мамой прожили в Липовой Роще до появления Жени. (Евгений Станиславович Боровик — второй муж моей мамы, Цин Натальи Мироновны. О нем еще многое будет сказано и только самое доброе. Другого не помню, да и не было ничего недоброго.) Отлично помню — это была светлая комната в двухкомнатной квартире на третьем этаже. Нашей соседкой была Нина Петровна Тиханович. Мы вполне мирно уживались с нею, и, насколько я помню, мама часто оставляла меня на попечение Нины Петровны по вечерам. Дочь Нины Петровны, Оля Тутакина, много лет работала в моем отделе во ФТИНТе, потом был перерыв по какой-то причине, и сейчас она работает в отделе Коли (Николая Федоровича) Харченко — у меня-то ни отдела, ни лаборатории уже нет (все, что было, передал ученикам и последователям — Н.Ф. Харченко и С.Л. Гнатченко, у каждого из них по отделу). В упомянутой светлой комнате летом 36-го (или 37-го) я болел свинкой. Болел долго, но, по-видимому, не очень тяжело. Помню свои железы, обложенные ватой, и почему-то забинтованную шею, компрессы. До болезни я успел наловить ящериц, и они у меня жили между оконными рамами, но как-то умудрились по наружной стене дома удрать. Было жарко и очень скучно...

Более ранние воспоминания совсем отрывочны. Смутно помню комнату на улице Каплуновской в доме неподалеку от Технологического сада (сейчас — парка Политехнического института). В комнате была кафельная печь. По крайней мере, одна из стен была вся из белого кафеля и очень теплая. Старый деревянный двухэтажный дом, по-моему, очень похожий на «булгаковский» дом в Киеве. Помню, как мне страшно было самому подниматься по лестнице — снаружи дома, деревянной, с отсутствующими вертикальными досками. С тех пор я побаиваюсь высоты, хотя приходилось этот страх преодолевать (и об этом позже). Помню и свою бабушку Розу (Рохлю Шаевну Цин-Макиевскую) в этой комнате. А вот отца в это время не помню. Хотя, судя по рассказам, он жил с нами в этой комнате, по крайней мере, до 1934 года. Из его рассказов следует, что была у меня одно время молодая няня. Я же помню няню-старушку. Ясельного или детсадовского периода в Харькове, до переезда в Липовую Рошу, не помню. Отец рассказывал так: «Однажды я, забрав тебя из ясель (детсада), ехал домой на Каплуновскую. Не доезжая до остановки, трамвай резко по какой-то причине затормозил и, естественно, в переполненном трамвае народ покачнулся и надавил на нас с тобой. И тут мой двухлетний Витя продемонстрировал запас ненормативной лексики, накопленный во время прогулок с молодой няней и ее общения с молодыми людьми, в основном красноармейцами. Прорываясь через толпу под осуждающими и восторженными взглядами

с тобой на руках, я с трудом выбрался из трамвая и оставшийся путь проделал пешком...» Вполне возможно. Во всяком случае, владение этой лексикой выручало меня и во время житья в Липовой Роще (ведь неподалеку была Филипповка — бандитская окраина Харькова), и во время войны. Но об этом немного позже.

Итак, год 1935-й (или 1936-й). Мы с мамой живем в Липовой Роще. Она работает в Опытной станции глубокого охлаждения (ОСГО) под руководством Мартина Рузмана — физика, приглашенного из Германии. Барбара Рузман — его жена — тоже работает в ОСГО. Предмет исследования — криогенные жидкости, азот и кислород, их растворы. До войны опубликовано совместно с Рузманом несколько работ. Семейство Рузманов сравнительно благополучно пережило 1937-й год, покинув Союз (были высланы как нежелательные иностранцы). В семидесятых годах Вадим Манжелей как-то встретился с М. Рузманом на одной из низкотемпературных конференций (в Англии, кажется) и тот передавал: «Нате Цин, пожалуйста, привет от старого Мартина».

До перехода в ОСГО мама успела поработать год или два в криогенной лаборатории Украинского физико-технического института (УФТИ), руководимой Львом Васильевичем Шубниковым. В 80-х годах вдова Льва Васильевича — Ольга Николаевна Трапезникова — приезжала в Харьков и передавала «привет Нате Цин», хотела с нею встретиться, но мама плохо себя чувствовала, и встреча не состоялась.

Еще немного об ОСГО и Липовой Роще. Липовая Роща — небольшой поселок, вторая остановка электрички, отправляющейся от Южного вокзала Харькова в южном направлении. Сам поселок и школа, в которой я учился в 1-м классе в 40 году, находится по правую сторону от железнодорожной ветки. ОСГО же и ее жилой поселок располагались слева по движению поезда в двух (не более) километрах от железнодорожного пути.

Мне до сих пор это место кажется райским уголком — сочетание бытовых условий современной цивилизации с окружающей прекрасной природой. Жилые трехэтажные дома современного европейского типа (изолированные квартиры с ванной комнатой, туалетом, кухней, оснащенной газовой плитой) и сейчас не так уж доступны для многих, а тогда это было редкостью. После маминого замужества мы переехали в отдельную двухкомнатную квартиру, правда, на первом этаже и без балкона. Две комнаты, смежные, но светлые и большие (может быть, в моем детском представлении). Что я помню отлично, так это отсутствие лишней мебели. В обеих комнатах встроенные стенные шкафы. В первой (моей) комнате — обеденный стол и стулья,

моя кровать и плетеный из лозы столик и стулья. Во второй комнате — рабочий письменный стол и супружеская кровать.

В этом ОСГОВском микропоселке был клуб с кинозалом, три жилых дома, неподалеку — открытый бассейн с теплой водой (охлаждение компрессоров криогенных ожижительных установок), в котором я учился плавать. К жилым домам примыкал большой заброшенный фруктовый сад, окаймленный тополями и переходящий в парк, среди которого запомнились мне большие деревья грецкого ореха. Ближе к осени у меня, как и у всех наших мальчишек, ладошки и пальцы рук становились темнокоричневыми из-за попыток очистить эти орехи от кожуры.

В парке находился небольшой помещичий одноэтажный дом, в котором и располагался детский сад. Я его посещал в 1936–1939 годах. Помню ежедневные путешествия через сад и затем через парк. Расстояние от дома было не более одного километра, а проходил я его не менее чем за час-полтора (отвлекали бабочки, кузнечики, стрекозы, ящерицы и, особенно, пестрые дятлы).

Недалеко от ОСГОВских домов протекала не широкая, но чистая в те годы река Уды. Однажды я, лет пяти, умудрился в ней тонуть, по-видимому, у самого берега, так как Николай Семенович Руденко (мамин сокурсник по химическому факультету Университета, в те годы называвшегося Институтом народного образования, и сотрудник ОСГО) без труда вытащил меня за чуб, не выпуская из рук удочки.

Между ОСГОВским микропоселком и речкой были поля какого-то совхоза или колхоза — бахча, овощи и пасека. Однажды я стал жертвой нападения пчел. Спасло меня то обстоятельство, что летом нередко были перебои с водоснабжением, и поэтому ванна была наполнена водой. Когда я с воплями вбежал в квартиру, Женя быстро погрузил меня в ванну, и пчелы отстали. Все же несколько дней я температурил. Может быть, перенервничал...

Бассейн, речка... Однако обучение плаванию проходило без особых успехов. Бассейн, по-видимому, был невелик. Дно в нем было наклонным, так что глубина плавно менялась. Я под руководством Жени заходил в воду по шею, а затем, барахтаясь, «плыл» в противоположном направлении. Отсутствие течения, малый размер бассейна создавали ощущение, что я действительно проплыл некоторое расстояние, но теперь я думаю, что речь могла идти о двух-трех метрах. В реке дело обстояло совсем иначе. Женя вносил меня на руках так глубоко, что ему было по шею, и отпускал меня, поддерживая рукой под животом, но я мгновенно оказывался у него на плечах. И оба мы никак не могли понять, каким образом это происходило. Но, так или иначе, я все больше привязывался к Жене. Думаю, что я его по-

любил, и это чувство сохранилось по сей день, а ведь его уже нет более сорока лет...

Редкие приезды отца (его я всю жизнь называл — папа, а отчима, как ни пытался, не мог отказаться от обычного — Женя) и радовали, и оставляли горький осадок. Да еще наша сентиментальная домработница Мотя после визитов моего отца приставала с расспросами и, пригорюнившись почему-то, всплакивала, вызывая слезы и у меня.

С бассейном связаны и ранние воспоминания о брате Жени — Андрее. Андрей Stanisлавович Боровик-Романов в моей жизни сыграл немалую роль. Он — сводный брат Евгения Stanisлавовича, мать которого рано умерла. Она была то ли финкой, то ли шведкой. Умерла в 1917 году, когда Жене было чуть больше двух лет. Их отец — Боровик Stanisлав Антонович — известный физик, изобретатель диффузионного вакуумного насоса, опередивший Ленгмюра, пользовался большим уважением П.Л. Капицы. Мать Андрея — Татьяна Федоровна Романова — тоже физик, тоже доктор физико-математических наук, специалист в области спектрального анализа. К браку Евгения Stanisлавовича они относились доброжелательно, хотя Наталия Мироновна была старше Евгения Stanisлавовича на четыре года, да и я был у нее на руках.

Андрей Stanisлавович 1921 года рождения, на шесть лет моложе Евгения Stanisлавовича. Значит, в 1938 году, когда он приехал к нам в гости и заодно познакомиться, ему было лет семнадцать. Он привез мне в подарок замечательную модель парусника, и мы с ним провели немало часов, запуская этот корабль (настоящий парусник!) в бассейне. Андрей Stanisлавович сразу же завоевал мое расположение, уважение, которые сохранились и по сей день, когда его уже нет с нами. И Евгений Stanisлавович, и Андрей Stanisлавович, конечно же, сыграли определяющую роль в моем становлении как физика и в воспитании вообще...

В выходные дни мы — Женя, мама и я — вместе ездили «в город». Почему-то мне запомнился самый центр — не столько кинотеатр (мы редко в выходные дни ходили в кино — ведь в нашем микрорайоне был свой клуб с кинозалом), сколько кафе поблизости от кинотеатра, где можно было съесть вкусные пирожные — эклеры и выпить крем-содовую воду. До войны я не отличался завидным аппетитом, что очень нервировало маму. Поэтому накормить меня было одной из тяжелых обязанностей Жени. Он усаживался рядом с газетой в руках, отмерял порцию и говорил, что пока я эту дозу не съем, мы никуда не пойдем. И я знал, что так оно и будет. А в воскресенье мне обещали поход в кафе и неограниченное количество пирожных. Мы заказывали десяток, но оказывалось, что даже второе

пирожное я не мог одолеть. Так что весь заказ заворачивался в пакет, и пиршествовали мы дома.

С этой кормежкой случались и казусы. Как-то маме в течение пары месяцев приходилось несколько раз ездить в командировку, по моему, в Москву. Во всяком случае, через Белгород. Возвращаясь из командировки первый раз, мама в Белгороде купила полное ведро меда — свежего, душистого, с сотами. И буквально через пару дней снова уехала в повторную командировку. Вернулась через неделю (может быть, дней через десять). Мы с Женей эти дни питались в основном белым хлебом со сливочным маслом и медом. В результате у меня разыгрался диатез. Я отчетливо помню мамин возглас: «Женя! Что ты сделал с ребенком!» И Женя, и мама утверждали потом, что и я твердил эту фразу, повторял ее и требовал Женю к ответу, но от меда отнюдь не отказывался. Женя только улыбался...

Заканчивая воспоминания о довоенном времени, надо вспомнить друзей и школу. Любопытная компания собралась в ОСГО. Если исключить иностранных специалистов, то это были молодые люди, в большинстве своем холостые, но некоторые успели даже развестись. Так что у моих друзей была судьба, сходная с моей. Вадим Стрельников — сын Маргариты Федоровны Федоровой, Алик Харахорин — сын Федора Федоровича Харахорина (мама Алика к тому времени вышла замуж за Симона Симоновича Шалыта, так что Алик бывал в Липовой Роще лишь наездами, но мы продолжали дружить), Екатерина Анатольевна Панина (впоследствии — заместитель декана физического факультета Харьковского университета) была разведена с Л.М. Пятигорским и перешла из УФТИ в ОСГО. Перешли в ОСГО и Николай Семенович Руденко, и Нина Петровна Тиханович. Это была дружная компания, их объединяла интересная работа и удаленность от дразг и репрессий, в то время потрясающих УФТИ. Радужные воспоминания о Липовой Роще присущи не только мне. Не так давно Екатерина Анатольевна рассказывала мне о том, как она сколачивала компанию, чтобы идти слушать соловьев в парке. В эту группу попали все, кого я только что перечислил. Труднее всего, по словам Екатерины Анатольевны, было извлечь из лаборатории Женю (его все так называли и в ОСГО, и в УФТИ — в криогенной лаборатории после войны) — уж очень он был увлечен своей работой (тема — «Теплопроводность криогенных жидкостей»).

Школа. В первый класс я пошел в 1940 году, как и все, восьми лет. Школа располагалась далеко от наших домов. Надо было дойти до железной дороги, перейти небольшой мост, перекинутый над железнодорожным полотном. Так мы и делали летом и осенью. Но зимой, если был снег, предпочитали спускаться с горки на железнодоро-

рожное полотно и перебегать в Липовую Рощу, а там уже рукой подать до школы. Уверен, что и сейчас нынешние местные школьники пользуются этим путем. К учебе я относился добросовестно и числился в круглых отличниках, хотя никакой предварительной подготовки не имел. Голова была забита множеством стихов, но читал я перед тем, как пойти в школу, вовсе не бегло. Серьезность моя той поры зафиксирована на фотографии 1940 года — очень серьезный, можно сказать, строгий молодой человек с явно выраженным чувством собственного достоинства и ответственности. Детство мое подходило к концу.

1937 и 1938 годы прошли в ОСГО без особых потрясений, подобных тем, что происходили в УФТИ. Почему-то сменили директора ОСГО, но ведь по тем временам это дело обычное. Уехали Руэматы, но ведь они иностранцы и приехали в Союз работать по контракту на время. Правда, уехали они неожиданно (скорее всего, их выслали, как нежелательных иностранцев). 1939 и 1940-е годы с их изгибами советской политики озадачили даже меня, семилетнего. Еще вчера фашизм изображался в виде стилизованного паука-свастики, плакаты с карикатурами Гитлера и его приспешников висели вдоль всей дороги от клуба до лабораторий ОСГО, а сегодня говорят о каком-то пакте о ненападении, о встрече Молотова и Риббентропа... Дома на мои вопросы отвечали, что я слишком мал, чтобы во всем этом разобраться, что пойму, когда подрасту. И я спокойно откладывал понимание на будущее. Благо мальчишки, и свои, ОСГОВские, и филипповские, такими вопросами не интересовались. Летом здесь обсуждались достоинства и недостатки самокатов, сооруженных нами самими с использованием шарикоподшипников, раздобытых в гараже ОСГО. Шел интенсивный обмен марками — первые уроки стихийного бизнеса. На этой почве (и самокатов, и марок) у меня особого авторитета не было, о чем свидетельствует малопочтенная кличка «Блоха» (даже не «Ерема», которая была у меня в школе во все годы). Для некоторого поднятия уважения к себе мне приходилось покуривать самокрутки (насколько помню, не с табаком, а с сухими листьями). Правда, зимой я поднимался по иерархической лестнице, так как благодаря Жениным урокам ходил на лыжах лучше других мальчишек. Особенно хорошо спускался с пологих склонов парка к замерзшей речке Уды. Ведь лыжи у меня были настоящие, с хорошими креплениями. Однажды катание на лыжах окончилось печально. У ОСГОВских ребят лыжи были не у всех, а может быть, только у меня одного. Во всяком случае, я часто катался в одиночестве, и в один не совсем прекрасный день подвергся нападению ватаги филипповских мальчишек... Лыжи я не отстоял. Вернулся домой лишь с лыжными

палками и синяками. Новыми лыжами не успел обзавестись, наступила весна.

Из спортивного инвентаря помню Женину теннисную ракетку. В Липовой Роще теннисных кортов не было, но был корт на территории УФТИ.

1941-й год. Все стало на свои места — фашизм таки фашизм, Гитлер и Муссолини таки негодяи, а 22-го июня Германия неожиданно напала на Советский Союз. Вскоре в нашем поселке появились армейские автомашины, красноармейцы расположились в саду в палатках. По-видимому, проходило формирование и вооружение какой-то воинской части.

Не менее важное событие произошло в семье. 17-го июля (день сдачи советскими войсками города Смоленска) мама родила младшего сына, моего брата Андрея («Блошонка», как его окрестили мои сверстники).

ОСГО оказалась на отшибе, казалось, что о ней забыли. В сентябре уже говорилось об эвакуации большинства учреждений и предприятий Харькова, невзирая на уверения С.М. Буденного о том, что «первую столицу Украины, пролетарский Харьков никогда врагу не отдадим». Считалось, что, в отличие от ОСГО, университет, где мой отец уже был доцентом, будет наверняка эвакуирован. Поэтому мама сказала, что мне придется некоторое время пожить в семье отца и, возможно, эвакуироваться с ними. Так я оказался в доме по улице Свердлова, № 110, расположенном как раз напротив Харьковской тюрьмы. Приходилось и раньше бывать в семье отца. Отношения с Хилей (Рахилией Шлемовой Копелевич), женой отца, были неопределенными. Она, очевидно, была доброй женщиной и очень старалась расположить меня к себе, но как-то очень неумело. Когда я был совсем мал, Хиля даже пыталась меня одевать после дневного сна, что меня возмущало — чужая женщина пытается меня, мужчину, одевать. Даже мама никогда этого не делала. Особенно меня смущали чулки на резинках, прикрепленные к какому-то детскому сооружению, именуемому лифчиком. Вечером я слышал, что Хиля, шутя, жаловалась отцу на мою строптивость. Но это было давно. А в 1941 году мне уже было девять лет, и я вполне осознанно воспринимал все события. В октябре меня навестила бабушка Роза и сообщила, что ОСГО неожиданно была срочно эвакуирована, она же (бабушка Роза) не смогла уехать с мамой, не повидав и не попрощавшись со мной. До войны я часто после посещения Харькова в выходные дни оставался ночевать у бабушки Розы. Летние каникулы (она работала в школе № 5, расположенной напротив ее дома, врачом) мы проводили вместе, обычно в Южном поселке под Харьковом, где она устраивалась работать

врачом в каком-нибудь лагере отдыха или пионерлагере. Вскоре после визита бабушки Розы советские войска оставили Харьков. Картина отступления меня поразила. Армия разбегалась. Никаких боев. На подводах с возгласами: «Пятки мажем!», — откатывались красноармейцы, которые ранее представлялись совсем в другом свете. Эту картину я наблюдал, стоя на улице Свердлова, а на самой улице появились хулиганы или вышедшие из тюрьмы уголовники, горланящие: «Бей жидов, спасай Россию!» Если первое становилось легко осуществимым, то о каком спасении России шла речь? Дня через три-четыре появились немецкие части — сначала мотоциклисты, потом конные обозы. Очевидно, танки и артиллерия обошли Харьков стороной. До этого несколько дней в городе было полное безвластие и грабеж населением оставшихся продовольственных запасов. На складах тюрьмы было мыло и махорка, столь дефицитные и необходимые в те тяжелые времена.

С приходом немцев установился «новый порядок». В первые же дни появился приказ коменданта города, обязывающий евреев, выходя на улицу, надевать нарукавную желтую повязку. Затем появился приказ всем евреям пройти регистрацию и прибыть в район тракторного завода, где якобы будет организовано еврейское гетто. Значит, оказалась права «большевистская пропаганда», о которой с таким недоверием отзывалась бабушка Роза. Она, прожившая в Германии двенадцать лет и получившая там высшее образование и диплом врача, что было немыслимо в дореволюционной России для девушки-еврейки, не могла поверить в то, что Германия стала воплощением варварства и антисемитизма. Однако реальность оказалась именно такой. Больше я бабушки Розы не видел. Очевидно, она подчинилась приказу и ушла в гетто и погибла в Дробицком Яру. Такая же участь постигла Хилу и ее престарелых родителей.

Отец же мой, Валентин Никифорович Еременко, забрав с собой меня и моего младшего сводного брата, трехлетнего Бориса, затаился у своих родителей, хотя приказ отправляться в гетто распространялся и на «споріднених». Как получилось, что он не смог эвакуироваться и спасти свою семью, я не знаю. Да и не мне судить об этом...

Я и до войны бывал в гостях у родителей отца — Еременко Никифора Гавриловича и Полины (Пелагеи) Никитичны. Они снимали две крохотные комнатки в покосившемся низеньком одноэтажном «флигеле» в задней части двора. Одна из комнатшек (проходная) служила и кухней. В ней располагалась печь, на которой готовили еду, и она же обогревала «квартиру». Неподалеку от нашего «флигеля» располагалась общая дворовая уборная «типа сортир». В центре двора — погреб, в котором все мы прятались во время бомбежек и арт-

обстрелов. Двор объединял несколько домишек, один из которых выходил на улицу. Весь двор имел один адрес — улица Плехановская (при немцах и, по-видимому, до революции — Петинская), № 110. Я недавно посетил этот двор. «Нашего флигеля» уже нет, за его счет расширилась территория соседней обувной фабрики. Остальные домишки, как ни странно, сохранились, хотя вокруг появились многоэтажные дома. Одно существенное улучшение — во дворе появилась водораспределительная колонка, источник питьевой воды. Раньше ее не было, и мне приходилось ходить за водой на соседнюю — Полевую — улицу, где в одном из дворов был колодец. Наш флигель был в самом дальнем углу двора. Он стоял на небольшом склоне, так что окна наших комнат были на высоте не более метра, а окна хозяйских комнат заметно выше. Небольшой клочок земли перед хозяйской частью домика был огорожен штакетником. В этом палисаднике до войны сажали цветы. Участок земли перед нашими окнами использовался более рационально — под крохотный огород (лук, укроп, огурцы...). В нашем углу был небольшой сарай, где до войны хранился зимой уголь для печи, а в военные годы — «шары» собственного изготовления (смесь глины, навоза и угольной пыли). Перед комнатой-кухней были крохотные холодные сени. Там дед соорудил полки, на которых хранились скудные запасы продуктов, когда они были в наличии. В сенях же был погреб, прикрытый люком. Здесь часто прятали Борю, реже — меня.

От соседнего двора наш двор был отгорожен высоким деревянным забором так, что между стеной нашего дома и этим забором была узкая темная щель. До войны дед здесь держал пару свиней (я даже помню их имена — Машка и Глашка). Осенью 1940 года их забили, и умельцы (дед и бабушка) изготовили вкуснейшую домашнюю колбасу, зельц и другие деликатесы. Помню, что в одно из посещений моего будущего пристанища военных лет осенью 1940 года собралась у деда с бабушкой вся «мафия». На фотографии, которую воспроизвести здесь не удалось по причине уж очень плохого качества, мое присутствие не зафиксировано, но видны папа Валя с братишкой моим Борей, дядя Костя с моими кузинами — Олей и Леной. На заднем плане можно разглядеть дедушку Никифора. Присутствовал, конечно, и мой дядя Боря — самый младший из дедовых сыновей, но на фотографии его нет — по-видимому, он-то и фотографировал. Зато он — шестнадцатилетний — со своим отцом на другой фотографии того же времени. Еще одна фотография предвоенного времени — бабушка Поля. Дядю Борю, который был старше меня на каких-нибудь семь лет, я воспринимал как своего старшего брата. Летом 1941 года мои визиты на Плехановскую участились — часть времени я проводил у

бабушки Розы, часть времени — у отца на Холодной Горе, а часть — на Плехановской. Большую часть времени проводил в компании дяди Бори. Помню какой-то шалаш во дворе, где Боря со своими дворовыми друзьями (помню одного — горбуна Леню) курил тайком. Хотя его родители — и отец, и мать — курили, его курение не одобрялось. У меня же с младшими мальчишками с нашего двора (и с соседних дворов тоже) нашлось более увлекательное занятие. Мы ставили силки для ловли воробьев, которых мальчишки почему-то называли «жидами». Я еще зловещего смысла этого слова не осознавал, хотя какие-то неприятные ассоциации возникали — так нас, ОСГОВских мальчишек, без различия национальности называли филипповские хлопцы. Пока предметом насмешек была не моя вполне определенная внешность, ведь большими носами обладали все Еременки, а речь, произношение. Оно чем-то отличалось от местного говора, и ко мне прилипла дразнилка: «На Холодной Горе говорят на букву Ге». Особой досады эта дразнилка у меня не вызывала, тем более что я считал себя жителем Липовой Рощи, а не Холодной Горы.

Итак, ноябрь 1941 года. Я и Боря (Боб, мой младший брат) уже у деда с бабушкой. Как мы там оказались? Я пришел пешком от Холодногорской тюрьмы до Балашовского вокзала, где неподалеку жили дед с бабушкой. Сейчас, когда мне давно за семьдесят, думаю, что пройти такой путь мне удастся за два-три часа. А тогда? Боба я притащил или попозже отец?

Пришел день, когда вереницы евреев потянулись через Балашовский мост в сторону тракторного завода. Стоя у ворот, но во дворе, не решаясь выйти, я наблюдал за происходящим, стараясь высмотреть бабушку Розу. Безуспешно... Процессия напоминала похоронную. Молчание. Обреченность. Старики, женщины, дети... Взрослых мужчин практически не было — кто имел бронь (сотрудники советских и партийных органов, специалисты...), успели эвакуироваться, а кто брони не имел, были призваны в армию. Шли по проезжей части улицы. Катили детские коляски, иногда кресла на колесах с больными и неподвижными стариками. На тротуарах стояли зеваки. Сочувствовали ли? Во всяком случае, антисемитских выкриков, которые приходилось слышать в другое время, не было. По крайней мере пока я стоял у ворот. Долго я не выдержал. Почему, почему... Почему бабушка Роза, добрая, милая бабушка Роза должна уйти из своей квартиры в какое-то гетто? Почему я не могу ее видеть? Почему Хилия и ее родители тоже должны уйти. Я особых чувств к ним не испытывал, но ведь они Борькины мама, дед, бабушка... А Борьку я уже любил.

В доме у нас таких вопросов не задавали. До последних дней отца (умер он в 1992 году) ни он, ни я, ни Боря ни словом не обмолвились

об этих событиях. Я уже тогда понимал, как тяжело отцу думать обо всем этом. И, тем не менее, когда отец перенес кое-какие вещи, оставшиеся на холодногогорской квартире, я заплакал. Отец только обнял меня и гладил, гладил по голове. Боря еще ничего не понимал...

Понимали ли соседи, какому риску подвергают себя наши дед и бабушка? Помнили ли они наших матерей? Мою — вряд ли. А Хиля, по-моему, никогда и не была у Еременков. Причина тому проста — дед Никифор не одобрял развода моих родителей и их повторных браков и недолголюбивал их новых супругов. Женю он иначе, чем Грибовик не называл, искажая его фамилию — Боровик. К маме же дед сохранил, если не теплое, то уважительное отношение. Может быть, потому, что когда-то она обучила его десятичным дробям и другим премудростям.

Как бы то ни было, никто нас не выдал немцам. Хотя догадывались, почему у Никифора Гавриловича с Полиной Никитичной поселились внуки. Но грех на душу брать нашим соседям не хотелось. Правда, иногда заходил главный хозяин, старший из братьев Бондаренко, заселявших весь двор. Шантажировал деда, требуя самогону и угрожая выдать «твоих жидят». И заливался при этом горячими слезами. Как уж с ним дед договаривался, я не знаю. К счастью, продолжалось это недолго — вымогатель и его дочь (лет двадцати) завербовались и уехали работать в Германию, оставив его жену, чтобы сохранила дом. Дом и сейчас еще не снесен, но дни его, по-видимому, сочтены. А уехавшие так и не возвратились... Где они? Стали гражданами Германии или сложили косточки там или в Сибири?

Какое-то негативное отношение со стороны соседей по двору все же было. Но это, скорее всего, связано не с полуеврейством внуков, скорее, с происхождением самих старых Еременко. Они были явно из раскулаченных, а может быть, из бывших богачей. И хотя домовладельцы Бондаренки тоже вряд ли относились к социально-близким и сочувствующим советской власти, какое-то настороженное отношение ощущалось. Возможно, причина такого отношения в образованности сыновей Никифора и Полины? Общую точку зрения выразил самый молодой сосед — шестилетний Коля. Зайдя к нам в гости, он заявил: «Ви багаті», но, оглядев комнату и, удивленный увиденной нищетой, растерянно, но, не желая поступиться убеждениями, закончил: «У вас аж два віники». Больших доказательств богатства он не обнаружил.

Как бы то ни было, нужно было начинать новую жизнь и как-то зарабатывать на питание. В первые два месяца из препаратов, раздобытых отцом в химической лаборатории университета, мы изготавливали спички, которые неплохо продавались на рынке (Конный базар). Спички в пучке по 25 штук обвязывались ниткой. К такому пучку

привязывалась картонка, на которую наносился слой, зажигающий спичку, как на обычной заводской коробке. Однако очень скоро запасы препаратов закончились. Был еще некоторое время казеин, тоже из лаборатории, его мы размягчали в кипятке и употребляли в пищу. Но хватило его тоже очень ненадолго.

Отцу пришлось идти по селам «на менку», благо пока еще оставались кое-какие вещи его семьи. Правда, существовал приказ, запрещающий горожанам выходить за пределы города, но другого выхода не было — голод не тетка, как говорит известная пословица. Во время одного из отцовских походов у него сломалась тачка, которую он перегрузил. Отец задержался на лишние десять-двенадцать дней. Вот эти дни для нас оказались самыми тяжелыми — есть было абсолютно нечего. А так абсолютного голода не было, дед с бабушкой умудрялись как-то нас с Бобом кормить. Хотя есть я хотел постоянно, это чувство не покидало меня ни на минуту. Бабушка Поля умела приготовить нечто съедобное почти из ничего — спечь хлеб из остатков кукурузы и картофельных очисток, жаркое из конской требухи... Однажды дед Никифор принес с рынка целую конскую голову, ее нам хватило надолго. Вот только Боб, увидев эту голову, испугался не на шутку. Мне доставалось — надо было взрослым (старикам!) помогать, да и в школу я попытался ходить. Преподавание на украинском языке, но учебники были на русском, советские, только упоминания о большевистских вождях, их имена были вымараны черной тушью. В школе я значился украинцем, благо в свидетельстве о рождении была указана одна фамилия и у отца, и у матери — ЕРЕМЕНКО, имя-отчество мамы НАТАЛЬЯ МИРОНОВНА сходило за украинское. Я даже дважды получал месячный паек — буханку кукурузно-просяного хлеба и 50-граммовый кусочек маргарина, о чем есть отметки в метрике (свидетельстве о рождении) — «Lebens mittel». Деда беспокоила моя школьная кличка — «Соломон». Он не считал, что она означает признание моей мудрости, по-видимому, не видел тому оснований. Поэтому, когда в школе произошел скандал (кто-то из озорников, вряд ли связанных с партизанским или подпольным движением, изодрал портрет фюрера великой Германии — А. Гитлера), дед велел мне прекратить посещение школы. Аргументация: 1) нечего туда ходить, ты и так знаешь то, чему там учат во втором классе (чтобы пропустить второй и пойти учиться в третий, такая мысль ни мне, ни деду тогда в голову не пришла); 2) как-то тебя странно кличут, уж не пронюхали чего; 3) школа далеко расположена и морозно очень стало зимой; 4) надо дома помогать. Я охотно со всей этой аргументацией согласился.

Из школьных впечатлений той поры сохранилась в памяти карикатура: карта Союза, в месте расположения Москвы Сталин в виде

паука, всю страну опутала паутина. И еще трезубец на первой странице газеты «Нова Харківщина» (шрифт и формат тот же, что и у «Соціалістичної Харківщини», той, что выходила при Советах). Портрет Гитлера, писанный маслом по холсту, был хорош, в полный рост, но его изодрали, а восстановления я не стал дожидаться.

Странно, но и в Бориной метрике я обнаружил отметку «Lebens Mittel», то есть и на него раз или два получался паек. Но ведь в его метрике ясно видно: мать — Копелевич Рахиль Шлемовна. Паяк выдавали в продуктовом магазине, что рядом с нашим двором в доме № 112. Хорошие люди постарались не заметить такой компрометирующей записи в метрике, но что заставило так рисковать...

Избавившись от школы, я полностью погрузился в работу по дому. Первейшей моей обязанностью был помол зерна, если таковое было (кукуруза, иногда рожь, овес). Зерна было обычно немного, но размолоть его было непросто — ручная мельница (на деревянный цилиндр набита жесь с множеством заостренных отверстий, набитых гвоздем; сверху надевается полый жестяной цилиндр, к нему приделана ручка, с помощью которой можно вращать внешний цилиндр и растирать зерно в муку, пусть и немелкого помола) позволяла намолоть стакан муки за час-полтора нелегкой работы. Зато укреплялись мышцы рук (да и спины!), несмотря на постоянное недоедание.

Дед сапожничал — шил бурки, подбивал их подошвами, обшивал какой-то кожей. Материал — старые вещи (пальто, кожанки и т.д.). В мои обязанности входило: 1) аккуратно распороть это старье бритвой по строчке так, чтобы не задеть ткань; 2) выпрямлять гвозди, так как их надо было использовать неоднократно при набивании на колодки (гвозди — дефицит, их надо экономить); 3) сучить, вошить дратву, которой дед пришивал подошву. Результат — продукция — тапки и бурки на резиновой, иногда кожаной, чаще войлочной подошве. Затем продукцию надо было продать, что тоже дело нелегкое. Зимой изготавливались в основном бурки, и их чаще всего реализовывал сам дед (по субботам и воскресениям, все на том же Конном базаре, что расположен в начале Петинской, т.е. Плехановской). Я зимой торговал редко, очень уж замерзал, хотя иногда приходилось торговать и зимой. Начал кашлять тяжело, испугал бабушку настолько, что она стала меня подкармливать какой-то дрянью, кажется, собачьим салом. Оказалось, в конце концов, что это не ТБЦ, а плеврит, что тоже не радовало. Рубцы в легких есть по нынешнюю пору.

Меня и Боба спасли бабушка и дедушка, которых с полным основанием можно отнести к «праведникам мира», спасавшим евреев в годы оккупации и нацистских зверств.

Они рисковали своей жизнью вполне осознанно. Соседи оказались порядочными людьми, но все годы оккупации наша семья была в полной зависимости от их настроения. А они особой симпатии ни к советской власти, ни к евреям, которых с этой властью отождествляли, не испытывали. Может быть, причиной лояльного к нам отношения было опасение, что победа, в конечном счете, окажется за Союзом, и советская власть возвратится. Но скорее всего, соседи просто симпатизировали Полине Никитичне и Никифору Гавриловичу, так как все они были из числа обиженных властью. Кроме того, у Полины Никитичны всегда можно было получить совет, как приготовить то или иное блюдо, и даже медицинскую консультацию, если кто-нибудь заболел.

Полину Никитичну отличало чувство собственного достоинства и соответствующая внешность, о чем свидетельствуют фотографии — и предвоенные, и, особенно, дореволюционные. Никифор Гаврилович не обладал столь представительной внешностью. Его сильной стороной был ум и практическое умение. Он многое умел — сапожничать, столярничать, готовить мясные деликатесы при наличии мяса. Умел он организовать и вести дело, как показало дореволюционное время. Дед — из простой, но крепкой крестьянской семьи. Рано осиротел. Образование — четыре класса церковно-приходской школы. Прошел путь от рассыльного в магазине, приказчика и, наконец, получив кредит от хозяина, увидевшего в нем перспективного молодого человека, открыл свое собственное дело. Во время первой мировой войны дед был призван в армию (фотография 1914 года), но на фронт не попал — то ли по состоянию здоровья (подозрение на ТБЦ), то ли сумел «прикормить» начальство.

Дело его значительно разрослось. Это была сеть артелей, производящих галантерейные товары, и магазинов, ими торгующих. Эта сеть охватывала не только губернию, которая сейчас именуется Днепропетровской областью, но и Николаевскую область, уроженкой которой была бабушка Поля. Проживала семья в селе Кременное (Днепропетровская область) в большом собственном доме. Февральскую революцию дед приветствовал и всю свою собственность (кроме дома, в котором проживала семья) подарил народу, опередив национализацию, и стал коммерческим директором возникшего кооператива. В этой должности он пробыл до объявления Новой Экономической Политики. В НЭПе дед угадал ловушку, поэтому уволился и переехал в Харьков, где стал бухгалтером в одном из харьковских предприятий.

В 1933 году дед пострадал в какой-то мере из-за меня. Мне уже исполнился год, и меня стали подкармливать кашами. Результат иллюстрируют фотографии тех лет. Но для приготовления каши требо-

валась манная крупа, которую в то время жестокого голода на Украине можно было приобрести только в Торгсине за твердую валюту. Не знаю уж, как и где мой отец добыл золотую монету царской чеканки. За нее он купил манной крупы для подкормки своего чада. Однако эта операция не прошла мимо внимания бдительных чекистов. Они справедливо решили, что у студента, коим был мой отец, вряд ли есть что-либо, кроме истраченной монеты, и принялись за деда Никифора, полагая, что часть своего золотишка он все же народу не сдал. Деда арестовали, продержали в застенках харьковского ЧК всего лишь три месяца, но этого оказалось достаточно, чтобы лишить деда практически всех зубов и укрепить его во мнении, что «совдепия — сучья власть». Золота от него не добились, ибо его действительно у деда не было. Его капитал был в деле, а дело он «передал народу еще в феврале 1917 года». Не любил дедушка большевиков и не стеснялся при мне выражать свою антипатию большевизму. Часто с огорчением вспоминал, что его средний сын Владимир был в «комсомолии», а потом еще и в партии (в «банде» по терминологии деда). Так что я был подготовлен к Хрущевскому докладу 1956 года задолго до его появления. Именно дед, правда, попозже, уже после войны, когда и я стал постарше, говорил мне: «Мы не знали никакого Сталина. Было два бандита — Ленин да Троцкий, а о Сталине мы не слышали. Это уж потом...»

И все же, когда при немцах к деду приходили его бывшие деловые партнеры и приглашали начать новое дело, он утверждал, что немцы пришли ненадолго, Россию им не победить. А раз Россией правят большевики, то ни о каком бизнесе речи не может быть. И что теперь у него одно дело — самим с бабой Полей выжить и внуков прокормить и уберечь.

Зима 1941/1942 годов была очень суровой. Морозной была и Новогодняя ночь. Немцы, что были на постое в нашем и соседних дворах, открыли беспорядочную пальбу трассирующими пулями. Получилось что-то вроде фейерверка. Но нам-то радоваться было нечему. Да и им собственно тоже — ведь блиц-крига не получилось, хотя они все еще были уверены в своей близкой победе.

Я не могу вспомнить, как мы размещались в этом крохотном помещении, именуемом в домовых книгах квартирой № 5. В первой проходной комнате спал немец — рядовой солдат. Простой рабочий в мирное время. Особых хлопот он нам не доставлял, целый день отсутствовал, приходил лишь ночевать. Но ведь комнатухи были маленькими. Правда, и мебели почти не было. Были полки и фанерные шкафы, которые соорудил сам дед. Был сапожный верстак, за которым работали дед и наш с Бобом отец. Ночевал отец в это время, по-види-

мому, еще в своей квартире на Холодной Горе. Во всяком случае, официально он выписался из этой квартиры лишь в апреле 1942 года. Значит, во второй маленькой комнате (12 квадратных метров) мы спали вчетвером — дед с бабушкой и я с Борей. В этой же комнате был буфет, в котором бабушка до войны хранила специи, пряности — корицу, душистый и горький перец, лавровый лист — и их запахи сохранились в дни оккупации.

Нашего немца звали Карл. Это был совершенно безобидный парень. По-моему, он даже догадывался о причинах нашего с Бобом пребывания без матерей у стариков, но помалкивал. Он говорил на какой-то странной смеси немецкого и польского языков (успел повоевать и в Польше) с добавлением русских и украинских слов. Весь день он был на службе в части и приходил лишь ночевать и каждый вечер со словами: «Alles, matka!! Война капут!» Так продолжалось несколько месяцев, а потом их часть ушла на фронт и больше мы нашего Карла не видели. Кстати, больше никого нам на постой не ставили.

...16 декабря 2001 года. Весь день по харьковскому каналу телевидения идет марафон — «Трагедия Дробизького Яра». Ничего для меня нового, но смотреть тяжело. Есть уточнение: все это произошло не в ноябре, как мне казалось, а в декабре. 24 октября немцы вошли в Харьков, а 14 декабря издали приказ, что «усі жиди та споріднені повинні з'явитися», указывался адрес ХТЗ. За невыполнение приказа — смерть.

Более всего возмущают вопросы: почему евреи подчинились приказу, а не попрятались и не разбежались? Потому что наглядно продемонстрировали кару — расстрел на месте. Потому что были сотни глаз дворников, да и многих «доброжелателей», готовых пальцем показать на своих бывших соседей, а то и знакомых, приятелей. И все же теплилась надежда — может быть, убьют не всех, пусть в кошмарных условиях в гетто, но, может быть, все-таки сохранят жизнь? Пусть все отберут, обрекут на кошмарный каторжный труд, но сохраняют жизнь. Ведь немцы же культурная, цивилизованная нация...

Еще и еще раз повторяю, что наши с Борей grandparents проявили мужество. Совесть им не позволила оставить внуков в беде. Хотя я знаю, чувствую, что выбор в жены евреек их сыновьями (Валентином и Константином) ни дед, ни бабушка в душе не одобряли. После войны отец женился в третий раз, на этот раз на украинке. И выбор этот для бабушки Поли и деда Никифора оказался горьким — им пришлось уехать из Киева и снова скитаться по углам. Так что права была баба Поля, которая невесток, кажется, никаких не любила.

Вернемся к зиме 1942 года. Она выдалась суровой, морозы за -30° по Цельсию. Может быть, и по этой причине я прекратил посещения школы. Тем более паек перестали выдавать. Голод, голод — все время хотелось есть. Основной моей обязанностью была доставка воды. Полное ведро я донести не мог. Поначалу мне выдали пятилитровый кувшин, но он был очень неудобен — ручка сбоку, нужно усилие, чтобы наклонить кувшин так, чтобы вода не проливалась. А руки у меня слабоваты. Вскоре я кувшин в колодце утопил — случайно или умышленно, трудно сказать. Теперь мне доверили даже два ведра. Я каждое из них наполнял на $2/3$ и несколько раз за день приносил чистую колодезную воду, которая нужна была и для приготовления пищи, и для умывания, и для стирки.

Для меня главный кошмар — уборная во дворе, оледеневшие доски, скользко, да и шатко. Борьке хорошо — он мал и пользуется горшком. Я выношу, а сам пользуюсь дворовой уборной, которая пугает меня с каждым днем все больше — растут наледи.

Худо-бедно дожили мы до весны 1942 года. Холодная, голодная, суровая была зима. Днем трудились — дед за верстаком, я помогал ему или крутил мельницу. Вечером зажигали «коптилку» (свечей не было, а коптилкой мы называли фитилек в блюдечке, на доньшке которого немного керосина), а чаще лучину. Читали. Дед любил читать. И многое знал. При своем формально четырехклассном образовании он был начитанным человеком и, самое главное, с незамороженными пропагандой мозгами. В его небольшой библиотеке были «Жизнь животных» Брэма, собрания сочинений классиков — Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других. Разрозненные тома энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Сначала я Боре читал вслух, в основном стихи, и вскоре он наизусть повторял: «Гарун бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла...» Я его познакомил с азбукой, а потом учил чтению и письму. Диктанты он писал под диктовку деда и оценки ему выставлял дед, очень замысловатые: «Изумительно», «Сногшибательно» (простого «отлично» — мало!). Хитрость состояла в том, что оценку Боб должен был написать сам, дед только ставил свою утверждающую подпись, если написано было без ошибок.

Весной 1942 года наш дедушка, настоящий *self made man*, проявил свою жизнестойкость — воспользовался тем, что власти разрешили брать в аренду под огороды землю. Деду удалось взять довольно большой участок земли (ограничений не было — бери, сколько сможешь обработать, но под определенную часть урожая, конечно) и не очень далеко, в километрах двенадцати от нашего дома. Он взял участок почти в полгектара. Чтобы прокормить такую ораву, какой стала его семья на старости лет (в 1942 году деду исполнилось

63 года), возможно, надо было взять и больший участок земли, но как его обработать. Посадить и посеять, не один раз прополоть, собрать урожай. В 1942 году наш с Борькой отец еще был с нами, но он часто уходил с тачкой «на менку» по селам. Добирался до Полтавской области — там села были побогаче. Если удавалось загрузиться, то в эту тачку впору было запрягать хорошую лошадь. Однажды в марте 1942 года в одном из отцовских походов (кстати, выход за пределы города власти запрещали, но в Харькове вообще ничего съестного приобрести было невозможно, приходилось рисковать) ось тачки не выдержала и на одном из ухабов сломалась. Отец надолго задержался, вот тогда-то мы и узнали, что такое настоящий голод — есть было абсолютно нечего.

В конце апреля 1942 года, объединившись с арендаторами соседних участков, удалось даже нанять тракториста (за определенную долю будущего урожая), и он вспахал и наш, и соседские участки. Самое трудное было позади, оставалось еще многое, но это уже было по силам деду при моем посильном участии. Отец закупил и на своей тачке завез посевной материал к нашему участку. Такое богатство невозможно было оставлять без присмотра, и деду пришлось поселиться прямо на участке. Для этого был сооружен шалаш. Довольно часто и мне приходилось ночевать с дедом в шалаше. Посадили все необходимое — картофель, бурак, кукурузу, фасоль, горох, подсолнух, кое-какие овощи и даже табак. Раз в неделю я совершал путешествие — приносил деду белье и иногда борщ или суп. Оставался на пару ночей у деда на огороде, днем помогал ему огородничать (полоть, окучивать, колорадских жуков, насколько я помню, в ту пору еще не было), затем шел домой, проводил пару дней с Бобом и бабушкой и снова возвращался к деду.

Не обошлось без происшествий. Первый раз мы прошли путь от дома до огорода вдвоем с дедом и не без приключений. Выйдя за пределы города, мы шли по узкой тропинке, по ней же вслед за нами помчался немец-мотоциклист. По-видимому, он не так давно сел за руль и упражнялся в вождении за городом. Одним словом, проезжая мимо, он задел деда. Удар был не очень сильным, но все же чувствительным. Дедушка упал, я заорал не своим голосом. Немец неловко остановил мотоцикл, подошел, к нашему удивлению, помог деду подняться и, по-видимому, начал извиняться. Но деду было не до его извинений, все-таки удар был чувствительным. Однако дома дед ворчал, что немец-сволочь все-таки «культурный гад».

Потом во время моих самостоятельных походов в одиночку до дедовского огорода ничего из ряда вон выходящего не происходило. Длительность переходов — часа четыре в один конец — была слиш-

ком утомительной: лето, жара, пить очень хотелось. Однажды в поле натолкнулся на скелет человека. Значит, за Харьковом все же были бои. Осенью урожай снимали с отцом, и он его свозил на своей тачке. Урожай оказался не таким, как ожидали, причина — ранние заморозки. Много не успело созреть. Все же собрали всего понемногу, расплатились за аренду земли и за вспашку. В доме висели кукурузные початки, потом их «лушили» вручную. Так же поступили с фасолью и горохом. Высушили табачные листья. Дед их ловко нарезал своим острейшим сапожным ножом. Курили и дедушка, и бабушка, и, наверное, отец. Но почему я так плохо помню присутствие отца? По-видимому, он где-то скрывался, чтобы не попасть под насильственную отправку в Германию — немцы охотились за химиками.

Снова наступили трудовые будни. Помол зерна. Выпрямление гвоздей. Дратва. Дед, сапожничая, за день здорово намусоривал. Он учил меня так подметать пол, чтобы себя не загрязнять — сбоку и от себя.

Пришла зима 1943 года, но она оказалась не такой суровой, как предыдущая. А в феврале в Харьков пришло первое освобождение. Немцы отступали в панике. Они даже не смогли раненых эвакуировать из госпиталей организованно. Легкораненые, которые могли передвигаться, сами плелись к поездам или машинам. Остался не взорванным немцами Балашовский мост и даже товарный состав на железнодорожных путях, как потом оказалось, груженный снарядами, остался не взорванным. Склады, на которых вряд ли были продукты, но находился спирт, тоже сохранились. Это помогло многим красноармейцам. Они вошли в город плохо экипированными. Особенно подвела погода — началась оттепель, а на ногах у большинства валенки. В конце февраля была настоящая распутица, солдаты шли в своих валенках по холодной слякоти. Солдаты в видавших виды шинелях, лишь у некоторых командиров (отнюдь не у всех) меховые полушубки. Картина безрадостная.

По-видимому, передовые части, вошедшие в Харьков, состояли из штрафников. Суд они вершили скорый. Солдаты ведут мужчину, очевидно, призывного возраста, со словами: «Ротный, полиция притащили!» Ротный только кивнул головой по направлению к забору. Пристрелили полиция и пошли дальше. Шли, шли. Телеги, запряженные небольшими крестьянскими лошадками, так отличающимися от немецких битюгов. Гнали немцев почти до Полтавы. Но вскоре ситуация изменилась. Немцы собрали кулак — танки, авиацию — и начали контрнаступление. На этот раз Красная Армия не бежала, как в октябре 1941 года, а отступала с жестокими боями. Однако очевидно было, хоть временное, но явное превосходство немцев, особенно в

воздухе. Немецкие самолеты беспрепятственно летали над городом и бомбили, бомбили.

Досталось и нашему домишке — вблизи упала небольшая бомба, чего оказалось достаточно, чтобы завалилась треть хозяйской половины дома. Наши комнаты устояли, но черепичная крыша большей частью осыпалась.

Вошли немцы. Эти были злющие. На моих глазах советского солдата монголоидной внешности, пытавшегося сдаться с поднятыми руками, немец застрелил у нас во дворе. Еще несколько дней тело лежало во дворе. Подморозило, а хоронить боялись. Всех мужчин призывного возраста в нашей округе немцы собрали и расстреляли у Балашовского моста. Убили и хозяина нашего дома. Спустя несколько дней его похоронили в палисаднике у самого дома. Овдовела хозяйка нашего дома Марфа Григорьевна. Поминки, на которые позвали и меня, оставили какое-то двойственное ощущение. С одной стороны, я сочувствовал Марфе Григорьевне и был ей благодарен за угощение, не часто мне удавалось так насытиться. С другой стороны, шевелилась неприятная мыслишка — откуда в наше время столько продуктов. А дело объяснялось просто: супруг Марфы Григорьевны до первого отступления советских войск работал в системе общепита и в безвластные дни основательно запасся продуктами. Дед такие действия осуждал, так как фетишизировал отношение к собственности: «Чужого, кому бы оно ни принадлежало, не бери никогда!»

Отец ушел с советскими войсками. Как ему это удалось, какие у него были документы, я не знаю. Но что-то охранное от университета или от советских властей должно было быть, иначе, как он мог бы избежать мобилизации. С ним пытался уйти и университетский профессор Комарь со своим сыном (старше меня на четыре-пять лет), но бомбежки были столь жестокими, что они вернулись. Отец же пошел дальше и, в конце концов, добрался до Уфы, куда эвакуировались университет и Институт черной металлургии, в которых он ранее работал.

В Харькове опять утверждался «новый порядок». Но теперь немцы решили обойтись без сотрудничества с украинскими националистами (к этому времени на западе Украины Повстанческая Армия под руководством Степана Бандеры выступила против немцев). Газета «Нова Харківщина» выходила на украинском языке, но без трезубца на первой странице, как это было в период первой оккупации. Прошел слух, что главного редактора газеты и других националистов немцы расстреляли.

Начались бомбежки. Теперь советские самолеты бомбили Харьков. Разбомбили эшелон со снарядами, простоявший вблизи Балашовского

вокзала еще со времени первого, февральского отступления немцев, и который не успели взорвать советские войска, с боями отступавшие в марте 1943 года. Теперь же частые и мощные взрывы продолжались всю ночь.

Нам с дедом прежде всего надо было починить крышу. Весенние дожди протекали в наше неказистое жилье. Дом был совсем невысок. Дед забрался по приставной лестнице наверх, а я, стоя на этой лесенке, подавал ему черепицы для укладки на крыше. Вдруг какой-то немец-придурок дал автоматную очередь в нашем направлении (такие у них шуточки). Дед, испугавшись, скатился с крыши. Все бы обошлось, если бы не тяжелые падающие черепицы, которые сильно ударили нашего деда. Я отделался испугом, а дедушка долго болел. Попытались мы с дедом снова возвратиться к огородничеству, но без особого успеха.

Во-первых, задержались с началом работ по причине военных действий, а потом дедушка долго не мог поправиться после падения с крыши. Все же небольшой участок мы засадили картошкой, кукурузой и подсолнухом. Даже шалаш соорудили и разжигали костер, чтобы приготовить себе кулеш. Однажды наш костер привлек внимание советского летчика, который не смог, по-видимому, отбобиться над Харьковом и сбросил бомбы в районе огородов. Одна из бомб попала на наш участок, но подальше от шалаша. Часть будущего урожая пропала. После этого мы с дедом отказались от ночевок и почти забросили огород, сосредоточившись на сапожничании. Кое-что все-таки удалось осенью собрать, хотя совсем немного.

23 августа 1943 года советские войска освободили Харьков. На этот раз все происходило совсем не так, как зимой. Немцы отступали после тяжелых боев, но организованно. Они даже контролировали растаскивание продовольствия со складов. Недалеко от нашего двора был мукомольный завод. К нему выстроилась длинная очередь. Разрешалось унести сколько сможешь, но за порядком строго следил немец, вооруженный автоматом. Зачем им это было нужно? *Ordnung uber alles?*...

Взорвали Балашовский мост. Отступая, на этот раз немцы взрывали все, что могли. Видно, понимали, что больше им не вернуться. Нам с Бобом было велено бежать прятаться в погреб, который был расположен подальше от домов. Не успели мы добежать до середины двора, как после сильнейшего взрыва раздался мерзкий свист или вой. Очень близко от нас. Я решил, что это снаряд или мина. Сшиб Борьку и упал на него. Что-то шлепнулось и продолжало выть, медленно затихая. Оказалось, никакая это не мина и не снаряд, а булыжник размером с арбуз средней величины — при взрыве Балашовского

моста, расположенного в метрах ста от нашего двора, разбросало булыжники с его проезжей части. И один из них занесло на наш двор. Он-то и испугал так нас. Слава богу, это был наш с Бобом последний серьезный испуг.

В город вошли советские войска. Сначала группа автоматчиков. Обратила на себя внимание новая форма, приличное обмундирование. Совсем не то, что было в феврале! Появились автомашины, грузовики — студебеккеры. Все было совсем иначе, чем зимой, основательно, убедительно. Ясно — это освобождение!

Восстанавливались советские порядки, закрывались «частные лавочки», но не сразу и не все одновременно. Мне еще раз или два удалось на частных мельнице и маслобойке переработать остатки нашего урожая. Получилась хорошая, хотя и крупного помола, кукурузная мука и отличное подсолнечное масло. Это необходимые ингредиенты для приготовления праздничного блюда — «мамалыги». Да еще из подсолнечного жмыха получилось редкое лакомство — «макуха». Пишу об этом только для посвященных! Запасы были у нас совсем небольшие, но для меня вес оказался более чем ощутимым. Мешок перевязывали посередине, и его половинки свисали по спине и на грудь. Была и дома работа — дедушка продолжал сапожничать. Появилось и новое времяпровождение — стояние в очередях за хлебом, его стали выдавать по карточкам. Пайки небольшие, иждивенческие, но все же это хлеб!

Вскоре я пошел в школу. Пошел в третий класс, хотя второй класс я почти не посещал (ограничился первой четвертью). Благо документов никаких не требовали. Отставания по учебе не почувствовал, но мальчишки знали много такого, чего я не знал — что из снарядов можно наковырять фосфор (?), который светится в темноте, что неподалеку можно найти и патроны, и оружие. Гранаты и даже мины. Интересно, конечно. Но, во-первых, за нечто подобное мне уже доставалось от деда и ранее — во время оккупации. А во-вторых, некогда — школа, домашние уроки и работа по дому (все те же гвозди, дратва...) занимали все время.

Наступившая зима 1944 года была не столь суровой. Школа не так далеко, как прежняя — на Плехановской улице возле клуба «Металлист». Третий класс я закончил успешно, но не думаю, что на все пятерки. Не чувствовал, чтобы одноклассники меня опережали, хотя многие были постарше меня. По арифметике я даже выделялся, преуспевал (обучился хорошо и быстро считать, торгуя на базаре дедовского производства обувью). Но почему у меня и в этой школе прозвище «Соломон»? Если бы я знал, что это совсем не обидно. Но как это произносилось. А ведь это другая школа, и никого из прежней

школы как будто бы не было. А вот надо же тебе — «Соломон», не «Ерема», что было бы естественней и реализовалось впоследствии в других школах.

Весной 1944 года уже не шла речь о большом загородном огороде. Советская власть земель не разбрасывалась, у нее другая задача — укреплять колхозы, а не поощрять частнособственнические инстинкты. У деда нашего осталась единственная возможность прокормить «ораву» — сапожное дело. Благо до таких мелких частников у советской власти руки еще не дошли. Я же продолжал торговать его продукцией на Конном рынке, хотя все реже.

Вернулась из эвакуации семья самого старшего из второго эшелона Еременковского клана — Константина Никифоровича, его жена Роза (надо же, опять!) и их дочь, а следовательно, моя кузина, Оля. Оля — моя ровесница, перешла уже в пятый класс. Она привезла учебники для четвертого класса, и я тут же начал их изучать — «Естествознание», «География», «История». Ничего не постижимого нет. Посмотрел и арифметику, перерешал задачки — и здесь проблем не видно. Но вскоре выяснилось, что Оля привезла с собой не только учебники, но и корь. Вслед за нею заболели и Боб, и я. Комнату, где обычно работал дед, затемнили, зашторили окна, и в ней расположили нас всех троих. Было нескучно, но душно в комнате, ведь лето. Дедушка перебрался на свежий воздух и работал во дворе перед домом, у нашего окна. Болели тяжело — температура высоченная. Благо бабушка Поля имела большой опыт выхаживания больных детей. Она в свое время родила пятерых детей — четырех сыновей и дочь. Дочь погибла во время налета не то красных, не то зеленых во время Гражданской войны. Сыны все выросли — Костя (1907 года рождения), Володя (1909 года рождения), Валя, наш с Бобом отец (1911 года рождения), и Боря (1925 года рождения). Вылечила бабушка и нас — троих своих внучат.

Выздоровев, я снова принялся за учебники (дед подзадоривал, напоминая, что Оля меня опережает!) и осенью пошел в пятый класс, сдав экстерном экзамены за четвертый класс. Все было бы ничего, но в пятом классе все уже должны быть пионерами, а я не был и не хотел им быть. К этому времени дед успел мне рассказать о своем дореволюционном прошлом, как он выбился «из сирот в люди», и о своем видении поступка Павлика Морозова — знаменитого пионера, из идейных соображений «настучавшего» на своего собственного отца. Одним словом, в пионеры мне не хотелось. Поднялся переполох — объясни, почему? Объяснить я не мог, да и не хотел. Твердил одно: «Я не знаю. Не хочу». Школьная директриса оказалась умнее других преподавателей и замяла это дело, сформулировав приближи-

тельно так причину моего упрямства: «Отсутствие родителей. Нездоровое влияние темных стариков». Одним словом, обошлось. Но дед был доволен (я так думаю).

Осенью семья Константина Никифоровича получила жилье (две комнаты в квартире с соседом — в доме, называемом «Красный промышленник»), а в 1945 году К.Н. призвали в Армию, и он стал майором-строителем (ведь он в свое время окончил Харьковский инженерно-строительный институт — ХИСИ). Их семья побывала в послевоенной Германии и вернулась в упомянутую квартиру в 1946 году. А пока в 1944 году мы узнали, что происходило с ними, с семьей Владимира Никифоровича и их младшим братом Борисом. Дед был очень недоволен своими старшими сыновьями, считал, что они не уберегли Бориса во время эвакуации. Не ручаюсь за достоверность, но, мне кажется, дело обстояло так (по рассказам в те дни и в последующие годы). Сначала Борис эвакуировался с семьей Константина в Челябинск. Потом упоминался Нижний Тагил, где оказалась семья Владимира. (Владимир Никифорович, его жена Матрена Андреевна и их дочь Лена — ровесница моего брата Бори и наша, соответственно, кузина. В этой семье есть еще одна наша кузина Света, послевоенного производства.) В Тагил же переехал Борис (Никифорович). Работал он на заводе (рабочим — или слесарем, или токарем), а жил в общежитии. Случилось так, что во время санобработки погиб его кожаный — единственная его теплая одежда — и он не смог выйти на работу. Записали прогул и по закону военного времени дали срок (год), который он отбыл в лагере там же, неподалеку от Тагила. Потом Владимиру как-то удалось Бориса вытащить. Может быть, все было несколько иначе, но, как бы то ни было, в 1944 году осенью Борис был уже в Харькове и даже поступил на первый курс ХИСИ, но через месяц был мобилизован, попал на флот, а оттуда был отобран для поступления в Высшее военно-морское училище и оказался в Ленинграде. Он был очень красив в форме моряка-курсанта, но окончилось все очень печально — во время выпускных экзаменов в 1949 году он неожиданно умер. Врачи констатировали причину смерти — инфаркт миокарда. Лагерная зима не прошла даром...

Осенью 1943 года пришли первые письма от отца. Он писал из Уфы. Работает в исследовательском институте и с этим институтом собирается возвращаться на Украину, но не в Харьков, а в Днепропетровск или даже в Киев. Собирается всю семью забрать к себе.

В 1945 году я продолжал учиться в пятом классе, пропуск четвертого сказывался в начале учебного года, особенно при написании диктантов — и русских, и украинских. Первый мой украинский диктант ознаменовался двадцатью ошибками. Я очень расстроился, уте-

шало лишь то, что мой результат не был рекордом класса. Продолжал упорно учиться в пятом, в четвертый не вернулся. К весне 1945 года мои школьные дела вполне нормализовались. Дома все шло по заведенному распорядку — уроки (прежде всего!), но и трудиться надо (убеждения деда!).

Весной 1945-го, во время весенних каникул, т.е. в марте, с мешком на плечах, в котором тащил зерно (кукурузу, наверное), я неожиданно повстречал на Плехановской улице, недалеко от улицы Молочной, где находилась мельница, Маргариту Федоровну Федорову. Она одной из первых сотрудников УФТИ реэвакуировалась и, по-видимому, знала адреса ОСГОВцев. Меня Маргарита Федоровна в первый момент не узнала, мне даже показалось, что она меня почему-то испугалась. Остался какой-то неприятный осадок от этой встречи, и дома я о ней не сказал.

Все же Маргарита Федоровна, по-видимому, сообщила о встрече со мной маме. В апреле пришло от нее письмо — все живы, братишке Андрюшке четвертый год, скоро встретимся и проживем, как прежде, до войны. Но самое главное — был обратный адрес!

И здесь дедушка Никифор, мне кажется, поспешил, поставив передо мной вопрос ребром — с кем я буду жить. Если с дедом и бабушкой, то надо думать о переезде к отцу в Киев. И тут навалилась на меня тоска. Я и раньше скучал, тосковал о довоенной жизни. Часто снились мне кошмары, почти всегда содержащие какую-то беду, произошедшую с маленьким Андрюшкой. Написал маме письмо, описывающее мою жизнь, но без слов, что же дальше, как будем жить. Подумал, что это ей решать, ее право, а дедушка должен будет согласиться. Уже сложил письмо треугольником, надписал адрес, но тут дед чем-то меня сильно обидел (словом, конечно, не помню, чтобы он когда-нибудь ударил, хотя и грозил своим «шпандером» — тонким и длинным ремешком). И вложил я в письмо-треугольник клочок бумаги со словами: «Забери меня. Не могу больше». В конце апреля приехала мама. Как она успела так быстро приехать, ведь из Кемерово до Харькова поезда шли неделями, да еще разрешение надо было получить...

О чем говорили мама с дедушкой (и бабушкой) не знаю. Думаю, что она их благодарила. Видел удивленный взгляд Бори, который не мог понять, почему моя мама — не его мама тоже. Видел, что маме жалко не только меня, но и Борю — ведь сирота.

Сколько времени это продолжалось... Мне кажется, провела мама в Харькове не более двух дней. Может быть, одну ночь. Забрали в школе табель с оценками за весь год, выставили их загодя. Собрались в тот же день в дорогу. Прощаясь с дедушкой и бабушкой, ска-

зал, что скоро вернусь в Харьков и буду часто к ним приходить. Кстати, так оно и было в 1946 году, до их переезда в Киев. В 1946-м, после моего возвращения в Харьков с маминой семьей.

А пока весна 1945-го. В апреле в Харькове неожиданно выпал снег. А приехали мы в Кемерово в начале мая и через пару дней — победа! Окончилась война!

Появились мы с мамой в доме поздно вечером. Комната в деревянном доме на окраине Кемерово. Знакомый туалет — во дворе. Женя меня обнял и сразу покори́л, открыв банку сгущенки — я ее не видел все эти годы. В памяти возник довоенный мамин торт. Она ни готовить еду, ни печь торты не любила. Поступала проще — укладывала купленное печенье и поливала сгущенным молоком. Мне казалось, что это и есть самый вкусный торт. Сейчас это вспомнилось, я видел, как рады этому и мама, и Женя. Проснулся Андрюшка и потянулся ко мне. Он такой славный, но совсем другой, не такой, как снился мне — ведь я его помнил трехмесячным, а он уже четырех-летний бутуз.

И мама, и Женя работали на азотно-туковом заводе, где изготовлялось какое-то сырье для взрывчатки. Производство было вредное, наверное, как всякое химическое производство. Мама однажды, еще до моего приезда, пострадала — прорвалась какая-то система, и цех, в котором она работала начальником смены, залило ацетоном. Мама что-то там, буквально по пояс в ацетоновом озере, перекрывала, одним словом, проявляла героизм. Во всяком случае, уберегла завод от большой аварии. Женя работал главным специалистом завода по приборам. Вскоре пришел вызов из УФТИ, в котором «научный сотрудник Боровик Евгений Станиславович» был затребован для восстановления УФТИ и работы в нем. После прохождения бюрократических, ведомственных трудностей Женя уехал в Харьков. Мы пока остались в Кемерово. Я окончил пятый класс, и все лето отдыхал в пионерлагере, выдав себя за пионера, в тайге, на берегу полноводной Томи. Лето было замечательное, хотя дисциплину я переносил с большим трудом, избегая построений и прочих дисциплинирующих процедур (зарядка, пионерские костры и пр.). Зато научился плавать, хотя чуть было не утонул. По Томи сплавлялся лес, и я попал в окружение бревен. Сначала они мне помогали — от бревна до бревна я доплывал, но незаметно оказался далеко от берега. Выбрался на островок и оказался среди малинника. Ягод на этом островке было море. Потом мы с мальчишками регулярно добирались до этого островка, используя «плавсредства» — доску или что-нибудь плавучее.

Правый берег Томи, на котором и был расположен лагерь, был высокий и крутой. В нем были норки (гнезда) птиц — стрижей и ка-

ких-то птиц покрупней. Мы взбирались от реки по этому крутому, отвесному берегу, чтобы заглянуть в гнезда, что вызывало протест со стороны родителей птенцов. В результате я однажды свалился с высоты метров трех-четырёх. Досаждали еще клещи — несколько раз я извлекал их из своего тела. Зато было очень интересно — белки, бурндучки, лисы, а однажды в малиннике видели медвежат. Питания мне все время не хватало, но когда лето окончилось (провел в лагере три смены, не выезжая) и я вернулся в город, мамину удивлению и восторгу не было пределов — мой рост увеличился на семь сантиметров, а вес на четыре килограмма. В сентябре пошел в шестой класс, особых проблем не было, появились даже друзья. Вот только вскоре начались морозы, и я умудрился в конце ноября (или в начале декабря) обморозить уши. Выбросы завода часто образовывали ядовито-кислый смог серо-желтого цвета. Переносил я его с трудом. А ведь мама работала непосредственно на заводе и вдыхала этот смог постоянно уже четыре года. В военные годы, чтобы подкормить Андрюшку, и ей, и Жене приходилось сдавать свою кровь — ведь донорам полагался дополнительный паек. В последний год пребывания в Кемерово, уже после капитуляции Германии, в июне–декабре мама работала на строящемся новом комбинате, на который прибывало по репарациям немецкое оборудование. На демонтаже и установке оборудования работали пленные немецкие солдаты под маминим началом — начальство сочло, что маме должно помочь знание языка (идиш напоминает немецкий, по крайней мере, для русского уха). Но мама идиша не знала — бабушка Роза, если по какой-то причине уходила с русского, то на свой берлинский диалект, который ее приятельницы худо-бедно понимали, принимая за какой-то глубоко провинциальный идиш. Все-таки у мамы в результате кое-какие знания немецкого были, чему еще способствовало сотрудничество с Мартином Руэманом, которому очень не давался русский. Маме было трудно, теперь она вспоминала слова, часто произносимые в свое время Руэманом — «я большой дурак на язык». Все-таки она как-то общалась с этими пленными и, насколько я понимаю, не особенно с ними любезничала. До своих преклонных лет (умерла мама в возрасте 94-х лет) она свою, мягко выражаясь, неприязнь к немцам сохранила.

В отсутствие Жени нам с мамой приходилось нелегко. Помимо всего прочего, много хлопот доставляла печь. Неподалеку от нашего дома был копер — устройство для загрузки углем тендеров паровозов. Андрюшка любил наблюдать за работой этого устройства и просил гулять с ним именно в этом месте. Я (или мама) гуляя, присматривали, где просыпалось немного угля, чтобы попозже подобрать его

в ведро. А больше на день-два и не надо, так как хранить уголь было негде. Даже маленького сарайчика, как у деда на Плехановской, здесь у нас не было. Почему-то я плохо помню этот период (сентябрь–декабрь 1945-го). Даже описать наше жилье вряд ли смогу подробно. Дом был деревянный, двухэтажный, наша комната на втором этаже. Печь в комнате, на ней же готовили еду. Андрюшкину кровать помню, но для меня и мамы на ночь расставляли раскладушки. Где я готовил уроки? А к урокам я относился серьезно. Одно из моих домашних сочинений зачитывалось в классе (описание зимней ночи в подражание кому-то из классиков, ощущений человека, отогревающегося у печи, и наблюдений за огнем в печи). Я был очень смущен и побаивался насмешек со стороны соучеников. Но все обошлось, «Соломоном» меня не нарекли, а впервые — Еремой. И друг у меня появился — одноклассник и сосед по дому. Его провоцирующая фамилия — Свиныхов — прошла мимо внимания одноклассников и к нему обращались просто по имени Сергей.

Да, так вот жилье. Центрального отопления, конечно, не было в доме, а может быть, и во всем Кемерово. Вода — колонка поблизости, в моих глазах это уже признак комфорта и цивилизации. Уборная, конечно, вне дома, обычная кабинка с выгребной ямой, но не столь запущенная и неухоженная, как на Плехановской, № 110.

Меня все еще мучили ночные кошмары — обычно немецкие войска, чувство полной незащищенности, невозможности укрыться, где-нибудь спрятаться. Но основной проблемой была растопка, отсутствие дров (и это в городе, вокруг которого тайга). На Плехановской был сарай и кое-какие довоенные запасы дровишек, которые мы расходовали очень экономно, а из угля под конец осталась пыль, которая использовалась для изготовления шаров, основной массой которых была глина. Здесь же, в Кемерово, хранить топливо было негде. По ночам мы с мамой выходили на поиски дровишек. Ощущал себя помощником в семье. Мама, посмеиваясь, повторяла, несколько изменив Некрасова, что «в семье два человека всего мужиков-то, Андрюшка да ты». Однажды мы решились волоком утащить старую просмоленную железнодорожную шпалу. Пригодились навыки, приобретенные за годы оккупации. Пилы у нас не было, но мне удавалось топором отколоть щепу — именно то, что нужно было для растопки нашей печки. Наколот я с запасом, но где хранилась оставшаяся, большая часть шпалы, не помню.

Морозы крепчали, уши я умудрился обморозить. Время от времени в наши края от завода распространялось желтое удушливое облако, свербил в гортани, в бронхах. Однажды на другом заводе, кажется, пороховом, расположенном на правом берегу Томи, произошел

взрыв. Толпы людей бежали, выкрикивая: «На правом, на правом!» Андрюшка долго потом при каждом громком стуке утверждал: «На правом!»

В декабре, наконец, и мама получила разрешение на эвакуацию, и мы собрались уезжать в Харьков. Поехали поездом, без пересадок, но с длительными остановками «у каждого столба». Два плацкартных места. Мы с Андрюшкой на верхней полке. За время длительного путешествия у меня выработался рефлекс — подгребать братишку к себе поближе, чтобы не свалился с полки. На остановках мы с мамой по очереди выбегали за покупками продуктов. Когда добрались до Европы, кажется в Курске, купил пару яблок для Андрюшки, но он отреагировал на угощение совсем неожиданно — отказался от яблок и со слезами потребовал морковку. Что такое яблоки, он на пятом году жизни еще не знал.

Известить Женю о точной дате и времени нашего прибытия мы не могли, так как поезда все еще ходили нерегулярно, с большими опозданиями. Сообщили только, что выехали. В результате, когда мы прибыли в конце декабря поздней морозной ночью, нас никто не встречал. Было поздно и темно, город еще освещался недостаточно. Трамваи все же ходили. От Пушкинской улицы до Юмовского тупика, где располагался УФТИ с его криогенной лабораторией, шли пешком — мама со спящим Андрюшкой на руках, а я волоча по снегу большую плетеную корзину с нашими пожитками. Пришли в УФТИнский двор, подошли к криогенной лаборатории. В одном из ее окон светился свет. Мама стала бросать в это окно снежки и — о, радость — в окне появилось знакомое ей лицо Александра Иосифовича Судовцева, с которым она была знакома с шубниковских времен (их обоих можно увидеть на фотографии группы первых сотрудников криогенной лаборатории Льва Васильевича Шубникова, датируемой 1935 годом). Александр Иосифович проводил нас к Жене, который жил пока в одной из лабораторных комнат. Здесь мы и устроились временно всей семьей. Не так уж по тем временам и плохо — водопровод и газ в комнате, отопление, правда, еле-еле теплое, но ведь центральное. И запахи лаборатории, напоминающие ОСГО и довоенную жизнь.

В январе 1946-го продолжил обучение в шестом классе в школе № 82, что на углу улиц Чернышевской и Петровского. В этой школе (по крайней мере, в нашем классе) никакого враждебного отношения к евреям не было, хотя бы потому, что более половины учеников и были евреями или, в крайнем случае, полуевреями. Трудностей с учебой у меня не было. Даже украинский язык, несмотря на перерыв в его изучении, не был камнем преткновения. Это несколько удивило преподавательницу украинского языка и литературы, поскольку счи-

тался я только что приехавшим из Сибири. О том, что отсутствовал на Украине не более полугода, я не распространялся. Не обошлось без казусов — читая шевченковское «а той тихий та тверезий точить ніж на брата, як кішечка підкрадеться та й запустить пазурі в печінки», я вместо неизвестного мне слова «пазурі» произнес неуместное «пузирі», чем вызвал веселый общий хохот, но и сочувствие — мои соученики смысл слова узнали лишь днем раньше, до того, попадая в ловушку, как и я (на украинском это слово значит «когти»). В классе было много приехавших из России, иначе, откуда бы взяться упомянутой половине класса, но они приехали годом и более ранее меня. От изучения украинского не отказывались, но и особого старания не проявляли. Для меня же украинский особый труда не представлял — у деда дома им часто пользовались, иногда по вечерам даже песни украинские пели. Да и в предыдущих школах (кроме, конечно, кемеровской) преподавание включало украинский язык и литературу.

Одним словом, в новой школе я почувствовал себя «в своей тарелке» и включился в общий хулиганский настрой. Подробное описание школьной жизни (1946–1950 гг.) заняло бы слишком много времени. Скажу только, что в 1949 году мы пережили 70-летие И.В. Сталина и моего деда Никифора. О наиболее колоритных одноклассниках не могу не сказать несколько слов. Некоторые из них покинули нас по окончании седьмого класса, так что откладывать рассказ о них нет смысла. Вот, например, дружная пара — Малиновский (Малина) и Эммануил Гефтман (Эмма). Первый близок к уголовным кругам, второй просто дружит с Малиной. Запомнился один из монологов Малины: «Эмма, ну что ты за человек, я не пойму — в собственной квартире счетчик снять не можешь. А ведь он денег стоит». Эмма лишь виновато что-то бормочет, квартира, мол, коммунальная, пойдй, разберись, где чей счетчик. Так, не ровен час, и свой счетчик спереть можно. После седьмого класса Малина вовсе исчез куда-то, а Эмма уехал в Одессу, где поступил в физкультурный техникум. Через пять лет он снова появился в Харькове — хороший баскетболист, спортивный судья и тренер. Упомяну еще об одной паре — Миша Гольдман и Женя Гельберг. Первый запомнился лишь встречей много лет спустя, когда я был уже доктором наук и членом академии. Миша поинтересовался, сколько я зарабатываю при моих званиях и, услышав ответ, ужаснулся: «Как же ты живешь?» Он в это время работал зубным техникум. Женя же Гельберг стал начальником отдела снабжения одного из крупных харьковских заводов, весьма уважаемым человеком. В середине восьмидесятых годов я его встречал на стадионе, где он совершал утреннюю пробежку и зарядку, чем ино-

гда и я занимался в те годы. А в голодные 1946–1947 годы он получал на весь класс хлеб и сахар и однажды был бит за некоторые нарушения. Был покаран при полном одобрении всего класса, но от снабженческих обязанностей не освобожден, просто ужесточился контроль. При справедливой дележке каждому доставался кулечек с тридцатью граммами сахара и пайка черного хлеба. Я и сейчас не отказываюсь от такой «вкуснятины» — даже в присутствии на столе торта.

Ленька Лысенко (Лысый). Он докатился до поножовщины. Лысый и его приятели из старших классов создали бандитский имидж нашей школе. Именно так отозвался о ней Виктор Моисеевич Цукерник, когда, встретившись в конце девяностых годов в Израиле, мы вспоминали далекие послевоенные годы. В 1947 году открылась в нашем же районе школа № 36, и часть наших соучеников была переведена в эту школу (среди них Клавдий Маслов и Боб Бочаров, с которыми я встретился вновь в университете на физико-математическом факультете). Остался наш класс совсем неплохим — дружным, учились, за редким исключением, легко и успешно. При выпуске в наших рядах оказалось 8 медалистов (Алик Бару, Яша Спектор, Виталий Друзко, Валя Шипилло, Юра Баженов, Костя Комплеев, Витя Гефтер и я), среди тех, кто медали не получил, были не менее способные и даже, как оказалось, талантливые — Юра Арандт, Юра Дашевский, Алик Лесков, Алик Монин, Рафа Перельман и другие, здорово преуспевшие после окончания вузов, каждый своего, правда, не всегда по собственному выбору. Большинство стало видными инженерами, а в науке преуспели Бару (биохимия), Лесков (археология) и в какой-то мере я. «Вышли в люди» Ленья Бирбровер (начальник огромного цеха одного из харьковских заводов), Ленья Перельман (заведовал отделом в одном из конструкторских бюро), Алик Монин (главный инженер проекта в НИИ строительства не знаю точно чего), Виталий Друзко (заведует отделом в НИИ шахтного строительства) и др. Виталий Крыжановский, который отстал от нас на год из-за недооценки значения тригонометрии и переоценки значения этой науки Любовью Григорьевной, учившей нас математике, стал или заместителем министра или министром в последнем советском правительстве Украины. Были и потери, которые участились с годами. В. Мордухович умер в 19 лет (порок сердца), С. Клейман утонул в Лозовеньковском озере летом после окончания школы, Толю Лукьянова убил некто подобный нашему Лысому, всадив нож в спину (произошло это, когда мы были студентами второго курса и Толя продолжал уделять повышенное внимание девушкам). Алик Бару покончил с собой в 1982 году. Он был выдающимся биохимиком

с мировым именем, специализировался на химизме памяти. По-видимому, Алик был болен (МДП?), во всяком случае, я его видел и в депрессивном, и в эйфорическом состоянии. Его милые дочки живут сейчас в Бостоне (США). Старшая Валерия (Лерочка в детстве) замужем за Игорем Барьяхтаром. О них речь ниже...

Где остальные мои одноклассники? Юра Баженов, учившийся серьезнее и лучше нас всех, недавно умер в полном одиночестве. Спектор, Друцко все еще на Украине. А многие «уже далече»: в Израиле — Юра Дашевский, Леня Бирбровер и Йося Кикоин, ушедший из нашего класса в техникум по окончании семилетки; в США — Леня Перельман (в Калифорнии) и Алик Лесков (в Пенсильвании), Валя Шипилло (в Иллинойсе); в Германии — Алик Монин, Витя Гефтер.

Вернемся к нашей семье и в голодный 1946-й год. С жильем все еще не устроены, живем в лаборатории. Но вскоре Женя защитил кандидатскую диссертацию по материалам своих довоенных исследований теплопроводности криогенных жидкостей (азот, кислород, метан...), и у меня появилась новая приятная обязанность — отоваривать продовольственный паек, полагавшийся научным сотрудникам (кандидатам и докторам наук). Специальный магазин, именуемый распределителем, располагался на углу улиц Культуры и Тринклера. Очередь приходилось занимать рано утром — ученых в Харькове тьма-тьмущая, а распределитель один. Зато результат радовал. Запомнились порошковое молоко, яичный порошок, арахисовое масло и жвачка (chewing gum) с привкусом и запахом корицы. Недавно, будучи в Нью-Йорке, я обнаружил, что все тот же набор продуктов предназначается для поддержки самых бедных слоев населения (помимо food-stamps). Неужели до сих пор не израсходованы лэнд-лизовские запасы? Зимой, стоя в очереди, я успевал прочесть заданное в учебниках и изрядно продрогнуть, а ведь еще надо было отоварить хлебные карточки. И все же нам было намного легче, чем миллионам «не ученых».

А как же Еременки? Теперь тянуло меня к ним. Ведь столько пережили вместе, столько бабушка и дед сделали для меня и Бори. Было бы справедливо, если бы их причислили к «праведникам Мира», которые спасали евреев в годы Холокоста. Об этом со мной говорили в ХЕСЕДе в середине 90-х годов, но к тому времени и бабушка, и дедушка давно умерли. В 1946-м я часто приезжал к ним гости. Все тот же покосившийся домик, все те же проблемы... Благо теперь уже ходил до Плехановской трамвай (как сейчас помню — сел на № 5 и через 20–25 минут выходишь на углу Плехановской и Полевой). А оттуда уже два шага, и ты у деда с бабушкой в гостях. И Борька тебе рад-радешенек. Он к тому времени бегло читал и многие стихи

Пушкина и Лермонтова знал наизусть. Он был подготовлен отнюдь не к первому классу. Так и случилось — в Киеве он был принят сразу в третий класс и был моложе своих одноклассников минимум на год. Дед был доволен, что я в шестом (не потерял годы, хотя во время оккупации было не до посещения школы). Не доволен был дедушка моей одежкой. Снял с меня мерку, а при следующем визите (март 1946-го, весенние каникулы) состоялась примерка моего первого костюма, весьма похожего на дореволюционную гимназическую форму (или, вернее, форму реального училища). Костюм этот был теплым, из хорошей шерстяной ткани серого цвета. Где только дедушка ее достал, неужели сохранил с давних времен? Костюм состоял из брюк и френча, который опоясывался настоящим широким ремнем, под который я заправлял свои учебники и тетради — не нужен никакой портфель!

Бабушка просто старалась угостить меня, чем могла. Дед снова начал мучить меня, ставя вопрос ребром, подобно ленинскому: «С кем вы, господа социал-демократы?» Дело в том, что отец окончательно осел в Киеве. Он работал в Институте проблем материаловедения и преподавал в Киевском университете (на химическом факультете). Речь шла о предоставлении ему жилья и, следовательно, о составе семьи. Конечно, мой ответ был предопределен — мне грустно было расставаться с Еременками, но я помнил свою тоску в годы разлуки с мамой, Женей и Андрюхой. Одним словом, я остался в Харькове, а дед с бабушкой и Борей переехали в Киев к отцу...

Летом 1946 года Боровиковская семья, включая меня, получила в одном из УФТИнских домов две комнаты. Не в «элитном», а в двухэтажном доме, на первом этаже которого располагался детский сад, куда и определили Андрюшку. На втором этаже было два крыла коридорного (гостиничного) типа — три блока по две комнаты в каждом, но с общими на три блока кухней и службами. В нашем крыле поселились, кроме нас, семьи Стрельниковых и Судовцевых. Александр Иосифович Судовцев работал в той же криогенной лаборатории, что и Женя с мамой. С семьей Судовцевых установились самые теплые, добрососедские отношения, чего нельзя было сказать об отношениях со Стрельниковыми. Мне кажется, что в маминых отношениях с ними были отголоски 1937–1938 годов.

За лето 1946 года я перезнакомился со всеми УФТИнскими мальчишками. Были ребята постарше меня — Лев Корсунский, Вадим Стрельников, но у них были уже студенческие или предстуденческие интересы. Я же в нашей компании оказался старшим — Витя Богатов и Антон Вальтер годом или двумя моложе, за ними еще моложе Толя Шепелев, Алик Слуцкий, Илья Ахиезер, Миша Зейдлиц, Сеня Гарбер,

Юра Несмачный. Сколотили баскетбольную команду и даже футбольную. А в 1946 году были еще странные забавы, в результате которых повредили Антону Вальтеру стопу, накатив на его ногу чугунное колесо. Зачем куча этих колес была навалена у высоковольтного корпуса УФТИ? Несмотря на боязнь высоты, я прошел проверку «на вшивость», пройдя по высокой стене дома сгоревшей во время войны школы (теперь дом № 20). В 1946 году от этой довоенной школы № 101 оставались лишь наружные стены, вот по ним-то и надо было пройти, чтобы не уронить свой мальчишечий авторитет. Еще одна проверка состояла в том, чтобы забраться на высоковольтную вышку. Не обошлось без неприятностей. Двор УФТИ еще не был разгорожен на производственную и жилую территории, и в нем располагалось какое-то военное транспортное подразделение. Рика (Ричард) Петушков (сын знаменитого среди всех физических институтов страны стеклодува Е.В. Петушкова) умудрился завести воинский виллис и прокатиться в нем по УФТИнскому двору — круга два-три. Его изловили и, несмотря на положение отца, знаменитого на всю страну стеклодува, от искусства которого зависело выполнение важных исследований, дали срок, кажется, по статье «хулиганство». Возвратившись из колонии, Ричард сторонился нашей компании, о чем я очень сожалел.

Летом 1948 года мы все еще соседствовали с Судовцевыми. Андрюха с детсадом УФТИ выехал в загородный лагерь отдыха в Южном поселке. Женя с мамой впервые после войны выехали отдыхать на юг, к морю. Мне оставили деньги (немалые, как сейчас помню, 800 рублей). Очень может быть, что я путаю события 1948 и 1949 годов, но так или иначе деньги я быстро истратил. Запомнились походы с Юрой Дашевским в кафе-мороженое и в ресторан «Динамо». И решил я на оставшиеся деньги смотаться к отцу в Киев. Я ведь не знал, что Судовцевым была оставлена дополнительная порция денег на тот случай, что я истрачу выданную мне часть. К тому же пришла телеграмма: «Мы с Бобом уезжаем отдыхать, присоединяйся. Папа». И я не удержался, купил билет на поезд и на следующее утро был в Киеве. Отец с Борей и дедушка с бабушкой проживали по улице Житомирской в большом доме дореволюционной постройки. Благоустроенный буржуазный дом с лифтом с просторными квартирами, которые, однако, после революции стали коммунальными. В квартире проживало три или четыре семьи. Две комнаты занимала семья Зубаровского (коллега отца, химик, более известный как орнитолог — дома у него была великолепная коллекция птичьих яиц, которую он сохранил с довоенных времен и пополнил в последние годы новыми экземплярами), небольшую комнату у кухни занимала одинокая

женщина. Семья отца тоже занимала две комнаты, но они были в противоположных концах квартиры и разделялись комнатой, занятой еще одной семьей. В первой комнате, ближе к входу в квартиру, был кабинет отца и там же диван, на котором он спал. В этой же комнате — письменный стол и пианино, игре на котором очень неохотно учился Боб, и, наверное, спальное место для него. Дальнюю комнату занимали старики. Здесь же у окна было рабочее место деда (верстак), так как он продолжал сапожничать, не желая утратить материальную независимость.

Мой приезд оказался неожиданностью для отца. Более того, из его комнаты доносился весьма эмоциональный разговор. Слышны были голоса отца и молодой женщины. Оказалось, что отец действительно собрался ехать отдыхать, но не с Бобом, а со своей новой молодой женой. Боба он ей, естественно, представил и рассказал, как трагически он потерял семью во время войны. Но о своей самой первой семье и о моем существовании умолчал. Старикам же, по-видимому, что-то в новой невестке не нравилось, и они решили использовать мое появление, как козырную карту в контригре. На мой вопрос, что происходит, дед ответил, что у Бори будет новая мама и мне нужно решить, хочу ли я быть с папой. Я, не задумываясь, ответил (по-видимому, повлияла обстановка), что остаюсь с мамой. И тут досада деда, который столько душевных сил вложил в меня, столько труда потратил, чтобы спасти меня и воспитать, сделать стойким и жизнеспособным человеком, вылилась в совершенно неожиданную фразу (дед же не был ведь антисемитом, не мог им быть!): «Вот же жидовское отродье!» И тут я, раздосадованный всем, что произошло с моим вызовом, да и этой дедовской фразой, схватил неожиданно для себя самого сапожный остро отточенный нож и как заправский бандит двинулся к деду. По-видимому, он не на шутку испугался и меня, и своей неуместной фразы и закричал: «Ты посмотри, Полина! И это после всего того, что мы для них сделали...» Ответ бабушки был самым разумным: «Ну, ты тоже хорош, старый дурак. Идите уже обедать». И успокоившись, мы все — дед, я, Боб и бабушка уселись обедать, хотя дед и я поглядывали друг на друга косо. Но скоро все стало на свои места. Мы любили друг друга и даже друг другом гордились.

В 1949 году неожиданно умер самый младший из моих дядьев — Борис. Старики были подавлены. Отношения с новой невесткой — Ольгой Михайловной — обострились, особенно после рождения самого младшего из моих полубратьев — Михаила. В 1950 году дед с бабушкой уехали в Харьков и снова вынуждены были снимать жилье, на этот раз на Ивановке. Вскоре их приютил в своей семье

Владимир Никифорович. Тяжело заболела бабушка Полина (как оказалось, рак легких). Ей стало совсем нелегко вести дом, поддерживать хозяйство в неблагоустроенном жилье на Ивановке. Семья Владимира Никифоровича занимала две небольшие комнаты в квартире с соседом в доме на въезде Тринклера вблизи парка Горького. В семье было две дочери (мои кузины) — Лена (1938 года рождения) и Света (1943 года рождения). Отношения у деда с Володей были непростые, часто вспыхивали ссоры, но продолжались они недолго. Дед все не мог простить Володе двух вещей — коммунистических убеждений в молодости и того, что он «не уберег Бориса». Коммунистические убеждения у Володи в молодости, по-видимому, были искренними. Во всяком случае, он один из всей семьи побывал в рядах партии, причем дважды. За несколько лет до войны был исключен за сочувствие троцкизму, во время войны восстановлен в партии, а в 1945 (или 1946) году снова был изгнан за отказ подчиниться парткому завода, который вместе с дирекцией отказывал в разрешении на переезд в Харьков. Был Владимир Никифорович, безусловно, способным инженером-конструктором, но ни в авиаинститут, ни в КБ авиазавода (т.е. по специальности, он и его жена окончили ХАИ) ему, конечно, с такими изъятиями в анкете устроиться и думать было нечего. Но конструкторы нужны были. И Володе с женой удалось устроиться на работу в проектный институт совсем другого профиля — ГИПРОЦЕМЕНТ.

Вскоре после смерти бабушки Поли заболел и Владимир Никифорович (инфаркт за инфарктом) и мог работать только дома. Его высоко ценили как специалиста.

Работая дома, он выполнял норму проектировщика и свою, и своей жены Матрены Андреевны, у которой все время и силы уходили на уход за мужем и работу по дому. Кстати, в этом же институте по сей день работает конструктором их дочь Лена.

Бабушку я успел посетить. Она очень мне обрадовалась, но была уже очень слаба. Хоронили ее без меня, я как раз был в студенческих летних военных лагерях.

Вернемся в год 1949 и к нашей семье. Весной этого года наша семья получила двухкомнатную отдельную (без соседей!) квартиру в доме, в котором селилась УФТИнская элита (правда, в квартирах более обширных). Дом этот, бывшая до войны школа № 101, был восстановлен, но на планировке квартир сказывалась школьная предыстория. Наша квартира — на третьем, последнем этаже. Она была удачно спланирована — большая прихожая, большая светлая комната, которая служила столовой, нашей с Андреем спальней и комнатой для занятий. И меньшая комната — родительская спальня и ка-

бинет для Жени. Появилась у мамы и помощница — домработница Ольга Ивановна, она спала в большой прихожей, на раскладушке. Уже зимой 1949–1950 гг. мама стала строить планы на лето. Она решила на этот раз отдыхать всей семьей. Но ведь я заканчивал школу — выпускной десятый класс. И надо было думать о поступлении в университет. Было четко сформулировано для меня условие летнего отдыха на море — нужна медаль, которая дает право поступления без экзаменов. Идею поддержал мой друг Юра Дашевский (не для себя, а для меня). Опасность представляли русская и украинская литература и языки. Именно он объяснил преподавательницам обеих литератур, с каким корифеем (в моем лице) в области математики и физики свела их судьба и как их будут съедать угрызения совести, если я не получу медали. Насколько я понимаю, его поддержал наш преподаватель физики и классный руководитель Федор Иванович (он во время оккупации преподавал в школе, что было расценено как сотрудничество с оккупантами с соответствующими последствиями), которому нравилось мое увлечение физикой. Одним словом, кончилось это тем, что меня, как и некоторых других сомнительных претендентов на медаль, подвергли дополнительным занятиям русским и украинским — по утрам, до начала основных уроков, диктанты, сочинения и их анализ, разборы. Результат — 8 медалей в классе.

Итак, получен аттестат с медалью (правда, с серебряной), сданы документы в университет на физико-математический факультет. После этого все семейство укатило в Анапу. Лето оказалось очень скучным.

Правда, море, плавание, фрукты. Мне бы хватило недели, ну две, но месяц и более (у научных работников длинный отпуск, я, когда стал таковым, так и не научился использовать свой отпуск полностью). Seriously заняться шахматами в одиночку мне казалось скучным. Слава богу, по совету А.И. Ахиезера, со мной был учебник математического анализа Фихтенгольца и задачник Гюнтера и Кузьмина. Очень мне пригодились. Позанимавшись самостоятельно летом, получил фору на первом курсе.

Сентябрь 1950 года. Начало занятий в университете. На удивление много девушек на курсе, а ведь, казалось бы, факультет сугубо мужской. Нам, после долгих лет обучения в мужской школе, большинство физматовских девушек казались привлекательными.

В первые же дни университетской жизни почувствовал давление советских правил — регистрация комсомольцев (постановка на учет, куда теперь денешься — при подаче документов написал же, что комсомолец; для того ведь и поступал в комсомол, чтобы не создавать себе дополнительных трудностей) и призыв в профсоюзные ряды. На следующий день профсоюзное собрание с целью избрания проф-

кома. Выдали бюллетени со списком фамилий кандидатов, среди них ни одной знакомой. Да и откуда взяться знакомым — ведь первый, может быть, третий день в университете. Еще никого не знаем, а голосовать должны за тех, кого нам предлагают, по сути, мнения нашего не спрашивая. Мне это показалось несправедливым, и я, особенно не таясь, перечеркнул весь список в своем бюллетене. То же самое проделал мой одноклассник, с которым установились хорошие отношения в первый же день пребывания в университете. Что тут поднялось на следующий же день! Среди нас двое антисоветчиков!!! Честно говоря, я даже испугался.

Но обошлось...

А тут я еще никак не мог найти спецкафедру, где проходила военная подготовка мужской половины студенчества. Или подсознательно не очень хотел найти. Все это могло закончиться весьма печально. Однако декан — Абрам Соломонович Мильнер — вынес мне выговор приказом по факультету и этим ограничился. Но это дело вынесли на комсомольское собрание, и ретивые юноши (я их как студентов и не помню, но в комсомольском бюро курса или факультета они были очень агрессивны) довели дело до моего исключения. На утверждение решение было передано в комсомольский комитет всего университета, который приравнивался районному комитету, иными словами, принимал окончательное решение. Люди там оказались постарше и поразумнее. Они, как я теперь понимаю, заволокители решение, заставив меня трижды являться «на ковер» и трижды откладывая рассмотрение моего дела, ссылаясь на перегруженность повестки дня. В конце концов, мне просто надоело тратить зря время. Решил, что если захотят, то исключат меня и без моего участия. Взносы продолжал платить (20 копеек в месяц!) и так сохранил свое присутствие в комсомоле, которое началось еще в школе. Тогда затянул общий поток и уверенность, что иначе в вуз не поступить.

Это утверждение оказалось достоверным не на все 100%. Среди однокурсниц, обращавших на себя внимание, была одна особенная. Остроумная, веселая, живая, очень спортивная (последнее обстоятельство очень помогло ей при поступлении в университет и именно на физ.-мат. факультет) и к тому же единственная на факультете не комсомолка. А вскоре выяснилось, что и состав крови у нее близок к моему — у нее мама русская, зато папа — еврей. Да еще и жили мы по соседству, и мне иногда удавалось проводить ее домой. Одно огорчало — она нравилась не мне одному. Старшекурсники, особенно те, что любили спорт, обращали на нее внимание. Особенно настойчив был Изяслав (Ясь) Комарь. Тот, что со своим и моим отцом в 1943 году пытался уйти пешком с советскими войсками. Мой отец

таки ушел, а Комари нет, вернулись с полпути. Но мне на этот раз повезло — мамаша Яся посчитала, что наша девушка имеет виды на ее мальчика (потому что он русский), чтобы избавиться от «каиновой печати» — пятой графы. И это, кажется, она высказала Люсе Теве-ровской (ну, да — это была она). Мне было за Люсю обидно, но в душе я был мадам Варваре Комарь благодарен. Думаю, что она укрепила мою позицию. Да тут еще сессия приближалась, и моя помощь Люсе оказалась кстати, ведь спорт сильно отвлекал ее от серьезных занятий учебой, даже не все лекции ей удавалось посещать. Она пользовалась успехом среди старшекурсников, но они, видно, позабыли, чему их учили на младших курсах, и это давало мне явное преимущество. Я ведь позабыть только что выученное не успел, да и объяснить умел, по-видимому, получше. Во всяком случае, Люся сдавала и зачеты, и экзамены без особых затруднений (и с частыми пропусками лекций) и даже получала стипендию. А ведь на нашем факультете учиться нелегко. Недаром Александр Ильич Ахиезер своих аспирантов и ассистентов призывал быть снисходительными к девочкам — он считал, что девушек, избравших специальностью физику или математику, надо поощрять за смелость. «Ведь на нашем факультете учиться так трудно», — утверждал он.

Но всего этого мало. Чтобы почаще встречаться с Люсей, пришлось и мне заняться спортом. Силенок у меня было мало, худ я был чрезвычайно и, когда я появился на баскетбольной площадке, сотрудник кафедры физкультуры А. Бунякин, ответственный за работу на физико-математическом факультете, укорял Люсю: «Кого ты привела, ведь он вот-вот рассыплется!» Но я уже кое-что умел в баскетболе, и Анатолий Иванович смирился с моим присутствием в секции. К тому же я увлекся, стал много времени тратить на тренировки (благо они проходили совместно с женской командой, где отличалась Люся), конечно, в ущерб академическим занятиям. К этому времени выяснилось, что я совсем не «самый-самый» студент на курсе (а в школе я к этому привык — математика и физика были мои!). В лучшем случае я причислял себя к первой десятке. Такие асы, как Федор Рофе-Бекетов (он, правда, скоро ушел к математикам), Толя Кресин (ушел к ядерщикам-теоретикам), были вне досягаемости. В группе будущих теоретиков (кафедры Ильи Михайловича Лифшица) обращал на себя внимание Валя Песчанский. А тут еще после окончания второго курса прошел отбор на ядерное отделение, и я туда не попал — к маминым недостаткам (пятая графа) добавились мои собственные (оставался на оккупированной территории). А ведь я давным-давно мечтал попасть именно на кафедру Александра Ильича Ахиезера. АИ меня утешал, но все-таки я скис. Кончилось это все

тем, что я отказался от мысли пытаться попасть на кафедру теоретической физики Ильи Михайловича Лифшица, а пошел по проторенной дорожке в знакомую среду — на кафедру экспериментальной физики со специализацией в области физики низких температур. Здесь учеба не требовала вовсе никаких усилий, оставляя массу времени для баскетбола и кино (и все с Люсей!).

Серьезно я занялся физикой лишь, выбирая тему для дипломной работы. Борис Иеремиевич Веркин предложил тему, близкую к работам Евгения Станиславовича Боровика. Женя помог мне собрать установку. Основные детали по его старым чертежам были изготовлены в мастерской криогенной лаборатории УФТИ. В самом начале пятого курса я приступил к измерениям, работал увлеченно, все меньше времени уделяя баскетболу, задерживался в лаборатории до полуночи. Люся отнеслась к новому моему увлечению с пониманием и по вечерам подкармливала меня бутербродами и котлетами. В результате получилась неплохая дипломная работа, по результатам я опубликовал статью в журнале «Физика металлов и металловедение», а Кирилл Дмитриевич Синельников сказал Жене: «Если бы не близость к Вашей работе, то вполне можно было бы говорить о кандидатской диссертации».

Итак, университетские годы подходят к концу. Несмотря на обиды (у кого их нет), годы эти кажутся счастливыми. Вспоминается поездка в Москву на игры с баскетболистами МГУ. Это было во время зимних каникул 53/54 гг. (после пятого семестра). Помимо игр, мы побывали с Люсей и в музеях, и в гостях у Люсиной тети Шуры. Шурино жилье — маленькая, полуподвальная комната, но теплая и уютная.

Мой тощий вид, по-видимому, смущал Люсю, и она усиленно подкармливала меня, благо Москва была полна продуктов в отличие от голодного Харькова. Происходила кормежка по вечерам, и внимание сосредотачивалось на бутербродах с красной икрой. В какой-то мере Люся выполняла задание нашего тренера — Володи Ровчана, который требовал, чтобы я набрал не менее пяти килограммов весу. Деньги, хотя и небольшие, у нас были — получили суточные, как при поездках в командировку, а жили бесплатно в общежитии Московского университета. Правда, от центра Москвы было далековато. Гуляли по городу всей гурьбой — и женская, и мужская команды. Набивались в такси, нарушая все нормы. В общем, счастливое беззаботное время. Вот если бы не эти сессии, экзамены, зачеты.

Отношения с мамой усложнились. Ее явно раздражали мои поездки, хоть и редкие, к отцу. И не столь редкие посещения деда. У отца я побывал дважды, летом 1952 и 1954 гг. Оба раза после военных лагерей. В 1952 году лагерь нашей военной кафедры был при-

командирован к какой-то зенитной части. Не очень далеко от Киева. Везли нас в теплушках на поезде через Полтаву, Киев, а далее на катере по Днепру. Возвращались тоже через Киев. И я решил в Киеве задержаться и посетить отца. Но оказалось, что отец с семьей на даче. Это было в воскресенье. Что было делать? Денег на билет до Харькова у меня не было и, вообще, не было ни копейки. Соседка утешила, сказав, что обычно отец в понедельник приезжает в Киев. Всю ночь просидел я в скверике на лавочке, зато часов в 10–11 следующего утра появился отец. Он предложил поехать на дачу, но я не был готов к этому и вечером поездом поехал в Харьков (деньги на билет дал отец). В 1954 году лагерь располагался под Бердянском, на Азовском море. По возвращении я снова задержался в Киеве. На этот раз отец таки свозил меня на дачу, где я познакомился с Ольгой Михайловной и Мишей — моим самым младшим братом. И конечно, повидался с Борей. Ольга Михайловна приняла меня без восторга, но и неприязни не проявила. Впоследствии, лет через пять-шесть, когда у меня была уже своя семья, отношения с Ольгой Михайловной стали вполне приемлемыми, по-моему, благодаря Люсе — она всем Еременкам нравилась. И деду Никифору, и отцу, и вот теперь — Ольге Михайловне. По-видимому, потому что избавляла их от забот обо мне.

Лагерную жизнь я опишу как-нибудь в другом месте. Для этого нужно не только покопаться в памяти, но и запастись чувством юмора.

У деда Никифора (и, соответственно, у дяди Володи) я бывал довольно часто, не предупреждая маму или Женю. Однажды я не пошел на лекции в университет (кажется, это было в пятницу — день занятий на военной кафедре, а она располагалась на улице Тринклера, переходящей во въезд Тринклера, где жила семья Владимира Никифоровича, а с ними и мой дед Никифор Гаврилович). Как обычно, беседа и дискуссии с дедом затянулись до глубокого вечера. И весь день моя Люся, обеспокоившись моим отсутствием в университете и дома на Чайковской, вела поиски. Обратилась к маме. Она особого беспокойства не проявила и сказала, что, возможно, я у деда. Адреса она не знала. Тогда Люся разыскала моего близкого друга Юру Дашевского, и вместе с ним они нашли меня у деда. Вот тогда я почувствовал, что не совсем безразличен Люсе, и был рад этому чрезвычайно. Познакомил ее с дедом. Она ему понравилась, а позже при более близком общении — еще больше. Дед Люсе понравился тоже. Она уже знала, какую роль он сыграл в моей жизни, о годах оккупации, проведенных мной в семье деда. Что и говорить, дед заслуживал уважения. Кроме того, она сразу оценила его природный ум и практическую хватку. Что стоит одно его умение готовить рыбу к праздничному столу. До сих пор она отмечает, что этому искусству ее

научил Никифор Гаврилович. А деду нравились практичность и здравый смысл Люсиных высказываний. Одним словом, они нравились друг другу, а мне нравилось, что они понимают друг друга.

Несколько слов о событиях марта 1953 года. Смерть Сталина для меня не была трагедией. Сказалось влияние деда, который не раз повторял: «В наше время мы не знали никакого Сталина. Было два бандита — Ленин да Троцкий. А этот Сталин уже потом...»

Сказалась и оккупация (правы все-таки составители анкет, даже десятилетний пацан поддался антисоветской пропаганде, уж очень она действенна). Кроме того, незадолго до марта 1953 года прошло «дело врачей-вредителей», явно шитое белыми нитками и определенно антисемитской направленности. Борьба с космополитизмом. Разговоры о строящихся бараках в Биробиджане и готовящейся репатриации евреев на Дальний Восток. Все это настораживало. Поэтому траур, искренние слезы у многих сокурсников меня только удивляли. Одного моего знакомого (Витю Барьяхтара) я встретил в здании механико-математического отделения нашего факультета. Он был весь в слезах, я даже подумал, что у него личное горе. Оказалось... Сталин. Многие собирались на похороны в Москву.

Но больше всех меня удивила Люся. Она была единственной не комсомолкой и стала мишенью для организующих «сталинский призыв». Ей вручили анкету и почти уговорили поступать, о чем она и поведала мне. Но мои аргументы оказались весомее: «Люся, двоих нас комсомол не выдержит». Она весело засмеялась и согласилась со мной, сохранив политическую невинность.

Я старался не ударить в грязь лицом на занятиях по математическому анализу, тем более что мне очень нравилось решать задачи на практических занятиях, которые вел Владимир Александрович Марченко. То же на практических занятиях по физике. Да еще и баскетбол, кое-что я все же умел. И сдать зачет по физкультуре, играя за факультет в баскетбол, легче, чем как-то иначе. Но все это вряд ли мне бы помогло, если бы не Варвара Комарь, мать Яся. Как-то я встретил Люсю очень печальной, почти в слезах. Почти сразу она рассказала о выходке Варвары (Петровны?). Я обрадовался, и не тому, что произошло, а тому, что именно мне Люся рассказала о произошедшем. Значит, верит мне, уверена, что я пойму ее. Она уже знала мою историю — о родителях, и о том, что было в годы войны и оккупации. Нечто подобное пришлось пережить в годы войны и ей. У нас были сходные судьбы. После этой истории мы стали ближе друг другу.

На преддипломную практику в УФТИ меня не взяли. Возможно, помимо анкетных недостатков добавилась и борьба с семействен-

ностью. Но большая часть группы низкотемпературщиков (вернее, низкотемпературщиц) и преддипломную практику проходила в криогенной лаборатории УФТИ, и дипломные работы выполняла там же. Мне предстояла большая подготовительная работа — ведь в университете на кафедре не было приличной экспериментальной установки, на которой можно было бы выполнить предложенную Б.И. Веркиным работу. То, что ее полностью невозможно выполнить за несколько месяцев, это я и сам понимал, и Евгений Станиславович подтвердил. Борис Иеремиевич из ситуации хотел выжать максимум — используя возможности и опыт Евгения Станиславовича, создать на кафедре новое направление — исследования гальваномагнитных явлений при низких температурах. Кстати, существовавшее на кафедре направление — исследование криогенных жидкостей в окрестности критического состояния — тоже было связано с работами Евгения Станиславовича (довоенными). Поэтому Саша Воронель бывал у нас в доме. Хотя Веркин был руководителем его дипломной работы, консультировался он у Евгения Станиславовича.

Мне было ясно, что вырастить однородные и хорошо ориентированные монокристаллы сплавов висмута и сурьмы мне вряд ли удастся. А Борис Иеремиевич планировал варьировать содержание сурьмы в сплавах с висмутом в широких пределах.

Предполагалось, что при этом будет изменяться степень перекрытия зон и может даже возникнуть щель в энергетическом спектре. Предлагалось, измеряя магнитосопротивление и одновременно эффект Холла, как это делал Евгений Станиславович, определять концентрацию носителей тока, их подвижность и поведение с изменением концентрации сурьмы и температуры. Программа на года... На этом пути можно было бы и кандидатскую диссертацию подготовить, но не мне, так как всегда оставался бы упрек в эпигонстве, следовании за работами Евгения Станиславовича.

Но в качестве дипломной эта тема меня вполне устраивала. При этом решил пока ограничиться чистым висмутом. Для работы мне нужны были установка для выращивания строго ориентированных монокристаллов и установка для измерений — дьюар с откачкой паров испаряющихся криогенных жидкостей, вставка-держатель образца, лимб для отсчета поворота образца в магнитном поле. Ничего этого в лаборатории кафедры не было. Но были чертежи установки Евгения Станиславовича. Воспользовавшись этими чертежами и разрешением Б.Г. Лазарева, который, как мне казалось, не исключал возможность моего поступления в его лабораторию в будущем, установка была изготовлена в мастерской криогенной лаборатории УФТИ. На кафедре же нашлись небольшой электромагнит, курбельный потен-

циометр и гальванометр. Все это предоставила К.Н. Богданова, спасибо ей!

Пока детали установки изготавливались в мастерской УФИ, я принялся изучать докторскую диссертацию Евгения Станиславовича. Я с ней был знаком и ранее, так как помогал вписывать формулы во все экземпляры, но сейчас надо было понять процедуру, последовательность измерений и обработки их результатов. Благо было у кого прояснить все возникающие вопросы.

Кроме того, Люся притащила кипу дипломных работ своих предшественников. Ей предстояло провести дилатометрические измерения в процессе спекания порошков двух компонентов. Таких дипломных работ накопилось штук пять-шесть, отличались лишь спекаемыми компонентами. Читая эти работы, мы обнаружили элементарную погрешность при обработке результатов эксперимента, присущую всем этим работам. Когда Люся обратила внимание своего руководителя Якова Евсеевича Гегузина на эту ошибку, он сначала встретил ее замечание с раздражением. Правда, потом результаты предыдущих дипломных работ обработал с учетом исправлений и опубликовал большую статью. Но интерес его к задаче явно остыл, новыми измерениями он не очень интересовался. Тем более что установка была в плачевном состоянии — спекание проходило в атмосфере водорода, чтобы избежать влияния окисления, но подтекал воздух, и время от времени происходил небольшой взрыв. Да к тому же однажды сгорел многократно ремонтировавшийся предыдущими дипломниками реостат, и Яков Евсеевич заявил Люсе: «Десять (или двадцать) лет реостат работал, а у Вас сгорел». Что ему ответила Люся, я не помню, но, по словам Ильи Вишневого, нашего сокурсника, ответ вызвал хохот всей группы дипломников и смущение Якова Евсеевича.

Яков Евсеевич настороженно посматривал на меня при моих посещениях его лаборатории. По-видимому, ему казалось, что я отношусь к нему не столь уважительно, как его ученики. Они его просто боготворили, да и было за что — он был талантлив и как физик, и как литератор. Его популяризаторские книги — настоящие художественные произведения. Люся показывала мне результаты своих измерений. Толку в них было мало, да и нужды тоже — результатов предыдущих дипломных работ при уточненной их обработке было вполне достаточно. Однако Якову Евсеевичу история эта была неприятна, и Люсину дипломную работу он оценил четверкой, хотя работа явно была получше предыдущих.

Вернемся в лето 1954 года. Люся дважды уезжала то в Киев, то в Днепропетровск. Остальное время мы проводили вместе, хотя я

больше не играл и не тренировался. Люсин отец, Абрам Борисович, сильно сдал. Прогрессировала его болезнь — паркинсонизм. К концу лета он с мамой Люси Анастасией Георгиевной уехали отдохнуть и подлечиться в Железноводск, где жила бабушка Люси — баба Куля (Акулина). По их возвращении Люся сообщила родителям, что собирается выйти за меня замуж. На мои расспросы о том, какова была их реакция, сказала, что особых возражений не было, но Анастасия Георгиевна намекала, что я унаследовал мамин эгоизм, а Абрам Борисович просил не торопиться и подумать: «Весь быт, все заботы лягут на твои плечи. Витя ничем, кроме своей науки, заниматься не будет». А тут еще баба Куля: «Хороший мальчик, но такой худой...» Ее опасения мне казались самыми существенными и разумными. Но Люся отвечала: «Я обо всем подумала. Пока будем жить порознь — я у себя, а он у себя». Выслушав все это, спрашиваю: «Так что, подаем заявление в ЗАГС?» Отвечает: «Давай сходим».

На следующий же день пошли в ЗАГС. И тут снова совковый антисемитизм укрепил наше стремление друг к другу. ЗАГСовской чиновнице потребовались документы Люсиных родителей, чтобы удостовериться... в чем? Ее явно интересовала их национальность, но зачем? Чистое любопытство? Или она хотела обратить мое внимание на «недостатки» невесты? Несколько раздраженные, но понимающие антисемитскую суть поведения чиновницы, мы сбежали домой к Люсе и предоставили требуемые документы. Заявление принято, а 17 декабря мы получили брачное свидетельство. Вечером с Теверовскими и Боровиками отметили событие...

И все осталось по-прежнему. Я все время проводил в лаборатории, но обедал и ужинал у Теверовских. Лишь спать уходил к Боровикам. А изменилась больше всех Люся. Она решила снять возражения бабушки Кули, касающиеся моей худобы, действительно незаурядной — 57 килограммов при росте 182 сантиметра. Во-первых, она не давала мне засиживаться в лаборатории после полуночи. Во-вторых, регулярно подкармливала меня в лаборатории бутербродами, а часто и чем-нибудь горячим. Ну, и дома у Теверовских пытались меня откормить. Одним словом, Люся вступила в права преданной и заботливой жены, и этих прав не упускает по сей день. Результат налицо — при том же росте вес мой колеблется от 90 до 95 килограммов.

Защитив дипломные работы и не дождавшись сдачи государственных экзаменов, мы с Люсей перешли, наконец, на совместное житье — Анастасия Георгиевна сняла нам комнатку у своей знакомой. Недалеко от родителей, на улице Дегтярной, той что образуется при слиянии улиц Лермонтовской и Чайковской и ведет вниз на Журавлевку. Небольшой дом с двориком (частное владение) и огром-

ный пес во дворе (овчарка) на цепи, но цепь перемещается вдоль натянутого провода так, что пес достает любой участок двора. Он сразу полюбил Люсю и ревновал ее ко мне, что закончилось тем, что он таки основательно укусил меня за ногу. Заботливая жена настояла, чтобы я принял амбулаторно уколы против бешенства, но они оказались такими болезненными, что от большинства из них я уклонился. Боровики платили за наше жилье, а питались мы у Теверовских. Кое-как сдали государственные экзамены и, наконец, «распределение». В фотоальбоме нашего выпуска есть карта, демонстрирующая географию «распределения». Пятый пункт явно сказался на этой географии. Однако Люсе был предоставлен выбор — или Харьковская, или Киевская область. В обоих случаях преподавание в школе. Мне же Б.И. Веркин предложил место старшего лаборанта на кафедре. Это, конечно, давало возможность продолжить начатую работу по гальваномангнитным явлениям. Более того, он сказал, что, поскольку работа обратила на себя внимание К.Д. Синельникова, можно будет получить временный пропуск в УФТИ для проведения измерений при гелиевых температурах. Все это так, но был второй вариант — рискнуть и попытаться поступить в аспирантуру в Киевский институт физики. Антонина Федоровна Прихотько интересовалась харьковскими выпускниками, знакомыми с физикой низких температур (Киевский университет не имел такой специализации). Как ни странно, Харьковский университет рекомендацию мне дал, считая, что разбираться в моих анкетных данных киевляне должны сами. Совет Евгения Станиславовича был однозначен — если оставаться на гальваномангнитной тематике, то не отмоешься от ярлыка эпигона. Надо искать более независимый, самостоятельный путь. А у Люси еще и разумные соображения о возможности получения своего жилья в Киеве, что обещал представитель киевского института. Мама тоже явно хотела, чтобы мы поехали в Киев. Она считала, что настало время часть забот обо мне взять на себя отцу. Он действительно снял на два месяца (и оплатил) комнатку в поселке неподалеку от Института физики.

Одним словом, решение принято — Киев! Но сколько тягот на нас навалилось (в основном на Люсины плечи). Хозяйка комнаты, снятой моим отцом, оказалась воровкой, что Люся обнаружила по перерытым вещам в наших чемоданах. Мы сбежали. Благо снова помогли Теверовские. В Киеве, в престижном Печерском районе проживала семья фронтового друга Абрама Борисовича, с которым поддерживались хорошие отношения. Супруга этого человека приютила нас на время, пока ее муж находился то ли в командировке, то ли на отдыхе. Она же вскоре нашла семью, которая была не прочь сдать

нам комнату. Комнату с балконом там же, в Печерском районе. Но цена — 600 рублей (моя стипендия — 680). Люся еще не работала. Да и стипендии еще не было — надо сдать вступительные экзамены при конкурсе, хотя и небольшом, но с участием киевлян, которые лучше знакомы с разделами физики, предпочитаемыми в Киеве.

Итак, снова — 200 рублей от Теверовских, 200 — от Боровиков, 200 — от Еременко.

Киевская физика отличается от харьковской. Если вопрос С.И. Пекара о спектре вращающейся молекулы меня не смутил (надо было только помнить о квантовании момента вращения), то несколько удивил вопрос кого-то из экспериментаторов: «Как выглядит абсолютно черное тело?» Я думаю, выручил меня доклад по материалам дипломной работы. В Киеве работа выглядела вполне самостоятельной, в духе физики полупроводников и многим (Э.И. Рашба, В.Л. Броуде) понравилась. Это и определило выбор А.Ф. Прихотько. Определила она меня на выучку к В.Л. Броуде. Это оказалось большой удачей для меня, тем более что сотрудничество с Владимиром Львовичем означало и сотрудничество с Эммануилом Иосифовичем Рашбой, а затем и с присоединившимся к нам М.К. Шейнкманом. Несколько лет сотрудничества с ними оказались очень удачными. Мы стали друзьями и сохранили добрые отношения на долгие годы. Однако добрые отношения с этой троицей привели к антипатии со стороны директора института — Митрофана Васильевича Пасечника. Начались неудачи в получении обещанного жилья. В сентябре 1957 года у нас родился сын — Андрейка. Мы с Люсей были счастливы, но жить было нигде...

Владимир Львович Броуде в отделе Антонины Федоровны Прихотько выделялся, прежде всего, активностью на семинарах. Я не могу сказать, что он был очень образован в физике — окончил технический вуз и систематического образования, которое худо-бедно дает физико-математический факультет университета, у него не было. Но природный живой ум, логичность мыслей, общая высокая культура — вот все это было у Львовича. Он был на восемь лет старше меня, но с первых дней обратился ко мне по имени и на ты. Эта манера общения была принята в отделе (за исключением Антонины Федоровны — небожительницы), но все же по имени я стал к нему обращаться много лет спустя, когда он оказался в Черноголовке, а я вернулся в Харьков. А пока избрали промежуточную форму — Львович. Тем более что был в отделе еще один Владимир (Медведев, однокурсник Броуде, специализирующийся на конструкторских работах, хотя изредка печатающийся в физических журналах на правах соавтора). Его именовали Сергеевичем.

Начал Львович с того, что выдал мне ампулу с порошком пирена. Сказал, что Антонина Федоровна считает это вещество необычным и исследование спектра поглощения света монокристаллами пирена может стать хорошей диссертацией. Дал мне для ознакомления свою диссертацию и книгу А.С. Давыдова «Теория молекулярных экситонов». Ознакомил со спектральным оборудованием и микроскопическими исследованиями. Благо с криогенной техникой я был знаком.

Дело с пиреном закончилось быстро. Я сделал рутинную работу и опубликовал ее. Львович даже не стал ее соавтором — ничего в ней необычного не было. Но оказалось, что он ко мне приглядывался и подыскивал тему поинтереснее, которая отличалась бы от налаженных исследований молекулярных кристаллов. Поэтому Львович предложил обратить внимание на полупроводниковые монокристаллы. Его интерес к полупроводникам подогревался Эммануилом Иосифовичем Рашбой, которого Львович, а вслед за ним и я, именовал Эмиком. Рашба — замечательный физик-теоретик. Его интересы охватывали и спектроскопию молекулярных кристаллов, и многие разделы физики полупроводников. В институте отделом физики полупроводников руководил известный физик академик Вадим Евгеньевич Лашкарев. Но в этом отделе исследования при низких температурах не проводились. В то же время в Ленинграде Евгений Федорович Гросс и его ученики (Б.П. Захарченя, А.А. Каплянский, Б.М. Разбирин и др.) вели интереснейшие исследования экситонов (но не экситонов малого радиуса, так называемых экситонов Френкеля, а экситонов большого радиуса — экситонов Ванье–Мотта) в полупроводниках Cu_2O , CdS .

В.Л. Броуде предложил: «Давай попробуем и мы. Область интересная, для нас новая. Может быть, свежий взгляд и обнаружит что-то новое. Тем более что это будет взгляд не только с киевской, но и с харьковской стороны». У киевских физиков, работающих с низкими температурами, и по сей день сохраняется уважительное, но и с некоторой долей ревности, отношение к харьковчанам. Все-таки именно в Харькове зародилась физика низких температур (Л.В. Шубников, Б.Г. Лазарев), да и сама низкотемпературная спектроскопия кристаллов (И.В. Обреимов, А.Ф. Прихотько), ставшая впоследствии физикой экситонов.

Итак, полупроводники. Прежде всего, сульфид кадмия. Очень скоро мы поняли, что не все так просто, как представлялось нашим предшественникам. Спектры поглощения света и люминесценции, которые ленинградцы и их французские последователи однозначно связывали с экситонами, оказались изменчивыми — от кристалла к кристаллу и даже в пределах одного монокристалла. Здесь очень помогла методика проектирования изображения охлажденного до низ-

кой температуры монокристалла на щель спектрографа. Наши результаты очень заинтересовали Рашбу, а затем и Моисея Кивовича Шейнкмана (Мишу), в то время аспиранта В.Е. Лашкарева. Миша заинтересовал и самого В.Е. Лашкарева.

После поглощения света и люминесценции с помощью и при участии М. Шейнкмана наладили и фотоэлектрические измерения при низких температурах. Одним словом, работалось хорошо, интересно, было много споров, в которых определяющую роль играл Эмик, и в результате пришли к выводу, что наблюдаем мы состояния, отщепившиеся от собственных, экситонных, из-за наличия дефектов. Впоследствии такие состояния получили название экситонно-примесных комплексов (Томсон, Хадсон) и подробно исследовались за рубежом.

Работа наша ленинградцами воспринялась с неприязнью. Е.Ф. Гросс даже написал А.Ф. Прихотько письмо, упрекая в интервенции в его область физики. Однако результаты были доложены на конференциях («бригада» дважды доверяла мне докладывать на всесоюзных конференциях) и получилась интересная, хотя и не без возражений диссертация.

Виктор Валентинович Еременко

Доктор физ.-мат. наук (1967 г.), профессор (с 1968 г.), академик НАН Украины (с 1978 г.), лауреат Государственной премии Украины (1971 г.), премий НАН Украины им. К.Д. Синельникова (1985 г.) и им. Л.В. Шубникова (2004 г.), премии АН СССР и Польской АН (1987 г.), заслуженный деятель науки и техники Украины (1982 г.), главный редактор журнала «Физика низких температур» (1990–2015 гг.), директор ФТИНТ НАН Украины (1991–2006 гг.), Fellow of the American Physical Society (2000 г.)

В.В. Еременко в разные годы

*Полина Никитична Еременко
(бабушка), 1940 г.*

*Никифор Гаврилович Еременко
(дедушка)*

*Валентин Никифорович Еременко
(отец), начало 50-х гг.*

*Наталья Мироновна Цин
(мать)*

Будущая мама Вити Еременко — молодая Наталия Цин — в группе первых сотрудников криогенной лаборатории УФТИ (1931 г.).

Среди них: Н.С. Руденко, О.Н. Трапезникова, Ю.Н. Рябинин, А.И. Судовцов, Г.Д. Шепелев, Л.В. Шубников, И.П. Королев, В.И. Хоткевич

*Наталия Мироновна и Витя
1934 г.*

*Валентин Никифорович и Витя
1933 г.*

Маленький Витя с конструктором

*Евгений Станиславович Боровик
(отчим), 1915–1965 гг.*

Юра Дашевский, Алик Монин, Юра Арандт, Витя Еременко, весна 1950 г.

*10 «В» класс. Сидят: В. Шипило, ..., Федор Иванович (физика и астрономия),
Елизавета Григорьевна Мережко (русская литература и язык), директор,
Мира Ароновна (немецкий язык), В. Гефтер, Ю. Баженов, А. Лукьянов;
2-й ряд: Л. Бирбровер, В. Мануйлов, В. Алексеев, С. Клейман, В. Друцко, Е. Артеменко,
Г. Пупко, В. Еременко, ..., И. Крохмалев, Л. Переплетчиков, ...;
3-й ряд: А. Монин, М. Тимошевский, Р. Перельман, А. Лесков, А. Бару, Я. Спектор,
В. Шмалько, В. Алехин, В. Крыжановский, Ю. Арандт, К. Комплеев, В. Медведев,
Ю. Дашевский, Ю. Федосеев, 1950 г.*

*10 «В» класс. «Иных уж нет, а те далече...» Слева направо, сидят: В. Шипило,
В. Спектор, В. Шмалько, К. Комплеев, В. Гефтер, Ю. Баженов, Л. Переплетчиков;
стоят: Л. Бирбровер, Р. Перельман, А. Монин, М. Тимошевский, В. Алексеев,
В. Друцко, В. Еременко, И. Крохмалев, 1990 г.*

*Студент физико-математического
факультета Харьковского
университета, 1951 г.*

*Виктор Еременко с братом
Андреем Боровиком*

Студент, 1952 г.

*На демонстрации.
ВВ — студент, Андрей Боровик —
школьник, 1951 г.*

Студент. Перед выпуском, 1954 г.

В.В. Еременко в разные годы

*С будущей женой Люсей
Теверовской (Л.А. Еременко), 1953 г.*

*Однокурсницы.
Слева направо: Лариса Клугман,
Валентина Кулакова (Волоцкая)
и Людмила Теверовская (Еременко)*

Страница из выпускного альбома, 1955 г.

С сыном Андреем, 1958 г.

*Людмила Абрамовна, Андрей
и Виктор Валентинович Еременко,
1958 г.*

*Утриш, под Анапой.
Лето 1963 г.*

*Никифор Гаврилович Еременко с внуками и правнуками.
Слева направо, в первом ряду: Ольга Константиновна (внучка), ее дочь Маринка,
Никифор Гаврилович, Виктор Михайлович (правнук), Андрей Викторович (правнук),
Людмила Абрамовна; во втором ряду: Михаил (муж О.К.),
Елена Владимировна (внучка), Борис Валентинович (внук),
Светлана Владимировна (внучка), Виктор Валентинович (внук), 1964 г.*

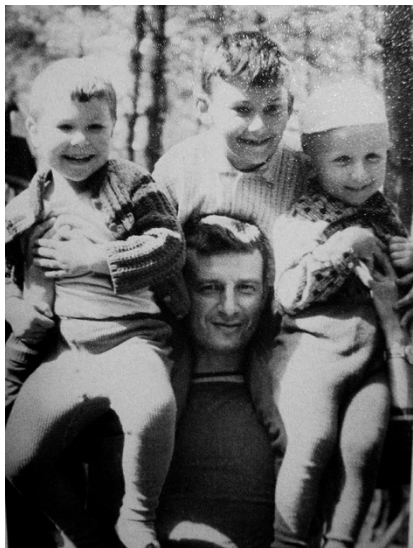
В.В. Еременко в разные годы

*В.В. Еременко с сыном Андреем
(база ФТИНТ), 1967 г.*

*Шахматная партия
с Римасом Вайшинорасом*

*С ФТИНТовскими детьми
на институтской базе отдыха*

С внучкой Настей, 1986 г.

*Студентка факультета
иностранных языков Харьковского
университета Анастасия
Андреевна Еременко, 2004 г.*

ВВ с сыном Андреем и внучкой Настей. Осень 2002 г.

*Людмила Абрамовна, Андрей и Виктор Валентинович дома на Сумской.
Картины Ивана Марчука и Виктора Гонтарова.*

*Валентин Никифорович Еременко и его чада.
Слева направо: Борис, Виктор, Валентин Никифорович, Михаил, 1991 г.*

*Застолье. Слева направо: Морис Кид (бизнесмен из Канады),
Андрей Боровик и Виктор Еременко, 1991 г.*

Женим Андрея второй раз.

Слева направо: Ю.И. Бойко (отец невесты), Андрей и Алла Еременко, Катя и Гриша Скляр (друзья и свидетели), В.И. Бойко (мать невесты), Л.А. и В.В. Еременко (родители жениха). Лето 1994 г.

Картины любимых художников в домашней гостиной, 1994 г.

Ждем гостей. Всё на столе. 14 декабря 2004 г. (50 лет вместе)

Людмила Абрамовна с кошкой Мурышкой

*С женой Людмилой, внучками Анастасией и Соломией,
невесткой Аллой и сыном Андреем. Лето 2012 г.*

*Младшая внучка Соля
на прогулке с дедушкой Витей возле источника.
Саржин Яр, 5 мая 2013 г.*

*Весенняя прогулка с Соломией в Молодежном парке.
23 марта 2014 г.*

В.В. Еременко с женой в гостях у сына Андрея, 2002 г.

В.В. Еременко с женой в гостях у сына Андрея, 2007 г.

Віктор Валентинович Єременко, яким я його знав

М.С. БРОДИН
академік НАН України,
почесний директор Інституту фізики НАН України, Київ

Восени 1955 року в Інституті фізики в Києві у відділі Антоніни Федорівни Прихотько з'явилося нове обличчя — високий худорлявий юнак з теплим, трохи іронічним поглядом. Це був Віктор Єременко, що недавно закінчив Харківський університет і поступив сюди до аспірантури. На той час відділ за своїм складом був досить молодим — аспіранти, молоді співробітники, — і Віктор, що виявився людиною контактною і легкою в спілкуванні, добре вписався в його склад. Тоді аспірантами відділу різних років навчання були М. Шпак, М. Соскін, І. Фуголь, в мене закінчувався другий рік аспірантури. Я не пам'ятаю, яку тему для дисертаційної роботи запропонувала Антоніна Федорівна, його науковий керівник, думаю, що це було щось, пов'язане зі спектроскопією молекулярних кристалів і з молекулярними екситонами. Саме ця тематика була основною у відділі. Проте Віктор згодом зацікавився екситонами іншої моделі, екситонами великого радіуса, що виникають в напівпровідниках, і обрав напрямком своєї аспірантської роботи спектроскопію напівпровідникових кристалів.

Треба сказати, що як для аспіранта-початківця, що лише недавно встав зі студентської лави, Віктор Валентинович був досить широко ерудованим в різних ділянках фізики, значно більш науково зрілим, ніж пересічний аспірант. Це і зрозуміло — він народився і виріс в сім'ї знаних науковців зі школи УФТІ, і з дитинства перебував в атмосфері наукових зацікавлень. Мені він розповідав, що його вітчим Є.С. Боровик протягом всіх його студентських років регулярно проводив з ним бесіди з основних проблем фізики, ретельно слідкував за його успіхами в університеті. До речі, про Євгена Станіславовича Віктор завжди згадував з теплотою і повагою. Високої думки він був про лекції з оптики, які в університеті читав йому Б.І. Веркін. При цьому відзначав цікаву деталь. Ці лекції за змістом і стилем подачі матеріалу настільки відрізнялись від відомих у нас курсів оптики, що Віктору та іншим студентам довго не вдавалось з'ясувати, яким посібником користувався Борис Ієремієвич для своїх лекцій, а сам він їм цього не говорив. Зрештою після довгих пошуків їм все-таки вдалося знайти цей посібник: це був курс оптики німецькою мовою (пріз-

вища автора не пам'ятаю), мало відомий в Радянському Союзі. Загалом Віктор багато цікавого розповідав нам, його колегам, про відомих харківських фізиків, багатьох з яких знав особисто, про УФТІ і Харківський університет та інші наукові центри.

*В.В. Єременко та А.Ф. Прихотько
зі співробітниками Інституту фізики НАН України, 1974 р.*

Мені якось не довелось поцікавитись у Віктора, чому він при всіх, як здавалось, сприятливих для нього обставинах не поступав до аспірантури в УФТІ чи в Харківський університет, а обрав Інститут фізики в Києві. Чи він хотів займатись саме оптикою і спектроскопією твердих тіл, а цей напрям був добре розвинутий в Інституті фізики, чи може з родинних міркувань: його батько, відомий вчений Валентин Никифорович Єременко, проживав у Києві і працював в Інституті проблем матеріалознавства АН УРСР, і Віктор певний час квартирував в його домі.

Робота над кандидатською дисертацією у Віктора розвивалась успішно, вага та авторитет його у відділі поступово зростали. Невдовзі він став на рівних з провідними науковцями відділу, до нього прислухались, з ним радились. Він був активним на наукових семінарах, непоступливим і послідовним в дискусіях. Зазвичай спокійний у наукових суперечках, він все ж іноді втрачав спокій і піддавався емоціям, надто коли логікою і аргументами не вдавалося переконати опонента.

Найчастіше це траплялося у суперечках з Володимиром Броуде, людиною емоційною, на той час старшим науковим співробітником, з яким Віктор Валентинович працював в одній кімнаті та входив до складу його групи. Попри різницю у віці (В. Броуде був значно старшим) і в статусі, в них склалися близькі, дружні стосунки. Нерідко між ними траплялись гарячі суперечки не лише з наукових, а і всяких інших питань, і тоді їх голоси дзвінко лунали по коридору і збирали зацікавлених слухачів із сусідніх кімнат. Спокійнішими були його дискусії з теоретиками відділу С. Пекара, зокрема з Е. Рашбою, якого він глибоко поважав і до якого прислухався.

Після закінчення аспірантури і успішного захисту кандидатської дисертації Віктор Валентинович деякий час залишався працювати в Інституті фізики. Тут в нього були хороші перспективи для подальшого наукового зростання. Проте він мав інші плани. Його запросив для роботи в новостворений Фізико-технічний інститут низьких температур його директор Борис Ієремієвич Веркін, що, мабуть, запам'ятав талановитого студента і знав його успішну роботу в Інституті фізики. Віктор погодився і в 1961 р. переїхав до Харкова. Ще деякий час перед тим він зацікавився оптикою магнітоупорядкованих кристалів, слідкував за відповідною літературою, і потім у ФТІНТі широко розвинув цей напрям. Відповідно до свого таланту і великих творчих можливостей він добився визначних результатів, виховав численних учнів, створив потужну школу, розгалуження якої (академіки М. Харченко, С. Гнатченко) успішно розвиваються у ФТІНТі по сьогодні.

Мене завжди вражали його велика працездатність, висока результативність — монографії, численні статті, редагування журналу, міжнародне співробітництво, керівництво інститутом протягом довгого періоду. Здавалось, що з віком ці його здатності зовсім не зменшувались. Якось ми зустрілись з ним у Києві, коли він зі своїм співробітником поспішав на вокзал, щоб їхати до Польщі у Вроцлав, де в Міжнародній лабораторії сильних магнітних полів і низьких температур у Вроцлаві, членом Вченої ради якої був Віктор Валентинович, були заплановані його експерименти на тамошньому обладнанні. А був він тоді вже в досить поважному віці.

Не менше захоплення викликало його зацікавлення сучасним живописом, глибоке його розуміння, багата і різноманітна колекція картин, яку він з любов'ю поповнював і якою пишався. Мабуть, всі учасники виїзної сесії Бюро Відділення фізики та астрономії НАН України, що проходила у ФТІНТі з нагоди 50-літнього ювілею Інституту, пам'ятають екскурсію, яку влаштував Віктор Валентинович в музеї колекції його картин, розташованого у приміщенні інституту.

В.В. Єременко на 50-річчі автора цих рядків, 1981 р.

Своєю науковою діяльністю, своїми великими творчими здобутками Віктор Валентинович залишив глибокий слід в розвитку тієї галузі науки, якій він присвятив своє життя. Не менш глибокий слід він залишив у пам'яті людей, яким пощастило його близько знати, користуватись його добрим відношенням і дружбою.

Короткие и теплые мгновения с Виктором Валентиновичем

Римас ВАЙШНОРАС
профессор, Вильнюсский университет

Впервые я увидел Виктора Валентиновича (ВВ) в коридоре ФТИНТа — стройного, подтянутого, аккуратно одетого, куда-то торопящегося. Через 37 лет мы снова встретились во ФТИНТе: ВВ был все такой же, только чуть пополнившийся, переполненный планами и надеждами.

Судьба не сразу свела меня с ВВ. После окончания университета у меня было большое желание учиться дальше. В ФИАНе им. Лебедева была возможность изучать свойства ниобата лития, но мне казалось, что это не очень интересно. Пошел проситься в Институт физических проблем, но профессор Петр Леонидович Капица сказал, что в каждой лаборатории уже есть иностранные стажеры и мест нет. Опустив голову, я вышел из кабинета академика, а за дверью стройный мужчина сказал мне: «Езжайте в Харьков, там настоящая физика». Позже я узнал, что это был заместитель директора профессор Андрей Станиславович Боровик-Романов. Я благодарен ему за эти добрые слова, но, к сожалению, не успел сказать ему: «Спасибо».

Сел на поезд, приехал в Харьков. Пошел в дирекцию ФТИНТа и сказал, что хочу учиться настоящей физике. Профессор Борис Наумович Есельсон, с которым я разговаривал, любезно пригласил в свою лабораторию.

В Харькове я никого не знал — где ночевать, где остановиться? Пошел в спортивный комплекс ХПИ, к счастью, там шла тренировка баскетболистов. Попросился поиграть с ними, после тренировки мне предложили играть за ХПИ, а также студенческое общежитие на Алексеевке. Я был этому рад, хотя по тогдашнему бездорожью было непросто с Алексеевки добираться до ФТИНТа. В отделе Б.Н. Есельсона создавали установку для получения сверхнизких температур и после упорного труда получили 0,015 К. Этот результат входил в мировую тройку в этой области. Мне нравились исследования, проводимые в отделе И. Янсона, публикации ФТИНТовских теоретиков, экспериментальные работы отдела Ю. Комника.

Однако меня привлекали исследования в отделе ВВ, и я попросился к нему в аспирантуру. Ответ был краток: «Готовьтесь к экзамену по магнетизму». В аспирантуре ВВ назначил моим руководителем Люсю Беляеву, в ее группе были еще Валентин Силаев и Надежда Гапон. Люся предложила изучать молибдаты калия с внедренным редко-

земельным ионом диспрозия. Эти новые образцы вырастил Леонард Пелих из другого отдела, и больше года никто не хотел их изучать. Люсе эти образцы показались интересными, полученные первые спектроскопические результаты магнитных свойств были опубликованы в журнале «Письма в ЖЭТФ». Однако завотделом Анатолий Илларионович Звягин забрал образцы и тематику, хотя вторая статья была опубликована совместно с ним и его сотрудниками. Тогда ВВ пришлось проявить чудеса дипломатии, чтобы всех успокоить. Видимо, Анатолий Илларионович долго чувствовал себя неловко. Я это понял гораздо позже, когда он на новеньких «Жигулях» приехал в Вильнюс. Обсуждая этот случай, Анатолий Илларионович объяснил, что с этим были связаны внутренние обстоятельства в его отделе.

Мы изменили тематику и, по решению Люси Беляевой, перешли к изучению магнитных свойств редкоземельных ферритов-гранатов. Люся помогала мне успешно, старательно и ответственно изучать магнитные свойства материалов. Кроме того, она знакомила меня с богатой историей Харькова, культурной и музыкальной жизнью города. Я вспоминаю это с большой благодарностью. Наша группа, как и соседние лаборатории, работала допоздна, мы уходили не раньше 22 часов, а приходили на работу к 8 часам. Валентин Силаев увлеченно раскрывал мне тайны низкотемпературного эксперимента. Печально, когда после долгих лет, прилетев в Харьков, я пришел во ФТИНТ и узнал, что Валентин Иванович Силаев скончался. Печально, что Люсе Беляевой сейчас нелегко — она едва передвигается и не решается на операцию.

ВВ старался, чтобы во всех группах отдела шла интенсивная исследовательская работа. Всячески помогал активно работающим, но горе было тем, кто плохо работал. Сам ВВ часто искал спокойный уголок, где хотя бы полдня можно было поработать, не отвлекаясь. Все группы между собой незримо конкурировали. В отделе была передовая по тем временам спектроскопическая аппаратура, а также экспериментальная техника по измерению рассеяния света, ИК спектроскопии, люминесценции, поглощения света и т.д. Температурные исследования проводились при сверхнизких температурах (1 К) и в сильных магнитных полях, что позволяло глубже изучать свойства вещества. Нередко уникальная техника ломалась, и ВВ переживал, что буксует научная деятельность. В отделе были лидеры, такие как группа Николая Харченко с интенсивно работающим Сергеем Гнатченко. Ими была создана хорошая экспериментальная техника и, соответственно, качественная научная продукция.

Наш отдел очень сближали поездки на природу или спортивные игры. Большим энтузиастом походов был Анатолий Звягин и его отдел. Общаясь в непринужденной обстановке, мы больше узнавали

друг друга, стирались грани конкуренции. И тогда было легче просить Ларису Чечерскую сделать рентгеновский снимок нового вещества (Лариса всегда любезно помогала) или попросить помощи у Элеоноры Кабановой.

Сближению отдела помогали баскетбольные или футбольные игры, проводившиеся в субботу утром. Зимой и летом по выходным в 9 утра мы играли на поляне. Здесь проявлялась индивидуальность каждого. Не забудется, как Юрий Попков настойчиво искал возможность забить гол, как совершал летящие рейды Алексей Повстаный, разумно организовывал игру Георгий Никольский, устраивали непредсказуемые проходы Владимир Рубцов и Виктор Мятлик, их встречала стойкая защита — тандем Ростислав Рожицкий и Виктор Науменко. Победенных не было — только счастье и радость общения. Сейчас многих из них нет среди нас...

Позже я признался ВВ, что играю в баскетбол за городскую команду и теряю по 2,5 часа ежедневно на дорогу. Изредка по выходным ездил в другие города на соревнования. ВВ ответил, что в юности он играл в баскетбол, но рост ограничивал его возможности на площадке. Гордился тем, что Людмила Абрамовна была хорошей баскетболисткой. Кроме того, хочется добавить, что она была прекрасной хозяйкой — я наслаждался приготовленными ею очень вкусными поджаренными баклажанами и помидорами.

ВВ старался избегать суеты в свой день рождения и часто покидал город в июле, но Балтийское море ему казалось холодноватым.

Он был чутким не только к сотрудникам своего отдела. После моего отъезда в Вильнюс ВВ звонил и просил помочь тяжело больным сотруднику криогенно-технического отдела Григорию Маслаку и начальнику отдела охраны Евгению, которым нужна была пересадка сердца. К сожалению, организм Григория не принял пересаженное сердце. Несколько дней билось новое сердце в груди Евгения, пока не лопнули кровеносные сосуды.

После 37 лет разлуки я увидел ВВ на научных семинарах — активным, преодолевающим издательские проблемы журнала ФНТ, живущим проблемами сына Андрея. ВВ очень переживал, что тяжело больна Людмила Абрамовна, а у него самого сердце дает о себе знать.

По сей день благодарен судьбе и харьковчанам, с которыми свела меня судьба. В тяжелую минуту, после пережитой мной железнодорожной аварии, мне оказали неоценимую помощь ВВ и Люся Беляева. Я рад, что прошел школу отдела ВВ. Приобретенными знаниями и опытом я делюсь в разных университетах мира. Восхищаюсь мужественным поведением харьковчан в нелегкой сегодняшней ситуации и желаю, как и вся Литва, спокойного и уверенного будущего.

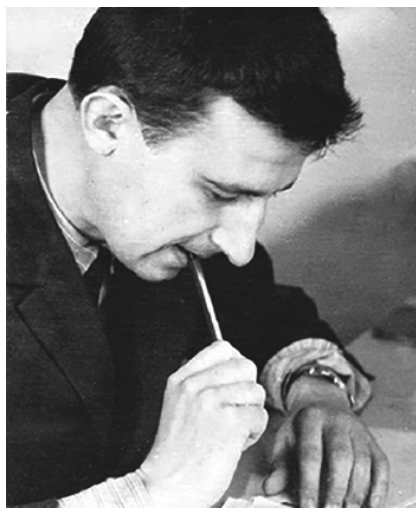
*Аспирант, Институт физики,
Киев, 1956 г.*

*Старший научный сотрудник,
ФТИНТ, Харьков, 1961 г.*

*Владимир Львович Броуде,
киевский друг и наставник*

*Заведующий отделом
низкотемпературного магнетизма,
1963 г.*

Криогенная лаборатория УФТИ. Б.И. Веркин и Е.С. Боровик, 1947 г.

Евгений Станиславович Боровик в лаборатории

Братья А.С. Боровик-Романов и Е.С. Боровик

ФТИНТовцы на природе в Рубежном

*Экскурсия во время школы-семинара по магнитооптике в Чехословакии, 1973 г.
Слева — организатор профессор Ян Кацер из Карлова университета*

*Г. Кринчик (МГУ), Н. Крейнс (Институт физпроблем), В. Еременко,
В.А. Боровик-Романов (Институт физпроблем) во время школы-семинара
по магнитооптике в Чехословакии, 1973 г.*

*Шахматная партия во время экскурсии в Канев на теплоходе по Днепру
после киевской конференции по физике низких температур, сентябрь 1961 г.*

*В.В. Еременко на семинаре в помещении консерватории, 1963 г.
В ряду у стены слева направо: В.М. Науменко, А.И. Звягин, И.В. Свечкарев*

Павел Чубов отказывается закладывать фундамент своей диссертационной работы, 1962 г.

Все-таки энтузиазм проснулся! ФТИНТовцы за работой: Ю. Литвиненко, В. Мятлик, В. Андронов, В. Еременко, В. Пересада и др., 1962 г.

*А.И. Звягин с сыном Андреем, В.В. Еременко с сыном Андреем
и В.М. Науменко с детьми, 1 мая 1962 г.*

*В сосновом бору на базе отдыха ФТИНТа: А.И. Звягин, Ю.А. Попков,
проф. И. Дате (Национальная магнитная лаборатория Японии, г. Осака),
В.В. Еременко, С. Попков, Г. Звягина, Л.А. Еременко и Н.М. Звягина,
декабрь 1973 г.*

*Иногда удавалось работать
в лаборатории
(фото С. Победина, 1970 г.)*

*ДонФТИ. В. Еременко
и В. Бар'яхтар, 1985 г.*

*Каких только кристаллов
они не исследовали,
каких только спектров
не получали...*

1965 г.

П. Лемменс и В.В. Еременко

Виктор Валентинович с сотрудниками 4-го отдела, 1985 г.

В.В. Еременко и С.М. Рябченко на Международной конференции по магнетизму, 1973 г.

Заседание ученого совета. В.В. Еременко, Б.И. Веркин, Е.Н. Хацько, 80-е гг.

*После конференции по субмиллиметровым волнам в Атланте.
Слева направо: Р. Дугган мл. (компания Локид-Джорджия), Виктор Еременко
(ФТИНТ), астронавт Дж.В. Янг (НАСА) и Владимир Мурзин (МГУ),
июнь 1974 г.*

*С В.Г. Барьяхтаром на выездной сессии Отделения физики и астрономии
Академии наук в ДонФТИ, 1985 г.
Траектории двух Викторов со студенческих лет пересекались многократно*

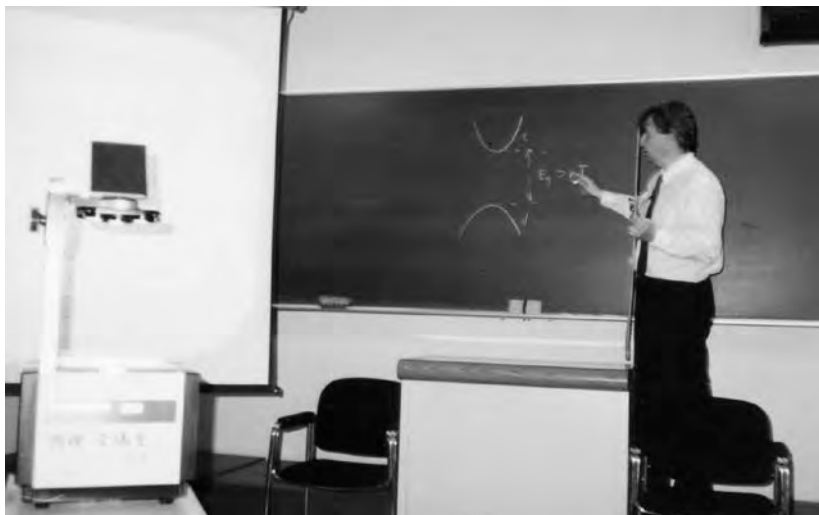

*В. Литовченко, Т. Яценко, Э. Завадский и В. Еременко на выездной сессии
Отделения физики и астрономии Академии наук в ДонФТИ, 1985 г.*

*Одно из многочисленных выступлений официального оппонента
на защитах диссертаций в Киеве, Донецке, Черновцах, Баку, Казани, Ленинграде...
Новая физическая аудитория Харьковского госуниверситета,
защита докторской диссертации Л.Э. Паргаманика, 1986 г.*

В.В. Еременко в разные годы

*Лекция японским студентам.
Университет г. Фукуока, 1992 г.*

В кабинете директора, 90-е гг.

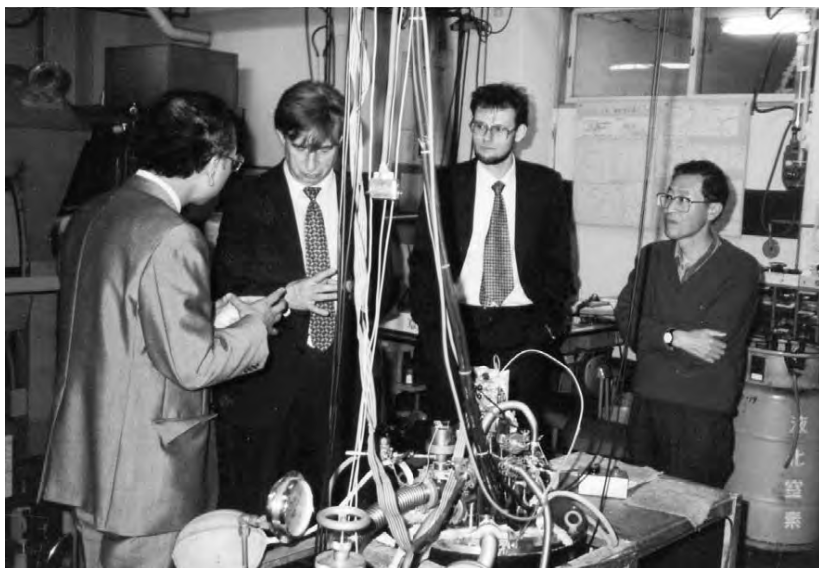
*Академики В. Немошкаленко, Г. Шимчак, В. Еременко
на конференции по переходным металлам. Киев, 1991 г.*

*И.Я. Фуголь и В.В. Еременко,
бывшие аспиранты академика А.Ф. Прихотько, начало 90-х.*

*В.В. Еременко и В.М. Дмитриев с японскими коллегами
на конференции по высокотемпературной сверхпроводимости.
Токио, 1991 г.*

*Ксюю университет, Япония, 1992 г.
Слева направо: проф. Ватанабе, В.В. и А.В. Еременко, проф. Куниро Тсушима*

*Виктор Валентинович Еременко, Хуан Бартоломе
и Валентина Анатольевна Сиренко.
Лаборатория физики низких температур.
Сарагоса, Испания, 2007 г.*

Виктор Валентинович с сотрудниками 4-го отдела, 2009 г.

О Викторе Валентиновиче Еременко и не только о нем

В.Г. ГАВРИЛКО

ст. научн. сотр., ФТИНТ им. Б.И. Веркина НАН Украины, Харьков

На заседании Ученого совета ФТИНТа, посвященном памяти В.В. Еременко, когда директор ФТИНТа С.Л. Гнатченко предложил присутствовавшим участвовать в написании воспоминаний о Викторе Валентиновиче Еременко, я подумал, почему бы мне не написать воспоминания, ведь неоднократно решения и действия В.В. Еременко принципиально влияли на мою жизнь и на судьбу института, в котором я работаю более полувека. И я решился: таки-да, надо написать. Сразу же отмечу, что я никогда не работал в той области физики, где академик В.В. Еременко был корифеем, ни дня не числился в его отделе, не был соавтором ни одной из его многочисленных работ, ни разу не встречался с ним в зарубежных поездках, не сотрудничал в редакции журнала «ФНТ», которую он последнее время возглавлял, не восхищался какой-либо картиной из его коллекции; в ХГУ посещал ту же баскетбольную секцию, что и он, но уже после того, как он окончил Университет и поступил в аспирантуру в Киеве.

Начну свои воспоминания с любимой цитаты Виктора Валентиновича из Войновича: «В подобных разговорах сплошь и рядом высказываются оригинальные и глубокие мысли, а если кто-нибудь и сморозит глупость, то его выслушают с уважением, понимая, что и глупому человеку иногда нужно высказаться».

Познакомился я с В.В. Еременко в 1961 году. Тогда я был студентом 5-го курса физико-математического факультета ХГУ, выполнял дипломную работу в Харьковском физико-техническом институте (ХФТИ) в лаборатории ВМ-2 В.Ф. Зеленского (в Пятихатках) и получил предложение остаться там работать в группе С.И. Файфера. Дипломная работа заключалась в измерении твердости различных вариантов (состав, дисперсность, отжиг, механическая обработка) порошковых магний-бериллиевых сплавов, которые использовались в качестве покрытий урановых стержней, являющихся тепловыделяющими элементами (ТВЭЛами) атомных реакторов, примесь бериллия добавлялась в качестве замедлителя нейтронов. Планировалось, что такие ТВЭЛы будут использоваться на атомной электростанции в Чехословакии.

Жил тогда я вместе с сотрудником Физико-технического института низких температур Л.К. Крючковым, снимая комнату в частном доме. В то время ФТИНТ еще не построил своих рабочих корпусов и

арендовал 4-й этаж Консерватории (ныне Национальный университет искусств им. И.П. Котляревского). Б.И. Веркин (далее БИ) предложил В.В. Еременко, В.Г. Манжелию и Ю.П. Благому организовать свои лаборатории. Л.К. Крючков решил работать у Ю.П. Благого, а мне предложил поступить на работу в лабораторию В.Г. Манжелия. Через пару дней после того, как я ответил согласием на предложение Л.К. Крюčkова, он принес мне записку от В.Г. Манжелия с указанием времени и места встречи (ул. Тринклера, 20, кв. 44, напротив Сумского рынка, где В.Г. Манжелий жил у тещи). В разговоре принимала также участие его жена, Людмила Семеновна. Подытоживая беседу, В.Г. Манжелий сказал, что нам надо поговорить еще, на этот раз в Университете, и сразу сообщил время и место встречи. Меня удивило, что местом встречи была выбрана лестничная площадка на физико-математическом факультете, а не какая-либо аудитория, лаборатория, кафедра или вестибюль. В полумраке лестницы в ХГУ с В.Г. Манжелием был второй мужчина — относительно высокий, худой, с длинной шеей; он подал мне руку и сиплым голосом представился: «Витя». После паузы добавил: «Еременко». Беседа была короткой, В.В. Еременко скоро сменил тему разговора, и я понял, что «смотрины» завершены. Может возникнуть вопрос, почему для принятия меня в свою лабораторию В.Г. Манжелию понадобилось узнать мнение и жены, и В.В. Еременко. Ответ содержался в выступлении В.Г. Манжелия на лабораторной «посиделке» по случаю одного из моих юбилеев: я, как он сказал, был единственным его научным сотрудником, за которого его никогда никто не просил.

Впоследствии я увидел, что В.Г. Манжелий часто советуется со своим бывшим однокурсником В.В. Еременко.

Однокурсники В.В. Еременко, К.В. Маслов и В.Г. Манжелий, большую часть времени существования ФТИНТа работали заместителями директора, а В.В. Еременко (далее ВВ) 15 лет был директором Института. В нашем институте работали и другие их однокурсники: Л.С. Дикина, Л.А. Еременко (дев. Теверовская), И.С. Житомирский, С.К. Комаревский, А.И. Ландау, И.В. Матяш, В.Г. Песчанский и Ф.С. Рофе-Бекетов.

Отдел ВВ после переезда из временного помещения в здании Консерватории во временные помещения уже на территории ФТИНТа (до окончания строительства Лабораторного корпуса) ютился отчасти в 17-й комнате Криогенного корпуса, где с 1964 г. на экспериментальных установках работали А.И. Звягин, Ю.А. Попков, А.И. Беляева, Ю.Н. Цзян, Ю.Г. Литвиненко, К.Л. Дудко, Л.Б. Кузьмичева, Э.М. Огнева, П.Н. Чубов, В.В. Деревянченко и др. Там также стояла дилатометрическая установка, на которой мы с А.М. Толкачевым и

Е.И. Войтовичем посменно проводили круглосуточные эксперименты по исследованию теплового расширения отвердевших газов. Специальным приказом директора ВВ был назначен старшим в 17-й комнате. В той комнате в криостаты мы заливали водород — гелиевый ожигатель еще не работал. Однажды на моей смене произошло чрезвычайное происшествие. Во время работы я вдруг услышал за спиной оглушительный хлопок и последовавшее шипение. Оглянувшись: Ю.А. Попков стоял у своего криостата, укутанный парами водорода и азота. Стоял мгновение, а затем низко нагнулся и побежал к двери, все присутствовавшие последовали за ним. Как выяснилось и как нам рассказал Ю.А. Попков, он подал на свой соленоид слишком большой импульс тока, соленоид разогрелся, водород мгновенно вскипел, давлением паров выдавило окно криостата, оно вылетело, ударившись о стенку, выбило штукатурку до кирпича. Кто-то сразу догадался выключить в коридоре рубильник, это нас спасло, так как на dilatометре для термостатирования электронного устройства был включен нагреватель с открытой спиралью и щелкало механическое реле. К счастью, в эти критические минуты реле не сработало, и мы отделались легким испугом.

Кроме 17-й комнаты, отдел ВВ получил также помещение на 3-м этаже Экспериментально-производственных мастерских, а именно лабораторную комнату, из которой дверь вела в его маленький кабинет, где, кроме его рабочего стола, стоял еще стол В.И. Пересады. (Далее со слов Г.С. Никольского.) Однажды, когда несколько сотрудников ВВ, в том числе Г.С. Никольский, стояли у двери кабинета и что-то живо обсуждали с ВВ, вошел П.Б. Крупник (он тогда в администрации Института был еще новым сотрудником и не всех заведующих лабораториями знал в лицо, впоследствии он много лет весьма успешно работал главным инженером СКТБ ФТИНТ). Перебив беседу, он начал что-то пространно говорить о технике безопасности. Поскольку во временном помещении на догмы техники безопасности смотрели сквозь пальцы, терпение ВВ быстро иссякло. Он под общий смех обеими руками развернул П.Б. Крупника и вытолкнул за дверь своего кабинета. Тот попытался открыть дверь, но она не поддавалась — кто-то ее крепко держал. «Кто там держит?» — «Это, наверное, сам Еременко держит». Услышав это, П.Б. Крупник, усиливая комизм создавшейся ситуации, сбавил тон и сказал в сторону закрытой двери: «Виктор Валентинович! Простите меня! Я же не знал, что это Вы». ВВ открыл дверь: «Заходите». Как потом выяснилось, действительно, дверь держал ВВ, оперевшись ногой в дверной наличник.

В книге «Физико-технический институт низких температур им. Б.И. Веркина АН Украины, 50 лет» помещена прекрасная фотография сотрудников отдела ВВ (1961 год). Все лица молодые... Такие фотографии будоражат память и будят воспоминания. Теперь многих нет в живых*.

Читая черновик моего текста, А.М. Толкачев напомнил мне, что в 60-е годы ВВ, в отличие от В.Г. Манжеля, был с нами на ты, мы его тоже называли на ты и по имени. Со временем перешли на более официальное обращение. А.М. Толкачев вспомнил два эпизода из того далекого прошлого. Первый случай (1961 год). Б.И. Веркин собрал руководителей лабораторий на совещание. А.М. Толкачев принимал участие в этом совещании вместо В.Г. Манжеля, находившегося в командировке. В ходе совещания директор критически высказался в адрес нескольких лабораторий, в том числе В.В. Еременко. Виктор Валентинович сразу же аргументированно возразил. Б.И. Веркину это не понравилось. Разгорелась словесная перепалка, в результате чего ВВ быстро вышел из кабинета, хлопнув дверью. И второй случай (70-е годы). Идет А.М. Толкачев по тротуару вдоль институтского забора. Останавливается автомобиль, за рулем ВВ: «Куда идешь? ... Садись, подвезу». А.М. Толкачев сел. «У тебя есть машина?» — «Нет» — «Почему?» — «Я считаю, что раньше надо защитить докторскую диссертацию, а потом думать о машине» — «Вот чудак! Надо и докторскую, и машину». «Теперь, — резюмирует для меня свой рассказ А.М. Толкачев, — я понимаю, что он был прав».

По моему мнению, только два сотрудника ФТИНТа позволяли себе иронизировать над словами БИ в его присутствии. Это К.В. Маслов и В.В. Еременко. Приведу три примера.

В 1987 году БИ пожелал, чтобы я рассказал ему о работе 30-го отдела над научной темой по созданию банка данных по физике и технике низких температур. К.В. Маслов, зам. директора, курировавший эту работу, предложил пойти к БИ вдвоем с ним. Этому предложению я обрадовался, поскольку побаивался непредсказуемости БИ. После моего краткого доклада о результатах работы Веркин говорит: «Я не понимаю, зачем все это делать». К.В. Маслов, упредив мой ответ жестом руки, сказал: «Борис Иеремиевич, Вы не сможете этого понять, потому что Вы человек старый и отсталый (при этом БИ хмыкнул). Но Вы должны знать, что банк данных нужен.

* К сожалению, подпись под фотографией во многом не совпадает с изображением. Например, в подписи не назван Ю.А. Попков, Л.А. Еременко названа Н.М. Звягиной и т.д.

И его делать надо!» После этих слов К.В. Маслов встал и скомандовал мне: «Пойдемте!» — и мы вышли из кабинета директора.

На заседании ученого совета Института в 1978 году, когда было объявлено, что ФТИНТ стал научно-техническим комплексом в составе: Институт + Специальное конструкторско-технологическое бюро по криогенной технике + Экспериментально-производственные мастерские + Опытный завод в Валках, БИ обмолвился, что теперь его будут называть по-новому. ВВ с наигранным любопытством: «Как же будут теперь Вас называть?» — «Генеральный директор» — «Я думал — Вы уже не Борис Иеремиевич».

Когда ВВ и В.Г. Манжелей были заместителями директора, им в качестве представителей администрации приходилось участвовать в заседаниях партийного комитета Института. После одного из таких заседаний В.Г. Манжелей рассказал мне следующее. Рассматривалось два вопроса, по каждому был докладчик. В первом докладе промелькнула информация, что запасов газообразного гелия в Институте предельно мало, поэтому в ближайшее время могут остановиться ожижительные установки. БИ тут же вспыхнул: «Почему Вы раньше мне об этом не сказали!?!» Стал ругать докладчика, в частности, сказал, что его надо сечь крапивой. По второму вопросу выступал Ю.П. Благой. В конце заседания ведущий спросил, есть ли у кого-либо вопросы. ВВ: «Я понял, что первого докладчика мы будем сечь крапивой. А что мы будем делать с Благим?»

Однажды, разговаривая со мной о БИ и его учениках, В.Г. Манжелей сказал: «Он превосходил нас всех во всем: и в плохом, и в хорошем».

Иду я однажды, в начале 70-х, из библиотеки. Навстречу мне к своему кабинету идет ВВ (кабинеты и приемная заместителей директора В.В. Еременко и В.Г. Манжеля находились в комнатах, впоследствии поглощенных библиотекой). ВВ держится за грудь, лицо мрачное. «Виктор Валентинович, Вам плохо?» — «Да, плохо — с Веркиным поругался. Он на меня так кричал, так кричал! А я подумал: “Что это он себе позволяет! Да еще такими словами!” И на него как попер, как попер. Только он громко, а я про себя, про себя». И он улыбнулся своей шутке. Беседуя с Э.М. Кабановой, много лет проработавшей в институтской администрации, я узнал, что из всего ближайшего окружения БИ только у К.В. Маслова якобы не было с БИ ни ссор, ни периодов недопонимания.

Периодически БИ заказывал нашему (30-му) отделу подборку информации в основном по тематике СКТБ. Я эту подборку ему приносил, и он при мне ее просматривал, иногда это занимало несколько часов. Однажды во время такого просмотра вошел заместитель ди-

ректора Игорь Федорович Харченко, в руке — лист бумаги. Подошел к БИ и, сильно заикаясь, начал ему что-то говорить. БИ с добродушной улыбкой прервал его: «Игорь, все знают, что Вы заикаетесь. Но Вы можете из уважения ко мне сказать нормально». В ответ И.Ф. Харченко подал ему лист бумаги — заявление на увольнение (раньше в приватной беседе я слышал от И.Ф. Харченко, что он намерен уйти из ФТИНТа). Лицо БИ стало серьезным; он протянул ему руку: «Помогите, пожалуйста, мне встать» (он уже с трудом вставал). Поднявшись, он еще раз бросил взгляд на заявление, затем порвал его на мелкие-мелкие клочки, бросил на пол и стал топтать. На лице И.Ф. Харченко промелькнула улыбка. На том разговор был окончен. Я был свидетелем по крайней мере трех подобных театральных сцен в кабинете БИ. Стиль общения (работы) с подчиненными у ВВ был совсем не таким, как у БИ (ярко эмоциональным, артистическим, рассчитанным на зрителя). Стиль ВВ был скорее спокойным и ироничным.

Однажды утром в 70-е годы я, подходя к Институту, услышал сзади окрик: «Вади-и-им Григорьевич!» Иду дальше, снова в мою сторону, уже ближе: «Вади-и-им Григорьевич!» Оглядываюсь — меня догоняет ВВ: «Это Вы? А я думал, Вадим Григорьевич. Вы уже в точности копируете его походку. Но имеется существенное отличие: Вадим Григорьевич каждый шаг тщательно продумывает».

У ВВ был своего рода «талант»: своих учеников, защитивших диссертации в его отделе, после защиты устраивать на работу в другие места. Доктора физ.-мат. наук А.И. Беляева и В.М. Науменко стали начальниками отделов СКТБ ФТИНТ, доктор физ.-мат. наук Э.В. Матюшкин — зав. кафедрой в ХИИТе, канд. физ.-мат. наук А. Масленников — зав. кафедрой в Фармацевтическом институте, канд. физ.-мат. наук Г.С. Никольский — зав. лабораторией в УкрКоммунНИИПроекте, доктор физ.-мат. наук Ю.А. Попков — зав. кафедрой в ХГУ, канд. физ.-мат. наук В.И. Мятлик — доцентом в ХИРЭ, доктор физ.-мат. наук Ю.Г. Литвиненко — зав. отделом в Институте монокристаллов и т.д. Некоторые теперь живут и работают за рубежом. Бывший сотрудник отдела ВВ канд. физ.-мат. наук В.Н. Павлов, работающий ныне в ОИЯИ (г. Дубна, Московская обл.), после того, как я сообщил ему о смерти ВВ, в ответном письме среди прочего написал: «Он был, пожалуй, единственным моим Учителем, достойным подражания в его отношении ко всем, кому посчастливилось работать с ним. Беднеет наше содружество с уходом таких людей...»

В 80-е годы мне довелось поработать в лаборатории ученика ВВ Г.С. Никольского (лаборатория физических методов очистки воды). Кроме Г.С. Никольского, из еременковцев там работали канд. физ.-мат.

наук В.М. Фридман, а также В.Б. Ерошенко и Б.П. Бородин. Я там сосредоточился на высокоградиентной магнитной сепарации, широко обсуждавшейся тогда в зарубежной технической литературе. В частности, в США рассматривалась возможность такой очистки одного из особенно загрязненных притоков Миссисипи. Идея очистки основывалась на том, что большинство веществ, загрязняющих реки, — парамагнетики. Я пару раз разговаривал с ВВ о таком направлении работы, он проявлял интерес к таким беседам.

Работая в том институте, я впервые вплотную столкнулся с системой откатов и взяток чиновников от науки. Однажды в первые дни работы мы с В.М. Фридманом готовились поехать в командировку в Москву в Госплан СССР для продвижения вопроса государственного финансирования предлагаемых нами исследований. Зам. директора по научным вопросам И.А. Абрамович нас инструктировал: «Что вы будете говорить?» — В.М. Фридман пристегнул к пиджаку значок лауреата Госпремии УССР и начал рассказывать, какие выгоды будет иметь народное хозяйство и пр., если нам удастся выполнить намеченную работу. «Неправильно! Первое, что вы должны сказать — это что лично получит чиновник, который решает ваш вопрос». Через некоторое время, поехав вместе с И.А. Абрамовичем в командировку в Киев, я получил урок «правильной работы» с чиновниками. Мы зашли в кабинет к чиновнице, от которой зависело: дать или не дать дальнейший ход нашим документам по финансированию. В тот момент в кабинете находились и другие люди. После приветствия И.А. Абрамович говорит ей: «Когда Вы последний раз были в командировке у нас в Харькове, Вы потеряли перстень. Трудно поверить, но мы сразу после Вашего отъезда его нашли», — и достает из портфеля перстень в стандартной магазинной упаковке. Она примеряет его, любуется: «Какая прелесть!» Затем И.А. Абрамович перешел к цели нашего визита.

Я там проработал 4 года, и В.Г. Манжелей забрал меня в родной ФТИНТ.

В 1987 г. Общее собрание Академии наук Украинской ССР постановило утвердить БИ директором ФТИНТа на очередной срок, а в начале следующего года он по своей инициативе подал просьбу освободить его от занимаемой должности. Мне не удалось достоверно узнать, чем БИ аргументировал причину этого своего решения. В архиве Института хранится копия Постановления №82 Президиума АН УССР от 14.03.88 за подписью Б.Е. Патона: «Президія АН УРСР постановляє: 1. Призначити академіка АН УРСР Веркіна Б.І. почесним директором Фізико-технічного інституту низьких температур АН УРСР, задовольнивши його прохання про звільнення з посади ди-

ректора Фізико-технічного інституту низьких температур АН УРСР», а далее — благодарности Б.И. Веркину.

Тогда во ФТИНТе состоялась первая ротация директора. До этого основатель Института БИ 27 лет был бессменным его директором.

Итак, началась процедура перевыборов. Единственным претендентом в марте 1988-го был А.И. Звягин, ученик ВВ. Процедура на общем собрании научных сотрудников ФТИНТа была торжественной. В переполненном конференц-зале за столом президиума, как всегда, восседал БИ. Рядом с ним — специально прибывший из Киева вице-президент АН УССР К.М. Сытник. К.М. Сытник — биолог по образованию. Он окончил геолого-природоведческий факультет Луганского пединститута в послевоенное время, когда мой отец в том институте был одновременно деканом физико-математического и геолого-природоведческого факультетов (было такое при дефиците кадров в послевоенное время). Свое выступление К.М. Сытник в основном, посвятил БИ. Но так как ему, биологу, в коллективе физиков было неуместно говорить о Веркине как о физике, он построил свою речь на восхвалении человеческих качеств БИ. В частности, он сказал, что БИ играет на рояле, знает наизусть много стихов. Выступивший вслед за ним ВВ воспользовался этим и, давая характеристику А.И. Звягину как ученому и будущему директору, в конце сказал, что у него есть существенный недостаток — он не играет на музыкальных инструментах. В конце своей речи он подарил А.И. Звягину книгу Ф. Искандера, сказав, что Фазиль Искандер — любимый писатель Звягина. Было много выступавших. В частности, директор СКТБ Р.С. Михальченко. Он в своей речи произнес фразу, смысл которой сводился к тому, что настало время для БИ уступить директорское место более молодому претенденту. Тогда я и, наверное, Р.С. Михальченко представить не могли, что с уходом БИ и развалом СССР СКТБ ФТИНТ перестанет существовать. Выборы директора проводились на совершенно открытой демократической основе (так я думал, сидя среди других сотрудников в переполненном конференц-зале). На самом деле, собрание имеет всего лишь совещательный голос, а окончательное решение принимается в Киеве в Отделении физики и астрономии НАНУ.

Во время написания данного текста я узнал от К.В. Маслова, что выдвижение кандидатуры А.И. Звягина имело свою предысторию. Итак, был объявлен конкурс на замещение должности директора ФТИНТа. Но претендентов, желающих занять этот пост, не возникало. Может быть, кто-то в душе и был согласен или даже мечтал о директорствовании, но не осмеливался об этом заявить вслух и претендовать на кресло директора после такой глыбы, как Б.И. Веркин.

Тогда БИ поступил следующим образом. Взяв в помощники К.В. Маслова, он вызывал к себе в кабинет наиболее достойных кандидатов на пост директора, и они (БИ и К.В. Маслов) предлагали, просили и уговаривали их согласиться занять эту должность. Все отказывались наотрез. Например, В.Г. Манжелей сказал, что не согласится даже «под угрозой расстрела». А.И. Звягин отказался — у него была серьезная причина — он недавно перенес инфаркт. Я не запомнил весь список перечисленных К.В. Масловым, но обратил внимание на то, что ни ВВ, ни И.М. Дмитренко не были названы (!). Отказались все вызывавшиеся. Но искусные психологи БИ и К.В. Маслов почувствовали, что сопротивление А.И. Звягина может быть сломлено. И действительно, при второй попытке он дал согласие, выдвинув в качестве обязательного условия, чтобы первым замом у него был К.В. Маслов. Но это не входило в планы К.В. Маслова, и он стал отказываться. Он хорошо знал, что это за работа — в 60-е годы он уже был замом. БИ попытался его переубедить, но ему это не удалось. Возникла тупиковая ситуация. Тогда БИ обратился за помощью к наиболее авторитетным сотрудникам. Они приходили к К.В. Маслову и пытались уговорить его. Удалось это В.А. Марченко. Какие же слова подобрал В.А. Марченко, чтобы сломить сопротивление К.В. Маслова? Он, в частности, сказал приблизительно так, что призывает К.В. Маслова в тяжелое для Института время последний раз положить себя на алтарь Отечества. К.В. Маслов уступил и проработал заместителем директора следующие 10 лет.

БИ стал почетным директором. В тот период жизни ФТИНТа мы с С.В. Лубенцом однажды участвовали в беседе БИ с вице-президентом Академии наук Германской Демократической Республики Ульрихом Гофманном и Ханьо Кауфманном. Они оба отлично говорили по-русски. Ханьо много лет сотрудничал с С.В. Лубенцом, изучая механизмы пластической деформации кристаллов при низких температурах (до 0,5 К). В ходе беседы Гофманн спросил у БИ, как ему удастся руководить таким большим коллективом, как ФТИНТ, не имея возможности по своему усмотрению увеличить зарплату более способному сотруднику, а нерадивому уменьшить, как же он руководит? «А вот так!» — и БИ грохнул по столу кулачищем левой (здоровой) руки. Правая рука вследствие недавно перенесенного инсульта была зафиксирована косынкой. «О! — резюмировал Гофманн, — а если бы у Вас обе руки были здоровыми, Вы работали бы в два раза лучше».

В одном из разговоров того периода БИ сказал мне: «Врач советует мне больше времени проводить в саду. Говорит, что в саду буду чувствовать себя лучше. Нет! Я лучше всего чувствую себя здесь!»

И он с размахом хлопнул ладонью левой (здоровой) руки по протертому до дыр подлокотнику своего директорского кресла. И еще он однажды сказал мне: «Вы все не умеете работать, потому что вас никто этому не учил. А я учился в немецкой школе с детьми немцев, работавших тогда в Харькове. Их учили работать родители, а я смотрел, как они работают, и учился у них». Как сообщила мне сестра БИ, Л.И. Катрунова, в немецкой школе он учился до 8 класса, до того момента, когда школа была закрыта в связи с начавшимися репрессиями против немецких специалистов. Она также сказала, что после немецкой школы в обычной харьковской школе «ему нечего было делать», поэтому он после 9 класса экстерном сдал выпускные экзамены за 10 класс и в 15-летнем возрасте поступил на физ.-мат. факультет ХГУ.

Когда БИ не стало, А.И. Звягин попросил меня помочь ему разобрать архивы БИ в его кабинете. Это касалось в основном второй (маленькой) комнаты кабинета, я бы назвал ее «комнатой отдыха». В ней, в частности, хранилось большое число самодельных книг, в том числе переплетенные переводы на русский язык иностранных книг. Одну из них, переведенную с английского и напечатанную на пишущей машинке под копирку, А.И. Звягин вручил мне. Это была «Наука и господство белой расы» К. Мендельсона (это тот самый Курт Мендельсон, который написал «Физику низких температур»). Эту книгу я прочел, как говорится, «залпом». Интересная книга, великолепный перевод. Я подумал, что такой перевод могла сделать только А.П. Черепанова. Обратившись к ней, я узнал, что, действительно, переводила она и, поручая ей перевод, БИ сообщил, что эту книгу ему подарил автор, «известный физик, пустившийся в светскую литературу», и БИ хочет с ним обсудить ее содержание. Он регулярно торопил А.П. Черепанову, напоминая, что он собирается ехать в Англию, где будет встречаться с Мендельсоном, и будет неправильно, если он заранее не прочтет книгу.

Возвращаясь снова в 1991 год. А.И. Звягину не удалось долго проработать директором. Второй инфаркт оборвал жизнь «нашего второго директора», так ВВ назвал А.И. Звягина в своей статье в книге к 50-летию ФТИНТа. Нашим третьим директором стал В.В. Еременко. А.И. Звягин умер в воскресенье, а в понедельник в 2 часа дня К.В. Маслов позвонил в Президиум НАНУ Б.Е. Патону (Б.Е. Патон в Президиуме работает с 2-х часов). Секретарь ответила, что у него совещание, но К.В. Маслов настоял, и она соединила его с Б.Е. Патonom. Узнав о смерти А.И. Звягина, Б.Е. Патон выразил глубокое соболезнование, а затем резко спросил: «Кто?» — «Борис Евгеньевич, у нас есть только одна-единственная кандидатура, но она Вам не

понравится. Это Еременко» — «Да?.. Будем думать...» Было известно, что Б.Е. Патону не нравилась эпатажность и ироничность, свойственные характеру ВВ. Через несколько часов К.В. Маслову позвонил В.Г. Барьяхтар (академик-секретарь Отделения физики и астрономии): «Ты разговаривал с Патонем?.. Ну ладно, будем Патона уговаривать...» В.Г. Барьяхтар прекрасно знал весь руководящий состав ФТИНТа. На общем собрании научных сотрудников по выдвижению кандидатур на пост директора (собрание вел Н.И. Глушук) кандидатуру ВВ представил К.В. Маслов. В его до предела краткой речи ключевой фразой были шуточные слова: «На безрыбье и рак — рыба». Я на всю жизнь запомнил полное иронии выражение лица К.В. Маслова, когда он это произносил. Впоследствии К.В. Маслов сообщил мне, что ВВ опасался, что процедура на выборах может стать непредсказуемой. Кроме того, он не любил, чтобы его обсуждали, да еще прилюдно, но шуточная фраза К.В. Маслова как бы сделала излишним какое-либо обсуждение. В итоге коллектив Института поддержал ВВ, показав при тайном голосовании более 90% «За». ВВ был рад такой неожиданной для него поддержке сотрудников.

Через несколько дней после того, как ВВ стал директором, он, встретив меня в коридоре, говорит: «Я заметил, что старшие научные сотрудники плохо работают, как бы в полсилы. Наконец я понял почему — они работают одной рукой, потому что второй держатся за свой стул. А заведующие отделами еще хуже работают — они обеими руками держатся за кресло. А Вы, Витя, — добавил он, с усмешкой, бросив на меня ехидный взгляд, — стали уже настоящим сложившимся ученым», — и он кисть и предплечье руки сложил в виде сутулой человеческой фигуры.

Первым поручением ВВ нашему 30-му отделу — в бывшем помещении парткома создать музей ФТИНТа (как выяснилось через 20 лет, это был первый вариант музея). Мы с Л.К. Снигиревой готовили макет музея на нескольких ватманских листах, как бы музей в миниатюре. Эти листы для демонстрации директору были разложены в кабинете К.В. Маслова, зам. директора, курировавшего работы нашего отдела. К.В. Маслов пригласил В.В. Еременко. Он пришел, окинул подготовленное пристальным взглядом и обратился ко мне тоном с напускной строгостью: «Зачем Вы меня позвали? Я должен это все смотреть? Не буду смотреть. Вы раньше все сделайте до конца, а я приду и скажу, как Веркин (Вы же помните, как делал Веркин): “Все не так! Все переделать! К утру!” А ты, Клавдий, — обернулся он к К.В. Маслову, перейдя на шуточный тон, — не помогай ему, пусть сам делает». К.В. Маслов, повернувшись ко мне, продолжая шуточные нотки, завершил разговор: «Имейте в виду, что Витя в

гневе ужасен». И они оба засмеялись. Когда мы музей создали, претензий ни у кого не возникло.

После развала СССР, когда были ликвидированы парткомы и возник вопрос, как занять людей, работа которых раньше была связана с парткомом, директор Института В.В. Еременко предложил мне взять в 30-й отдел машинистку парткома, Марию Прокофьевну Загорскую, ей тогда было около 90 лет. «А что она сможет делать в нашем отделе?» — «Она может, например, руководить Вашим отделом».

В конце 1991-го во время нашего с ВВ разговора зазвонил телефон и секретарь сказала ВВ, что звонят из Президиума. ВВ взял трубку и заговорил по-украински. Это был первый случай, когда я услышал в кабинете институтской власти украинскую речь. Окончив разговор и, вероятно, усмотрев на моем лице удивление, он прокомментировал: «Мені вже набридла російська мова».

Читая в автобиографии ВВ об изучении им в школе украинского языка (он думал, что «пазурі» — это пузыри), я вспомнил, что в школе я тоже не знал, что пазурі — это когти (Т.Г. Шевченко, «Сон», «запустить пазурі в печінки»).

*ВВ с А. Ежовски, директором Института низких температур и структурных исследований, г. Вроцлав, аспирант В.Г. Манжеля 70-х годов.
Среди гостей, пришедших поздравить В.Г. Манжеля с 80-летием
(фото В.Б. Есельсона).*

ВВ у фотостенда к 80-летию В.Г. Манжеля (фото В.Б. Есельсона).

Когда в 1991-м решались вопросы, связанные с увековечиванием памяти БИ, Виктор Валентинович вызвал меня и предложил съездить в Киев, чтобы передать художнику Б.И. Плаксию деньги. При этом он достал из внутреннего кармана пиджака 2000 рублей, вложил в конверт и отдал мне (для оценки величины этой суммы напомним, что месячная зарплата старшего научного сотрудника тогда составляла 250 рублей). ВВ также посоветовал при визите иметь при себе бутылку коньяка. О Б.И. Плаксии он рассказал следующее. Во второй половине 60-х Б.И. Плаксий был популярным художником-монументалистом. В 1971-м он расписал стены киевского кафе «Хрещатий Яр». Тема росписи — история Киева от древности до сегодняшних дней. В частности, были написаны портреты украинских диссидентов. Его вызвали в КГБ, показали фотографии фрагментов росписи: «Кто это?» Б.И. Плаксий сказал, что это портреты случайно встреченных людей. Тогда пригласили секретаря киевской комсомольской организации В.А. Коротича (в будущем главный редактор популярней-

шего советского журнала «Огонек»). Тот пофамильно перечислил всех, изображенных на портретах. Затем вызвали одновременно Б.И. Плаксия и В.А. Коротича и повторили вопрос. В результате Б.И. Плаксий более чем на 15 лет стал так называемым «непродажным художником». Он лишен был возможности продавать свои картины, участвовать в выставках, у него забрали мастерскую и уволили с работы. В 2014-м я спросил у ВВ, за что именно он заплатил тогда 2000 рублей. Он не смог вспомнить. Тогда я позвонил в Москву вдове БИ — Галине Васильевне. Она сказала, что именно Б.И. Плаксий делал погребальную маску БИ, барельеф на фасаде Института и портрет БИ. Этот портрет висит в коридоре редакции «ФНТ». Галина Васильевна также сказала, что БИ лично знал Б.И. Плаксия.

К одному из экспонатов коллекции картин ВВ я имею некоторое отношение. А именно к акварельному пейзажу размером А4, написанному профессором Ленинградского университета О.Н. Трапезниковой. В 1997-м после смерти О.Н. Трапезниковой ее невестка разбирала архив и, как я предполагаю, наткнувшись на мою с О.Н. Трапезниковой переписку в связи с работой над книгой «Л.В. Шубников. Избранные труды. Воспоминания», сочла нужным прислать мне воспоминания О.Н. Трапезниковой о БИ, написанные еще при его жизни, и упомянутую выше акварель. Рисунок я отдал ВВ, а воспоминания были включены в книгу «Б.И. Веркин, каким мы его помним». О.Н. Трапезникова — вдова Л.В. Шубникова, основателя (1931-й) и руководителя (до расстрела в 1937-м) первой в СССР криогенной лаборатории (УФТИ, Харьков). Здесь нужно отметить, что при этой лаборатории на окраине Харькова (в Липовой Роще) функционировала Опытная станция глубокого охлаждения (ОСГО), где в 30-е годы работали мама и отчим Виктора Валентиновича, Н.М. Цин и Е.С. Боровик. Тогда О.Н. Трапезникова работала в Харькове в криогенной лаборатории младшим научным сотрудником и была знакома с Н.М. Цин. Документальным доказательством их знакомства может служить фотография коллектива сотрудников криогенной лаборатории в саду УФТИ. На фото О.Н. Трапезникова сидит на траве рядом с Н.М. Цин. Эта фотография в числе многих других была в конце 80-х привезена нами с В.Л. Бысовым из Старого Петергофа от О.Н. Трапезниковой и ныне находится во ФТИНТе на стенде к 100-летию Л.В. Шубникова. Во время одной из бесед со мной О.Н. Трапезникова сообщила, что сохранила при замужестве свою девичью фамилию в связи с тем, что Трапезниковы — столбовые дворяне, она также договорилась с мужем, что если у них родится сын, то он будет носить ее фамилию. Сын у них родился сразу после ареста Л.В. Шубникова, тогда она передумала и, навестив мужа в политической тюрьме на

ул. Чернышевского, взяла у него письменное согласие записать новорожденного на его фамилию. О.Н. Трапезникова умерла на 96 году жизни на даче у своей подруги А.В. Тиморевой в Беларуси, куда она летом ездила в преклонном возрасте из Старого Петергофа писать свои акварельные этюды. (С.Э. Фриш и А.В. Тиморева «Курс физики», известный учебник для вузов).

В 1994-м директор В.В. Еременко вызвал меня как заведующего отделом №30, обнял левой рукой за плечи и на ухо тихим голосом сказал: «Витя, ты мне не нужен. Я договорился с Вадимом Григорьевичем, ты снова будешь работать у него» — «А как же сотрудники моего отдела?» — «Я помогу им устроиться». Он действительно помог всем.

В разговорах со мной В.Г. Манжелей иногда цитировал ВВ. Как-то в 2013-м В.Г. Манжелей, повторяя ВВ, сказал: «Пишут, что большинство нобелевских лауреатов — евреи. Следовательно, евреи — самые умные. Значит, мы с тобой, Вадим, полуумные».

Не всегда шутки ВВ были веселыми. В 2014-м, когда я собирал воспоминания о В.Г. Манжеле для книги «Академик В.Г. Манжелей в воспоминаниях», я попросил ВВ тоже написать воспоминания. Он спросил меня, написал ли я свои воспоминания и, получив утвердительный ответ, попросил дать почитать. Я сделал распечатку и пошел к нему. Тогда его кабинет находился в редакции журнала «ФНТ» (он был главным редактором журнала). Когда я вошел, в первой, маленькой, комнате его сын Андрей Викторович работал за компьютером. Я подошел к двери следующей, большой комнаты. ВВ лежал на диване на спине, руки сложены на груди, глаза закрыты. «Виктор Валентинович, можно к Вам?» В ответ ВВ громким шепотом: «Витя, я умираю». Я искоса взглянул на реакцию Андрея Викторовича. Тот спокойно и сосредоточенно работал. «Виктор Валентинович, я принес Вам распечатку своих воспоминаний». Он открыл глаза, быстро встал, взял у меня листы, сел за стол и, надев очки, при мне стал внимательно читать. Читал все подряд, медленно, с застывшей улыбкой, изредка комментируя. Наконец дошел до того места, где я описываю, как он 20 лет назад снимал меня с должности заведующего 30-м отделом. Спрашивает: «Вы же тогда на меня не обиделись? У Вадима Григорьевича Вам было лучше, чем в том отделе?» Я согласился. Прочитав до конца, спрашивает, нет ли трудностей при сборе воспоминаний. «Есть. Хотелось бы, чтобы В.М. Локтев и В.Г. Барьяхтар приняли участие, я с ними знаком, но не знаю, как им сказать, чтобы они наверняка не отказали». ВВ сразу же достал мобильник, позвонил и получил их согласие. При том разговоре он подарил мне DVD-диск со своей автобиографией, записав меня в соответствующий список. ВВ успел написать свои воспоминания о

В.Г. Манжелие до первого инсульта. Когда после инсульта я впервые увидел его, идущего нетвердой походкой по коридору Института в сопровождении В.А. Сиренко, я заговорил с ним и среди прочего упомянул, что воспоминаний В.М. Локтева и В.Г. Барьяхтара пока нет. «Позвоните им от моего имени». Воспоминания были получены в срок.

Как-то раз, ВВ спросил, видел ли я здание ОСТГО в Липовой Роще, и, узнав, что не видел, предложил показать мне его. Я, конечно, хотел увидеть, но мы так и не выбрали времени для поездки туда.

Еще недавно В.В. Еременко был частью нашего настоящего. Теперь он часть нашего прошлого.

Портрет В.В. Еременко. Карандаш. Рисунок Э.М. Огневой, сотрудницы отдела В.В. Еременко, 1963–1965 гг.

Виктор Валентинович Еременко в моей жизни

С.Л. ГНАТЧЕНКО

(1947–2020)

**академик НАН Украины, директор ФТИНТ им. Б.И. Веркина
НАН Украины с 2007 по 2020 гг., Харьков**

Раньше мне не приходилось писать воспоминания. При чтении воспоминаний о жизни известных людей у меня часто складывалось впечатление, что воспоминания написаны автором в значительной степени о себе. Так уж получается. Наверное, мне тоже не избежать этого недостатка.

Виктор Валентинович сыграл в моей жизни очень большую и важную роль. Многие успехи в научной и научно-организационной работе были достигнуты благодаря ему и часто по его инициативе.

Впервые я встретился с Виктором Валентиновичем в 1969 году в Харьковском государственном университете. В то время я учился на 5-м курсе физико-технического факультета ХГУ на кафедре материалов реакторостроения. Обычно дипломные работы студенты физ-теха выполняли в Харьковском физико-техническом институте. Но мне посоветовали выполнять дипломную работу в сравнительно недавно созданном, но уже хорошо известном Физико-техническом институте низких температур. ФТИНТ привлекал интересной научной тематикой и молодостью. Средний возраст сотрудников в то время был около тридцати лет. Во время нашей первой встречи с Виктором Валентиновичем я обратился к нему с просьбой принять меня к себе в отдел для выполнения дипломной работы. Он дал свое согласие.

Через некоторое время после первого разговора в ХГУ я пришел к Виктору Валентиновичу во ФТИНТ. В это время Виктор Валентинович был заведующим отделом и заместителем директора института по научной работе. В его кабинете заместителя директора, который находился на втором этаже административного корпуса рядом с комнатой нынешней канцелярии института, я впервые встретился с Николаем Федоровичем Харченко. Виктор Валентинович представил нас друг другу и сказал, что в научной группе Николая Федоровича я буду заниматься магнитооптическим эффектом Фарадея. Таким образом, я стал выполнять дипломную работу во ФТИНТе, в отделе Виктора Валентиновича под руководством Николая Федоровича.

В группе Николая Федоровича я встретился с Леонидом Ивановичем Белым, который занимался исследованием эффекта Фарадея в сильных импульсных магнитных полях, и с Элеонорой Михайловной

Кабановой. Позже в группу вернулась Ольга Павловна Тутакина, которая раньше здесь выполняла дипломную работу, а после окончания университета два года работала по распределению в Челябинске. С Элеонорой Михайловной нам предстояло под руководством Николая Федоровича сделать магнитооптическую установку для исследования эффекта Фарадея в стационарных магнитных полях. Мы эту установку сделали и провели измерения эффекта Фарадея в антиферромагнетике MnF_2 . Этот материал вошел в дипломную работу, которую я успешно защитил на физтехе в начале 1971 года, а в феврале этого года получил диплом об окончании университета.

После окончания университета я стал работать во ФТИНТе. Решение о зачислении меня в отдел принимали, естественно, Виктор Валентинович и Николай Федорович. Подробностей я не помню. Помню, что мне предложили остаться работать, и я с удовольствием согласился. Работа мне нравилась, все сотрудники отдела были увлечены научными исследованиями, и настроение было хорошее. В отделе была прекрасная творческая атмосфера. В первые годы работы во ФТИНТе я не очень часто встречался с Виктором Валентиновичем. В основном, насколько я помню, эти встречи происходили на семинарах отдела, которые регулярно проводились и были интересными. В 1974 году я поступил к Виктору Валентиновичу в заочную аспирантуру.

Во второй половине 1976 года я писал кандидатскую диссертацию по исследованию индуцированных магнитным полем спин-ориентационных фазовых переходов и возникающих вблизи этих переходов доменных структур в редкоземельных ферритах-гранатах. Руководителями у меня были Виктор Валентинович и Николай Федорович. В это время в моей жизни произошло знаковое событие, к которому имел непосредственное отношение Виктор Валентинович. Осенью 1976 года он принимал участие в конференции по магнетизму в Тбилиси. В Харьков вернулся вместе с сотрудницей Института физики Польской академии наук Риттой Шимчак, которая хотела провести исследования магнитного промежуточного состояния, возникающего при фазовом переходе первого рода в диспрозиевом ортоферрите в сильных магнитных полях. Достаточных для проведения этих экспериментов магнитных полей у них в институте на тот момент не было. Виктор Валентинович позвал нас с Николаем Федоровичем к себе в кабинет, где мы познакомились с Риттой Шимчак и обсудили те исследования, которые нужно было провести. Насколько мне помнится, я не был очень счастлив, что приходится отрываться от написания диссертации. Как же я был неправ! Эта первая встреча и первые совместные исследования заложили основы

многолетним (более 40 лет) научным и дружеским отношениям с польскими коллегами. Начиная с первой половины 80-х годов, Николай Федорович, я и другие сотрудники нашей научной группы много раз работали в Институте физики в Варшаве, а польские коллеги работали у нас в институте. Мы совместно опубликовали десятки, на мой взгляд, интересных научных работ. У нас сложилось очень плодотворное научное сотрудничество. Кроме того, что очень приятно, среди польских коллег у нас появилось много хороших друзей. Среди них Ритта и Генрик Шимчак, Казимеж Петровски, Анджей Шевчик, Божена Кржиманска и многие, многие другие.

Несколько раз мы были в Варшаве с Виктором Валентиновичем. Помню, как мы работали в Институте физики, обсуждали с польскими коллегами результаты проведенных экспериментов, иногда вместе ходили по Варшаве, я приходил к нему в гостиницу «Fogum» (одна из лучших на то время гостиниц Варшавы). Запомнилось также наше с Виктором Валентиновичем посещение посольства Советского Союза в Варшаве. Посольство было расположено в огромном здании (сейчас это посольство Российской федерации) на улице Бельведерской недалеко от Бельведерского дворца, в котором в настоящее время расположена резиденция президента Польши. Советские граждане, находящиеся в зарубежной командировке, обязаны были прийти в посольство для беседы с его представителем. Научные сотрудники обычно встречались с атташе по науке. Эти посещения не доставляли удовольствия, поскольку, во-первых, отнимали время, а во-вторых, нужно было отвечать на всякие не очень приятные вопросы. Обычно посетители посольства вели себя скованно и пребывали в некотором напряжении. По крайней мере так себя чувствовал я, когда приходил в посольство один. Когда мы с В.В. Еременко зашли в кабинет атташе по науке, первое, что сделал Виктор Валентинович, он снял пиджак и повесил его на спинку стула атташе. Атташе опешил и, по-моему, несколько растерялся от такой «наглости». Не знаю, сделал это Виктор Валентинович случайно или преднамеренно, но после этого наша беседа с атташе (в основном говорил и отвечал на вопросы В.В. Еременко) была «дружеской и непринужденной». В общем, посольские и другие чиновники Виктора Валентиновича не смущали.

По прошествии десяти лет нашего плодотворного научного сотрудничества с польскими коллегами, в 1987 году коллективу авторов, в который входили В.В. Еременко, Н.Ф. Харченко, С.Л. Гнатченко и сотрудники Института физики Польской АН Г. Шимчак, Р. Шимчак, К. Петровски, А. Шевчик, была присуждена премия АН СССР и Польской АН за цикл совместных работ «Магнитооптические исследования неоднородных состояний в магнетиках». Этому приятному

для всех нас событию предшествовал конкурс совместных работ на заседании советско-польской комиссии по присуждению премий АН СССР и Польской АН. Заседание комиссии проходило в Институте общей физики АН СССР в Москве. Комиссию возглавлял академик-секретарь Отделения общей физики и астрономии АН СССР лауреат Нобелевской премии академик А.М. Прохоров. На конкурсе рассматривались четыре работы. От нашего коллектива с очень хорошим продуманным докладом выступил профессор Г. Шимчак. Мы с Виктором Валентиновичем присутствовали на заседании комиссии. Раньше мне никогда не доводилось бывать на таких заседаниях, и мне было очень интересно. По результатам конкурса премия была присуждена нам.

Вручение дипломов лауреатов премии АН СССР и Польской АН советским членам авторского коллектива происходило через некоторое время на заседании Президиума АН СССР. Вручал дипломы Президент АН СССР академик Г.И. Марчук (последний Президент АН СССР).

Во время нашей совместной с Виктором Валентиновичем командировки в Москву произошло еще одно интересное для меня событие. Насколько я помню, это было во время нашей поездки на заседание советско-польской комиссии по присуждению премий. В Москве мы жили в гостинице «Академическая» на Ленинском проспекте. В какой-то момент Виктор Валентинович сказал, что мы пойдем обедать в столовую для членов Академии. Оказывается, была такая столовая. Она находилась на Ленинском проспекте в подъезде обычного жилого дома. Вывески не было. В этой столовой обедали академики и члены-корреспонденты АН СССР. Кроме того, здесь же они могли получить продуктовые наборы с дефицитными в то время товарами. Каждый член Академии мог привести с собой одного гостя, что и сделал Виктор Валентинович, пригласив меня. В столовой в небольшом зале стояли столики на четверых, которые обслуживались официантами. Было чисто, красиво и приятно. За соседним столиком сидел лауреат Нобелевской премии академик П.А. Черенков (эффект Вавилова–Черенкова). Я, естественно, не знал его в лицо. О нем мне сказал Виктор Валентинович. Вот так, благодаря В.В. Еременко, я пообедал вместе с академиками и увидел живого классика А.П. Черенкова.

У Виктора Валентиновича были многочисленные научные связи с зарубежными учеными. В 70–80-е годы и позже он много ездил за рубеж на конференции и в научные лаборатории. Во ФТИНТ к Виктору Валентиновичу тоже приезжало много зарубежных ученых. Среди них Ф. Виген (США), Г. Ле Галль (Франция), Дж. Диллон (США), М. Йенсен (Швеция), Д. Локвуд (Канада), Дж. Слончевский (США),

К. Тсушима (Япония), Дж.М. Транквада (США), наши польские коллеги, которых я называл выше, и многие другие. Сейчас уже невозможно всех вспомнить. Больше всего мне запомнились посещения института профессором из Франции Генри Ле Галлем (Henry Le Gall) и профессором Филом Вигеном (Phil Wigen), с которыми я тоже встречался во время их пребывания в институте, а потом за рубежом.

Школа по магнетизму, Харьков, 1994 г. Слева направо: Б.А. Иванов, Дж. Слончевский, Ф. Виген, В.В. Еременко и Дж.М. Транквада.

С легкой руки Виктора Валентиновича установилось хорошее научное сотрудничество в области магнитооптических исследований между сотрудниками нашего отдела и сотрудниками магнитооптической лаборатории CNRS профессора Генри Ле Галля, которая находилась во Франции в Медон-Бельвю под Парижем. Николай Федорович и я работали в этой лаборатории в 80-е годы, о чем остались приятные воспоминания. Г. Ле Галль приезжал к нам в институт для планирования совместных экспериментов и обсуждения полученных результатов. Мы опубликовали несколько статей по результатам совместных исследований магнитооптических и фотоиндуцированных эффектов в антиферромагнитном марганец-германиевом гранате.

Фил Виген несколько раз был во ФТИНТе. Приходил с Виктором Валентиновичем в нашу научную группу. Мы рассказывали ему о результатах своих исследований. Помнится поездка сотрудников инс-

титута с Филом Вигеном на ФТИНТовскую базу отдыха в с. Революционное на шашлыки. Виктор Валентинович принимал участие в этом мероприятии. Позже мы встречались с Филом Вигеном на конференции по магнетизму в Польше.

ФТИНТовцы среди участников конференции, Англия, 1996 г.

В октябре 1977 года я защитил кандидатскую диссертацию. После защиты диссертации продолжал работать в 4-м отделе, т.е. в отделе Виктора Валентиновича, в группе Николая Федоровича младшим научным сотрудником. Через какое-то время я стал задумываться о своей дальнейшей судьбе. Так как во ФТИНТе стать старшим научным сотрудником было непросто, нужно было, по крайней мере, руководить научной группой (должности научного сотрудника в те времена не было), я стал искать подходящую работу в вузе. Я уже было собрался переходить на преподавательскую работу в Харьковский политехнический институт, где одно время вел почасовку. И в этот момент Виктор Валентинович в очередной раз сыграл важную роль в моей жизни. Он попросил меня подумать и не спешить, пообещал со временем перевести на должность старшего научного сотрудника. Не сделай он этого, судьба моя сложилась бы совсем по-другому. Идея

ухода из ФТИНТа не была плодотворной, и я очень благодарен Виктору Валентиновичу за то, что он не позволил мне уйти из института. Со временем у меня появилась научная группа, и Ученый совет ФТИНТа избрал меня на должность старшего научного сотрудника.

В начале 80-х, точно годы не помню, в течение нескольких лет я исполнял обязанности заместителя заведующего в отделе Виктора Валентиновича. Позиция заместителя заведующего отделом во ФТИНТе тогда, как и сейчас, не была официальной. Такой должности нет в штатном расписании. Это, скорее, общественная нагрузка. Поэтому в 4-м отделе заместителями заведующего становились руководители научных групп практически по очереди. Эта дополнительная работа отвлекала от занятия наукой и не очень привлекала, поскольку нужно было решать организационные и хозяйственные вопросы. Конечно, наиболее важные из них обсуждались и решались вместе с Виктором Валентиновичем. Передо мной заместителем заведующего в нашем отделе был Эдуард Васильевич Матюшкин. Он приступал к написанию докторской диссертации и просил Виктора Валентиновича освободить его от нагрузки заместителя заведующего. При этом он должен был найти себе замену и рекомендовал на эту «должность» меня. Так я стал заместителем заведующего отделом, стал чаще встречаться с Виктором Валентиновичем для обсуждения текущих отдельных вопросов. Возможно, хотя я в этом не уверен, эта совместная работа сыграла определенную роль в дальнейшем.

В 1984 году Николай Федорович Харченко защитил докторскую диссертацию. Через некоторое время Виктор Валентинович передал ему свой отдел, и в 1986 году Николай Федорович стал заведующим 4-го отдела, отдела низкотемпературного магнетизма. Виктор Валентинович стал руководить другим отделом, заведующим которого ранее был ушедший к этому времени из жизни профессор Ю.В. Набойкин. Научные и человеческие отношения сотрудников 4-го отдела с Виктором Валентиновичем при этом оставались по-прежнему очень тесными.

В 1991 году Виктор Валентинович Еременко становится директором ФТИНТа. 90-е годы были очень нелегкими для института, да и для всей Академии наук Украины: недостаточное финансирование, перебои в выплате заработной платы. Виктор Валентинович подобрал в дирекцию института активных, опытных, знающих и любящих институт сотрудников. Во многом благодаря директору и его команде институту удалось выжить и в основном не потерять занятые в науке позиции в это трудное время. Очень важным также было то, что директору удалось сохранить творческую и доброжелательную атмосферу в институте.

В ноябре 1991 года я защитил докторскую диссертацию, а в 1993 году стал заведующим лабораторией фазовых переходов и неоднородных магнитных структур в отделе низкотемпературного магнетизма, которым руководил Николай Федорович Харченко. В 1995 году Ученый совет ФТИНТа избрал меня заведующим отделом магнетизма. Этот отдел был образован путем объединения нескольких исследовательских групп отдела низкотемпературного магнетизма и нескольких групп отдела радио- и инфракрасной спектроскопии. При этом несколько исследовательских групп из отдела радио- и инфракрасной спектроскопии перешли в отдел Николая Федоровича, который стал называться отделом оптических и магнитных свойств твердых тел. Эта реорганизация была проведена по инициативе Виктора Валентиновича. Он считал ее необходимой. Став заведующим отделом, я в своей работе постоянно ощущал его поддержку.

*В.В. Еременко — директор института и главный редактор журнала
«Физика низких температур», 1993 г.*

Виктор Валентинович строил свои планы часто на много лет вперед. Приведу пример, связанный со мной. В первой половине 90-х годов у меня с Виктором Валентиновичем состоялся разговор, который многое определил в моей дальнейшей жизни. Однажды он позвал меня к себе в кабинет директора и спросил, как я отношусь к тому, чтобы в будущем стать его заместителем, т.е. заместителем директора ФТИНТа по научной работе, а в дальнейшем, может быть, и директором инсти-

тута. Для меня такое предложение было совершенно неожиданным. Меня вполне устраивала моя должность заведующего отделом. Ни о каком карьерном росте в плане научно-организационной работы я даже не задумывался и не считал, что у меня есть способности выполнять такую ответственную работу. Я подумал о том, что со временем решение Виктора Валентиновича может измениться и возникающая передо мной проблема сама собой рассосется. В общем, отнесся к такому предложению не совсем серьезно. Поскольку нужно было что-то ответить, я сказал, что подумаю. На этом этапе Виктора Валентиновича такой ответ устраивал.

Но прошло несколько лет, проблема сама собой не рассосалась, и накануне нового 1999 года Виктор Валентинович подписал приказ о назначении меня заместителем директора ФТИНТа по научной работе. В составе обновленной дирекции заместителями Виктора Валентиновича по научной работе стали Николай Иванович Глушук, Евгений Яковлевич Хруслов и я. Н.И. Глушук, проработавший до этого много лет ученым секретарем института и имевший большой опыт научно-организационной работы, занимался научно-организационными и финансовыми вопросами института, Е.Я. Хруслов отвечал за научную работу Математического отделения института, а я — за научную работу физических отделов. Ученым секретарем института стал Валерий Сергеевич Боровиков. Владимир Николаевич Репин и Юрий Яковлевич Пушкарь продолжали, как и в предыдущей дирекции, работать на должностях заместителя директора по общим вопросам и главного инженера соответственно. В таком составе мы проработали много лет.

Виктор Валентинович и как директор института, и как выдающийся ученый пользовался огромным авторитетом среди сотрудников нашего и других физических институтов Национальной академии наук Украины, а также в Президиуме Академии. В институте и в Академии он решал стратегические вопросы. Мы — члены дирекции — во всем старались ему помогать. У него были теплые дружеские отношения со многими киевскими учеными, которые сохранялись и поддерживались с молодости, с того времени, когда он учился в аспирантуре и работал в Институте физики. Особенно это хорошо было заметно во время выборов в Академию. Виктор Валентинович настолько хорошо знал членов Академии Отделения физики и астрономии (академиков и членов-корреспондентов), что в списке голосующих на выборах безошибочно заранее определял, кто как проголосует за кандидатов от нашего института в состав Академии. Его прогноз всегда был очень точным.

*В.В. Еременко с Н.Ф. Харченко и С.Л. Гнатченко в кабинете заместителя
директора ФТИНТа, 2004 г.*

Дирекция в приведенном выше составе дружно работала на протяжении семи лет. Директором и членами дирекции проводилась большая повседневная текущая работа (ученые советы, конференции, кадровые вопросы, научные планы и отчеты, защиты диссертаций, зарубежные и украинские научные проекты, финансирование института, производство криогенных жидкостей, текущие неотложные ремонты помещений и коммуникаций и т.д., и т.д.). В этот период были приняты также непростые решения о закрытии СКТБ ФТИНТ НАН Украины и передаче опытного завода ФТИНТ НАН Украины в г. Валки Национальному научному центру «Харьковский физико-технический институт». Все это требовало постоянного физического и нервного напряжения. В 2000-е годы Виктор Валентинович стал меньше ездить в Президиум НАН Украины и на Бюро Отделения физики и астрономии. Даже с ежегодными отчетами о научной и научно-организационной работе института на заседаниях Бюро отделения он просил выступать меня.

В начале 2006 года в возрасте 73 лет Виктор Валентинович принял решение уйти с ответственной должности директора института и сосредоточиться на научной работе. В должности директора ФТИНТа

он успешно проработал более 15 лет. Виктор Валентинович обратился в Президиум НАН Украины с просьбой освободить его от занимаемой должности. Президиум удовлетворил его просьбу и в апреле 2006 года назначил меня исполняющим обязанности директора ФТИНТа. В мае 2007 года после выборов в институте и на Общем собрании Отделения физики и астрономии НАН Украины я стал директором ФТИНТа. Уходя с должности директора института, Виктор Валентинович мог стать почетным директором ФТИНТа и главным научным сотрудником института (почетный директор, скорее, звание, а не должность) или же советником дирекции института. Виктор Валентинович выбрал второе.

После избрания меня на должность директора ФТИНТа состав дирекции остался практически прежним. Изменения были минимальными. На должность заместителя директора по научной работе пришел Владимир Николаевич Самоваров. Он был компетентным, активным и инициативным замом. С ним было очень приятно работать. Он пользовался большим авторитетом у сотрудников института и в Отделении физики и астрономии НАН Украины. На посту заместителя директора по научной работе Владимир Николаевич проработал около восьми лет. К сожалению, из-за болезни ему пришлось уйти с этой должности. Уже несколько лет заместителем директора по научной работе, курирующим физические отделы института, работает Геннадий Евгеньевич Гречнев, очень хорошо зарекомендовавший себя на этой должности. Со временем, в годы моего директорства произошли и другие изменения в составе дирекции. Вместо Евгения Яковлевича Хрустова, который в начале 2017 года отпраздновал свой 80-летний юбилей, заместителем директора по научной работе — руководителем Математического отделения ФТИНТа — стал Геннадий Михайлович Фельдман. На должности ученого секретаря ФТИНТа Валериана Сергеевича Боровикова сменил Александр Николаевич Калинин. В нынешний состав дирекции входят, на мой взгляд, опытные, компетентные, равнодушные к своей работе и любящие институт сотрудники, с которыми мне очень приятно работать. Будучи советником дирекции, начиная с 2006 года, Виктор Валентинович очень помогал мне и в период моего становления как директора, и в последующие годы. За это я ему искренне благодарен.

После ухода с поста директора института Виктор Валентинович продолжал активно участвовать в решении институтских проблем. Многие сотрудники института, включая директора и членов дирекции, заведующих отделами, ведущих и рядовых сотрудников, пользовались его помощью, советами и поддержкой. Виктор Валентинович еще много лет оставался главным редактором журнала «Физика

низких температур» — одного из наиболее рейтинговых физических журналов Украины. Во многом благодаря В.В. Еременко, который руководил редколлегией ФНТ более 25 лет, журнал достиг высокого уровня. Но самым главным в жизни Виктора Валентиновича продолжала оставаться научная работа. Он активно участвовал в научных исследованиях совместно с рядом сотрудников института. Причем он не только обсуждал полученные результаты, проводил консультации и давал советы, что, безусловно, очень важно, но и часто сам писал научные статьи. Увлеченность наукой Виктор Валентинович сохранил до конца жизни.

Ученый совет ФТИНТа, посвященный 80-летию В.В. Еременко.

Летом 2012 года Виктор Валентинович отпраздновал свой 80-летний юбилей. Было много поздравлений от Президиума НАН Украины и Бюро Отделения физики и астрономии, коллективов академических институтов и университетов, членов Академии, зарубежных ученых, коллег и друзей. В институте был проведен Ученый совет, посвященный юбилею, на котором сотрудники института и гости поздравили юбиляра с 80-летием. К знаменательной дате вышел номер журнала «Физика низких температур», посвященный юбиляру. Виктор Валентинович неплохо себя чувствовал, был бодрым и жизнерадостным. Но прошло несколько лет, случились два инсульта, второй был особенно тяжелым. 2 мая 2017 года Виктора Валентиновича не стало. Мне, я думаю, и многим другим сотрудникам института и коллегам его очень не хватает. При жизни Виктора Валентиновича, даже в последние годы, когда он уже не приходил в институт и мы говорили с ним только по телефону, всегда можно было получить его совет и поддержку. Было ощущение защищенного тыла. Теперь такого ощущения нет. Осталась только память о нем как о выдающемся ученом, организаторе науки и просто замечательном, интересном, увлеченном наукой человеке.

В.В. Еременко в разные годы

В кабинете главного редактора

*В.В. Еременко, Г. Орбелян, А.И. Звягин.
Калифорния. Начало 70-х*

*В.В. Еременко, В.М. Дмитриев, И.В. Свечкарев, И.М. Дмитренко,
К.В. Маслов, Н.И. Глузук, О.И. Шкляревский, 1991 г.*

На Ученом совете. А.М. Косевич и В.В. Еременко, 1991 г.

В.В. Еременко и В.Г. Манжельий

*В.В. Еременко, А.М. Косевич, В.Г. Манжельий
на юбилее Национальной академии наук, 1998 г.*

Л.А. Пастур и В.В. Еременко

С доктором Саксеной в Кембридже

К.В. Маслов и В.В. Еременко

Главный редактор журнала ФНТ

На Ученом совете

*В.В. Еременко со своими учителями, великими математиками
А.В. Погореловым и В.А. Марченко*

С Е.В. Христенко и И.К. Янсоном

Академики как дети! С И.М. Дмитренко на демонстрации

*А. Фришман, А. Слуцкий, D. Hoffman, В. Еременко, В. Шапиро, J. Vary.
После подписания договора между ФТИНТом и университетом штата Айова*

*С.Л. Гнатченко, И.К. Янсон, А.М. Косевич, В.В. Еременко
поздравляют лауреатов премии имени Б.И. Веркина
А.Н. Александровского, В.Г. Манжеля и В.Б. Есельсона, 1999 г.*

УФТИ, 1998 г.

*Открытие мемориальной доски С.Я. Брауде.
Институт радиоастрономии, Харьков, 2004 г.*

*Открытие мемориальной доски
С.Я. Брауде*

*В.Ф. Гантмахер и В.В. Еременко
на конференции по физике
низких температур,
штат Орегон, 1993 г.*

*Гарри Орбелян, Виктор-Андрей Боровик-Романов, Виктор Еременко
и Сергей Вонсовский, Калифорния, 1975 г.*

*На прогулке в Кошице с Ш. Яношем во время командировки
по приглашению Словацкой академии наук, 1976 г.
Сотрудничество Института физики САН и ФТИНТА продолжается
без малого полвека*

Дома у Л.А. и В.В. Еременко. Сплочение «команды» при участии гостя из Ливерморской национальной лаборатории (Калифорния, США). Слева направо: Л.А. и В.В., Л.А. Пастур, В.М. Дмитриев, Томас Рид, К.В. Маслов, сентябрь 1992 г.

«Land of Happiness» в секвойевом лесу. Слева направо: В. Еременко, сыновья Томаса Рида и у дерева — он сам. Калифорния, 1993 г.

В ресторане на Пушкинской. Тот, что постарше и манипулирует своими очками, — это ВВ. Тот, кто с кислой физиономией, — это профессор археологии Пенсильванского университета А.М. Лесков

Университет штата Айова. Д. Хоффман, В.В. Еременко, А. Фришман, 1995 г.

Друг и коллега Э.А. Канер с дочерью Натальей, 1981 г.

*Англия, в университетском саду.
Татьяна Михеева, В.В. и Л.А. Еременко. Осень 1992 г.*

В.В. Еременко в разные годы

Париж. Сад Тюильри

Выставка в ЕрмиловЦентре, 2010 г.

Моррис Клид (Канада) пытается понять смысл картины Павла Тайбера, 1990 г.

На выставке картин Виктора Гонтарова в ЕрмиловЦентре, 2014 г.

В.В. Еременко в разные годы

*Леонид Балаклав
«Портрет Андрея Боровика»,
1983 г.*

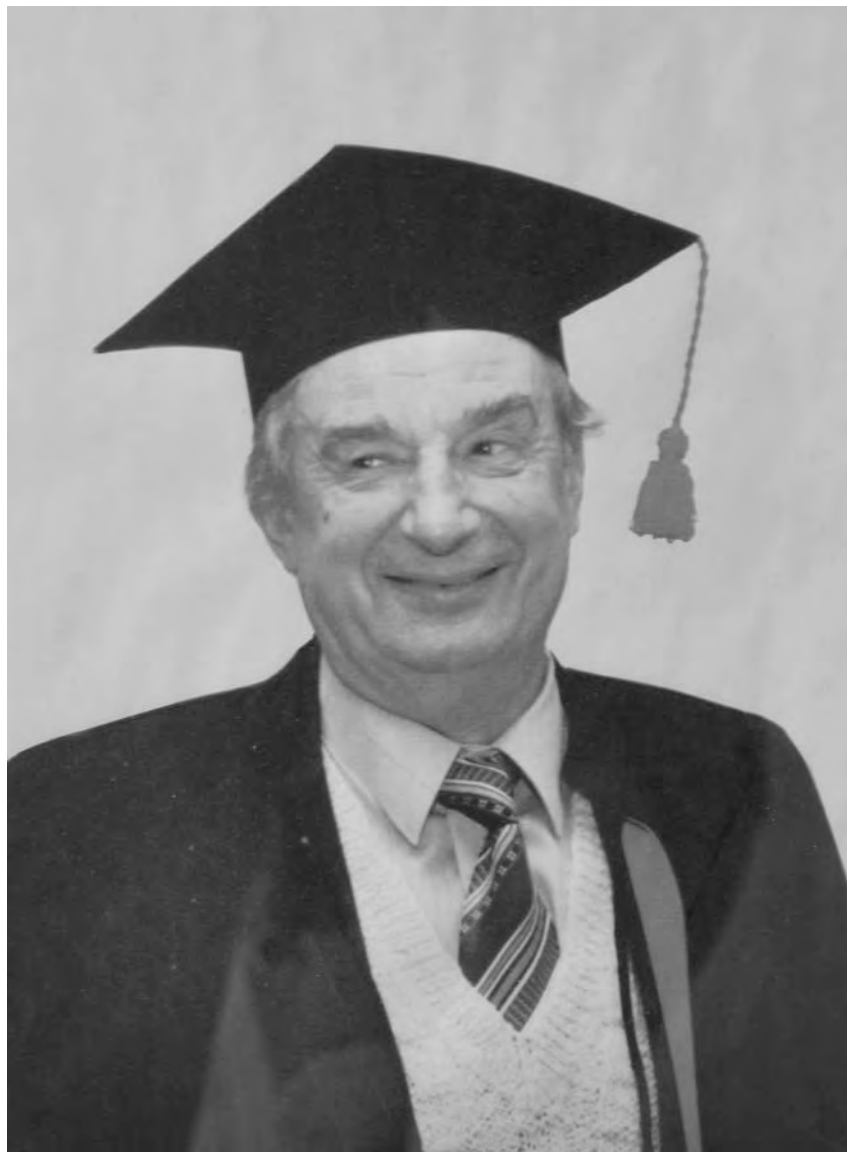
*Виталий Куликов
«Портрет Виктора Еременко»,
2008 г.*

*Леонид Балаклав
«Портрет Виктора Еременко»,
1985 г.*

*Анатолий Звягин
«Шарж на В.В. Еременко»,
1987 г.*

*Избрание В.В. Еременко почетным доктором
Харьковского национального университета, 2002 г.*

В.П. ГНЕЗДИЛОВ
доктор физ.-мат. наук, вед. научн. сотр.,
ФТИНТ им. Б.И. Веркина НАН Украины, Харьков

Проходят годы, облетают, как листья календаря. Все больше замечательных людей уходит из жизни, оставляя боль утраты. Нет больше Виктора Валентиновича Еременко (ВВ), этого выдающегося ученого и прекрасного, всесторонне образованного человека. Для меня, кто имел счастье работать рядом с ним, пользоваться его мудрыми советами и поддержкой, трудно смириться с мыслью, что его уже нет в моей жизни. Весь мой профессиональный путь, успехи и достижения в научной деятельности связаны с именем этого человека. А начинался этот путь, работа в отделе Виктора Валентиновича, довольно случайно. В то время я заканчивал учебу на физико-техническом факультете ХПИ и дипломную работу должен был делать на кафедре теоретической и экспериментальной физики, руководимой профессором В.М. Косевичем. Это было очень перспективно и, кроме того, мне обещали платить во время дипломной работы какие-то деньги, что было бы существенной добавкой к стипендии. Однако когда я пришел на кафедру после летних каникул, меня вызвал Вадим Маркович и сообщил, что я буду делать диплом во ФТИНТе. Видя мое недоумение, посоветовал поговорить с профессором Л.С. Палатником, что я и сделал. Лев Самойлович ответил кратко: «Меня попросил Виктор Валентинович Еременко, а ему я отказать не могу». Так я и оказался во ФТИНТе; защитил диплом, и ВВ предложил мне остаться работать в его отделе. Это был уже сложившийся отдел, со своей историей и замечательными сотрудниками. Некоторых уже нет; многих судьба разметала по разным местам и странам, но до сих пор, общаясь, мы с теплотой вспоминаем время, когда работали под руководством Виктора Валентиновича.

Первые несколько лет работы в отделе я практически не общался с ВВ и видел его в основном на семинарах и собраниях отдела. Возможно, его не очень интересовала тематика группы, в которой я трудился, — оптические свойства редкоземельных металлов и сплавов, но была и другая причина: ореол заслуженного признания ВВ в науке внушал мне мысль о его недоступности. Но эта «недоступность» была, скорее, иллюзорной.

Ситуация изменилась к тому времени, когда после продолжительной «борьбы» с такими трудными для оптических исследований объектами, как редкоземельные металлы, появились первые экспериментальные результаты и, главное, собственная успешная теоретическая интерпретация. Виктор Валентинович «проникся» и уже не

оставлял нас без внимания. Прошло некоторое время, опубликовано было уже несколько статей, и однажды Виктор Валентинович вызвал меня и сказал: «Я уезжаю во Францию и по возвращению, т.е. через два месяца, ты должен положить мне на стол кандидатскую диссертацию». На возражение моего руководителя группы, что работа идет успешно и не хочется отвлекаться на написание диссертации, ВВ отреагировал довольно резко. Не буду повторять его слова, но смысл состоял в том, что не нужно путать грешное с праведным. К возвращению Виктора Валентиновича рукопись диссертации была готова, но читать он ее не стал, мотивировав это тем, что и так хорошо знает, чем я занимался.

После защиты кандидатской диссертации передо мной встал вопрос о направлении дальнейшей научной деятельности. У меня к этому времени было уже несколько предложений. Надо заметить, что Виктор Валентинович умел «мотивировать». На мою просьбу отпустить, он отреагировал словами: «Ты пожалеешь, если от меня уйдешь. Я даю тебе новое импортное оборудование; у тебя никогда не будет возможности работать на оборудовании такого класса. При этом я не ограничиваю тебя в научном направлении; сам выбирай, чем будешь заниматься». Так я оказался в группе рамановской спектроскопии.

В 1991 году, после возвращения из командировки в Канаду, ВВ вызвал к себе в кабинет трех сотрудников отдела и объявил, что есть возможность для одного из нас поехать на год поработать в NRC Канады в лабораторию одного из классиков рамановской спектроскопии Дэвида Локвуда. Здесь он лукавил, поскольку решение было им уже принято, и буквально через час он вызвал меня одного и сообщил, что в Канаду он отправляет меня. Не знаю, какими соображениями ВВ руководствовался, но я очень благодарен ему, поскольку моя поездка в Канаду помогла мне не только повысить профессиональный уровень, но и познакомиться и подружиться со многими замечательными людьми. В дальнейшем (и по сегодня) были ежегодные поездки в различные зарубежные научные организации, но «имя», по словам Дэвида Локвуда, я сделал себе именно в Канаде.

Не могу не упомянуть и научную школу В.В. Еременко — в ней десятки кандидатов и докторов наук. И где бы мы ни оказались (по личным обстоятельствам или в связи с реорганизацией структуры института), мы всегда оставались «людьми Виктора Валентиновича». Уже отойдя от руководства, он продолжал регулярно посещать лаборатории отдела и интересоваться нашими делами. Бывал он практически и на всех семинарах отдела. При этом его научная интуиция просто поражает. Буквально с первых слов он улавливал суть доклада, вступал в обсуждение и часто указывал на те «изюминки», о ко-

торых не догадывался и сам докладчик. Что касается меня, то при каждой встрече ВВ спрашивал, чем я занимаюсь и что нового могу рассказать. Мы шли ко мне в лабораторию, и я показывал результаты последних исследований. Были случаи, когда ВВ приходил ко мне на следующий день после нашего общения и говорил: «Ты знаешь, я вчера долго не спал, обдумывал твою задачу и согласен с твоей интерпретацией». Или заявлял, что не согласен и предлагал свою модель.

Виктор Валентинович долго «выдавливал» из меня разными методами докторскую диссертацию, с которой я, мягко говоря, не спешил, и у меня были на это свои причины. И когда, наконец, защита состоялась, ВВ пришел на нее, хотя чувствовал себя после болезни не совсем хорошо. Я благодарен ему за это и за выступление, в котором он высоко оценил мою научную деятельность.

Виктор Валентинович был для меня авторитетом не только в науке, но и в человеческом плане. К нему всегда можно было обратиться за советом и со своими проблемами, и он обязательно делал все возможное, чтобы помочь. В общении с ним, несмотря на разницу в положении, мне не нужно было выбирать слова, и он воспринимал это как должное.

Мне трудно писать эти строчки об учителе. Трудно, потому что жива боль невозвратимости... Уверен, что Виктор Валентинович оставил о себе добрую память в сердцах многих и многих людей, и мы его никогда не забудем.

*Но, может, там, за тайным перевалом,
Пройдя незримый в бесконечность мост,
Кто был ничем останется провалом,
А кто горел, как Вы, воскреснет блеском звезд.*

Б. Губерман

С.А. ГРЕДЕСКУЛ
профессор, Технион и Хайфский университет, Израиль

О Викторе Валентиновиче Еременко (в дальнейшем ВВ) я впервые услышал, еще будучи студентом, в начале 60-х годов от моих близких друзей, живших во дворе УФТИ. ВВ был старшим братом одного из них — А.Е. Боровика, и я слышал много рассказов о том, как он яростно защищал Андрея во всех неизбежных, хотя и незлобных дворовых драках. Несколько позже, уже в теоретделе УФТИ, о ВВ говорил живший в том же УФТИнском дворе и принадлежавший к промежуточному между нами и ВВ поколению А.А. Слуцкий. Он подчеркивал, что это первый ФТИНТовский доктор-экспериментатор (1966). Алик был совсем не щедр на восторженные оценки, его научные критерии были весьма высоки, и поэтому то, с каким уважением он говорил о ВВ, очень впечатляло. Наряду с этим ходило много рассказов о всяких шалостях, которые ВВ устраивал во ФТИНТе вместе с Вадимом Григорьевичем Манжелием (истории о том, как Игорь Михайлович Дмитренко якобы пытался вывезти за территорию института двигатель в багажнике «Запорожца», или как исчез сейф с партийными документами и т.д.). Это существенно оживляло образ ВВ как ученого, расцвечивая его живыми и веселыми красками.

Научная деятельность ВВ начиналась в Киеве, где он после окончания Харьковского университета (1955) учился в аспирантуре и защитил кандидатскую диссертацию (1959) по оптическим и фотоэлектрическим явлениям в сульфиде кадмия — широкозонном пьезоэлектрическом полупроводнике. ВВ, формально и фактически будучи экспериментатором, глубоко интересовался и теорией. В Киеве он тесно общался с К.Б. Толпыго, М.К. Шейнкманом и Э.И. Рашбой и много о них рассказывал, не скрывая своего уважения и восхищения. Кроме общефизических тем, с М.К. Шейнкманом их объединяла общность объекта исследования (сульфид кадмия), а с Э.И. Рашбой, которого ВВ ласково именовал Эмиком, у ВВ были две совместные статьи по поглощению света в молекулярных кристаллах и все в том же сульфиде кадмия.

После перевода во ФТИНТ (1961) ВВ продолжил изучать оптические свойства, но теперь уже нового класса объектов — антиферромагнетиков. Именно они, и даже шире — магнитоупорядоченные материалы вообще, стали предметом его интереса и исследований на долгие годы. Докторская диссертация ВВ называлась «Оптическая спектроскопия антиферромагнетиков». После защиты ВВ существенно расширил палитру применяемых методов. Теперь она включала и спектроскопию, причем в широком частотном диапазоне — от дальней

инфракрасной области до оптических частот, и магнитные измерения. Все это позволяло получать обширную информацию о динамике намагничивания, спектре спиновых волн, экситонов, экситон-магнонных возбуждений.

В конце 60-х моя жена В.М. Гредескул стала сотрудницей отдела №4 ФТИНТа, которым руководил Еременко. Вике было поручено построить описание возможных состояний и антиферромагнитного (АФМ) резонанса в антиферромагнетиках с взаимодействием Дзялошинского. Это было связано с успешными экспериментами В.М. Науменко, исследовавшего АФМ резонанс в таких магнетиках в дальней инфракрасной области. Я тоже принимал участие в этой работе. Мы встречались каждую неделю. Это происходило в маленькой комнате, принадлежащей группе К.Л. Дудко (Кости), где еле-еле помещались два письменных стола — один ВВ и второй Костин. Обсуждения были довольно долгими, так как ВВ дотошно вникал не только в крупномасштабное описание результатов, но и во все детали вычислений. В результате получилась большая статья, опубликованная по представлению Ильи Михайловича Лифшица в *Journal of Physics and Chemistry of Solids*.

В 1971 г. Андрею Боровику и мне было предложено перейти из УФТИ во ФТИНТ на должности старших научных сотрудников. Андрей перешел сразу же. Я же некоторое время раздумывал, но через год тоже перешел во ФТИНТ в теоретический отдел №7, руководимый Валентином Григорьевичем Песчанским.

После перехода во ФТИНТ наше взаимодействие с ВВ стало еще более тесным. Я ближе знакомился с его учениками и сотрудниками. Представители старшего поколения — К.Л. Дудко, Ю.Г. Литвиненко, Э.В. Матюшкин, В.М. Науменко, Г.С. Никольский, В.П. Романов, Ю.А. Попков, Н.Ф. Харченко — руководили группами. У каждой группы было свое направление исследования и свои экспериментальные методы, но класс объектов исследования был общий у всех — магнитные материалы (в основном антиферромагнетики). Главной темой группы Дудко были магнитные измерения. Литвиненко с сотрудниками занимался в основном экситон-магнонным поглощением света в АФМ. В группе Матюшкина изучали люминесцентные свойства и многофотонные и многоэкситонные механизмы поглощения. Антиферромагнитный резонанс, в том числе в дальней инфракрасной области, исследовался группой Науменко. У Никольского занимались магнитооптическими свойствами магнетиков на основе редкоземельных элементов. В группе Романова исследовали магнитные и проводящие свойства железосодержащих материалов (магнетит, вюстит), применяя ЯМР и ЯГР (мессбауэровская спектроскопия). Рассеяние

Мандельштама–Рамана было основным инструментом, использовавшимся группой Попкова. В группе Харченко изучались магнитооптические эффекты и фазовые переходы в АФМ и ферритах, разрабатывались эффективные методы визуализации различных неоднородных состояний магнетиков.

Самые тесные отношения установились у нас с группой Кости Дудко. Во-первых, первые два года (до того, как ВВ стал заместителем директора ФТИНТа и получил огромный кабинет) у Кости происходили все встречи с ВВ и Витей Науменко. Во-вторых, единственным сотрудником Кости в это время был наш близкий друг В.М. Фридман. В-третьих, в это время Виталий Фридман и Костя пытались обнаружить экспериментально магнитные домены в АФМ. Идея о возможности их существования и наблюдения принадлежит Андрею Боровику. Задолго до нашего перехода во ФТИНТ он пытался перенести соображения Л.Д. Ландау при рассмотрении промежуточного состояния сверхпроводников первого рода на случай антиферромагнетика. Важную роль сыграли его обсуждения с В.Г. Барьяхтаром, который привлек к этой деятельности В.А. Попова. Результатом этих совместных усилий явилась статья трех авторов, излагающая теорию такого промежуточного состояния. Разумеется, ВВ не мог пройти мимо такой красивой физики. Магнитными измерениями в отделе ВВ занималась как раз группа Кости. Решающую роль в успехе эксперимента сыграло создание Виталиком индукционной катушки с тремя обмотками, позволяющими одновременно регистрировать три составляющие магнитного момента. Статья с результатами экспериментального наблюдения стратифицированной структуры АФМ была опубликована летом 1971 года. Но еще до ее публикации авторы представили результаты академику АН УССР А.С. Давыдову во время его визита во ФТИНТ. Весьма впечатленный Давыдов воскликнул: «Да это же Государственная премия!» Напомню, что Государственные премии УССР по науке и технике были только что введены (с 1969 года). И в 1971 году премия была присуждена за открытие и наблюдение доменной структуры АФМ (кроме шестерых упомянутых авторов, ее лауреатами стали также А.А. Галкин, С.Н. Ковнер и Е.П. Стефановский).

Большая часть групп, входящих в отдел ВВ, занималась магнитооптическими исследованиями АФМ. К началу семидесятых годов уже был накоплен обширный экспериментальный материал. ВВ задумал создать книгу по спектроскопии (в основном, оптической) магнетиков и привлек меня к написанию главы, посвященной теории экситон-магнетонного поглощения. Собственно теория уже была создана Э.Г. Петровым, сотрудником ИТФ АН УССР, и его соавторами

В.М. Локтевым, Ю.Б. Гайдидеем, В.Н. Харкяненем. По существу, мне нужно было лишь адаптировать уже опубликованные статьи Петрова, создать некий дайджест, подходящий для формата книги. Этому очень помогало то, что Эльмар Петров (так же, как и Локтев, и Гайдидей) неоднократно приезжал в Харьков и докладывал на семинарах отдела свои работы. Меня всегда поражало, насколько глубоко ВВ вникал в сугубо теоретические аспекты докладываемых работ. В конце концов глава была написана и, как я понял, ВВ был ею доволен.

Вообще теория была для ВВ не чем-то отстраненным и чужеродным, а, напротив, естественной средой обитания. В начале семидесятых он принял в отдел талантливый молодой теоретик В.В. Шапиро, который внес существенный вклад в теоретическую часть магнито-оптических исследований. Несколько ранее в отделе появилась Н.А. Сергиенко, теоретик, наша близкая подруга. ВВ передал в ее ведение почти все теоретико-групповые аспекты исследований отдела. Ею написана базовая версия соответствующей главы книги «Оптическая спектроскопия магнетиков». ВВ прекрасно понимал роль теории групп в спектроскопии и физике вообще. В середине семидесятых он организовал курс лекций по теории групп для сотрудников отдела, который прочел не кто-нибудь, а сам Леонид Андреевич Пастур (Викин конспект этого курса стоит на полке в моем кабинете в Израиле). Краткий курс лекций по магнитооптике прочел специально приглашенный из Киева Эльмар Петров.

ВВ очень внимательно подбирал сотрудников. Его отношение к ним было весьма пристрастным (со знаком плюс). Я как-то спросил его, кого из «стариков» он ценит больше всего. Ответ был достаточно длинным. ВВ высоко ценил Юру Попкова. Он был восхищен нетривиальным творческим мышлением Кости Дудко (недаром среди наиболее значительных достижений ВВ, упомянутых в его научной биографии, содержатся два, полученных в группе Кости, результата — промежуточное и смешанное состояния в АФМ). Однако на первое место, без всякого сомнения, он ставил Колю Харченко. Уже в начале семидесятых он считал, что Колин фактический научный статус намного превышает формальный. ВВ всегда был чрезвычайно рад успехам молодых (тогда) сотрудников. ВВ мог перехватить меня в коридоре: «Слушай, тут ... (А.Б. Безносков, С.Л. Гнатченко, А.А. Мильнер, В.В. Пишко, кто-то еще) обнаружил замечательную вещь, заходи, я сейчас объясню!» — и с удовольствием делился этой важной и интересной научной новостью.

Вообще его отношения с сотрудниками я считаю образцовыми. В самом начале нашего общения ВВ был «простым» доктором наук. Затем он стал членом-корреспондентом, а потом и академиком, ди-

ректором института, но его отношение к сотрудникам (и не только его отдела) нисколько не менялось. «Старики» его отдела почти все были с ним на «ты» и называли его Виктором, младшее поколение уважительно именовало его ВВ.

Из «младших» мы взаимодействовали с В.П. Новиковым, А.А. Мильнером, В.И. Фоминым, В.Д. и Л.Ф. Чечерскими, А.И. Масленниковым, А.И. Вердяном. С Витей Новиковым и Сашей Мильнером Вику связывала совместная работа. С ним и Армиком Вердяном мы встречались в Израиле, куда мы все переехали в начале девяностых. Прекрасные отношения были у нас и с Зоей Ильиничной Андроновой, лаборантом отдела, с ее мужем Севой — сотрудником мастерской и великолепным токарем, с блестящим фрезеровщиком Лешей Глушко, с Борей Бородиным — лаборантом группы Дудко.

В 1972 году отдел №4 праздновал свое десятилетие, совпавшее с 40-летием ВВ и избранием его членом-корреспондентом АН УССР. Каждый приглашенный получил памятный значок (мой хранится у меня в Харькове). Празднование было очень искренним, веселым. В какой-то момент Валера Шапиро сел за пианино и сыграл несколько начальных тактов фортепианной партии 2-го концерта Рахманинова. Теплая дружеская обстановка вечера и общее приподнятое настроение запомнились надолго.

Практически все сотрудники отдела были достойными людьми и составляли хороший активно работающий коллектив. К сожалению, были и исключения. В середине семидесятых на имя Бориса Иеремиевича Веркина пришла анонимка, содержащая грязные и гнусные оскорбления в адрес ВВ. Борис Иеремиевич, разумеется, отдал ее ВВ. Насколько мне известно, ВВ не хотел иметь с ней дело, но двое из «стариков», Костя Дудко и Юра Попков, настаивали на том, чтобы выяснить, кто из своих (а по содержанию было понятно, что это именно кто-то из своих) сотворил эту гадость. Они очень серьезно, с истинно научным подходом отнеслись к делу — анализировали текст с информационной точки зрения, провели несколько независимых почерковедческих анализов (компьютеров еще не было, а пользоваться пишущей машинкой аноним, видимо, побоялся, как известно, машинку легко идентифицировать по особенностям шрифта), привлекли нескольких психологов к анализу текста и, наконец, преуспели — однозначно вычислили автора анонимки. Насколько я помню, ВВ и ребята решили не обнародовать эти сведения, а просто брезгливо отвернулись от автора анонимки.

Успешная детективная операция Кости и Юры прекрасно иллюстрируется одним из любимых изречений Моисея Исааковича Каганова, употреблявшееся им почти по любому поводу: «Теоретик это

сделает лучше!» (Через несколько лет я еще раз вспомнил это высказывание в связи с неким судебным иском против авторов книги «Криокристаллы» и блестящим противодействием иску, осуществленным М.А. Стржеменным и Ю.А. Фрейманом на высоком юридическом уровне.) В этом случае ребята показали, что экспериментаторы ничуть не уступают теоретикам, так что уточненная формулировка должна гласить: «Физик это сделает лучше».

Одним из утверждений анонимного письма было то, что ВВ в некоторых направлениях противодействует Борису Иеремиевичу и как бы «подкапывается» под него. Разумеется, ни о каком подкопе под Б.И. Веркина и речь идти не могла, ВВ всегда выступал с открытым забралом, отстаивая свои взгляды. Однако некое, не то что противодействие, точнее противумышление, действительно имело место. В 1999 году, выступая на конференции, посвященной 80-летию Б.И. Веркина, Л.А. Пастур подчеркнул, что Борис Иеремиевич, создавая ФТИНТ, в точности следовал идеям Л.В. Шубникова о комплексном научном центре, включающем чисто исследовательскую часть, занимающуюся фундаментальными исследованиями, конструкторское бюро, разрабатывающее возможные технические приложения научных достижений, опытное производство, производящее разработанные приборы и механизмы малыми сериями, и, наконец, завод, выпускающий соответствующие изделия в промышленном масштабе. Виктор Валентинович придерживался совершенно другой точки зрения. Для него образцом был созданный П.Л. Капицей Институт физических проблем, занимающийся исключительно фундаментальными научными исследованиями, имеющий небольшое число постоянных сотрудников и большую группу достаточно часто сменяемых молодых исследователей, являясь, таким образом, и великолепной школой, воспитывающей следующее поколение физиков. Оба эти подхода являются чрезвычайно плодотворными, могут и должны реализоваться одновременно, но никак не в рамках одного института. Видимо, именно это коренное несовпадение взглядов на структуру и цели института и привело к тому, что ВВ недолго пробыл на посту заместителя директора ФТИНТа и вскоре ограничился заведыванием своим отделом.

Тем не менее в рамках имеющихся полномочий ВВ стремился следовать своей научной политике. У него всегда было много учеников и аспирантов, они защищали диссертации, росли профессионально, но отдел, как и институт, не резиновый. Для дальнейшего развития и роста необходимо было набирать новых молодых сотрудников, а места для них должны были освобождать старые. Как правило, ВВ освобождался от тех, кто остановился в своем научном росте.

Но этот болезненный процесс требовал времени. Для каждого уходящего нужно было найти новое место работы. Харьков был для этого весьма подходящим местом. В городе было много учебных институтов (сейчас почти все они называются или академией, или университетом), в каждом была кафедра физики, а воспитанники ВВ были высококвалифицированными физиками, способными украсить кафедру любого харьковского вуза. Более того, первое поколение бывших сотрудников ВВ, перешедших в систему высшего образования, быстро заработало авторитет среди коллег и руководства и само уже могло эффективно способствовать «трудоустройству» переходящих из ФТИНТа коллег.

Весной 1991 года перед нашим отъездом в Израиль скоропостижно скончался А.И. Звягин, ставший директором ФТИНТа после ухода из жизни Б.И. Веркина. Во время одного из моих разговоров с ВВ он без особенной радости сказал: «Видимо, придется брать институт». И это вскоре произошло. Если судить по формальным признакам, то ВВ за время своего директорства почти целиком изменил структуру ФТИНТа, уйдя от модели Шубникова–Веркина к модели Капицы. Мне кажется, однако, что это изменение было не только и не столько результатом целенаправленного «революционного» процесса, инспирированного и реализованного ВВ, сколько шагом вынужденным, вызванным внешними обстоятельствами. Экономическая ситуация девяностых хорошо известна. Бюджетное финансирование было резко сокращено, а дополнительные внешние источники, связанные в прошлом в основном с военной тематикой и практически никак не ограниченные, просто исчезли. В результате конструкторское бюро, служившее прежде очень важным источником доходов института, стало, скорее, потребителем ресурсов. Возможно, я не знаю некоторых деталей, но, судя по рассказам коллег, дело обстояло именно так.

ВВ прекрасно понимал, что пребывание на посту директора ФТИНТа дело не вечное. Уже лет за пять до ухода с директорского поста он говорил о том, что надо искать преемника. Лучшим кандидатом он считал Сергея Леонидовича Гнатченко. В 2006 году ВВ перешел на должность советника дирекции, а директором ФТИНТа стал С.Л. Гнатченко.

ВВ прожил всю жизнь в науке. Ему совершенно не были чужды связанные с ней материальные радости (премии, звания и т.д.), но главным была сама наука. В 2004 году в журнале «Физика низких температур» была опубликована статья А.С. Рыбалко «Наблюдение электрической индукции в волне второго звука в гелии II». Речь шла о совершенно новом эффекте, не имевшем (и не получившем до сих пор)

своего последовательного теоретического объяснения. Более того, многие считали, что наблюдаемый результат — артефакт, связанный с неверной постановкой эксперимента или с некорректной обработкой его результатов (в 2017 году опубликована еще одна статья Рыбалко с соавторами, где доказана полная необоснованность этих подозрений). Статья была выдвинута на ежегодный конкурс научных работ ФТИНТа. Я был в это время в Харькове, и ВВ рассказал, что возникла довольно острая ситуация. Работа Рыбалко конкурировала с хорошей добротной работой некоторой группы теоретиков. ВВ отозвался о ней с полным уважением, но сказал, что будет настаивать, чтобы первую премию дали Рыбалко. Мотив был прост. Работа теоретиков, очень хорошая сама по себе, была естественным продолжением большого цикла работ, начатого более десяти лет тому назад. Да, речь шла о новом объекте исследования и полученные результаты были новы. Но статья Рыбалко была прорывной, пионерской. ВВ сказал, что даже если она потом окажется неверной (а она таковой не оказалась!), он не будет сожалеть о своей поддержке. Мне кажется, что этот эпизод очень важен для понимания отношения ВВ к науке.

Еще раз это отношение выразилось на похоронах академика И.К. Янсона. ВВ был первым и основным выступающим на панихиде. Разумеется, он произнес слова скорби и прощания, но подавляющая часть его выступления была посвящена научной деятельности Игоря Кондратьевича. Причем это не было формальное перечисление достижений покойного, это был увлекательный рассказ на общефизическом уровне о принципиально новых идеях и экспериментальных находках И.К. Янсона. Очень жаль, что это замечательное выступление, достойное и покойного, и самого выступающего, не было зафиксировано ни в виде статьи, ни в виде хотя бы магнитофонной записи. Оно, несомненно, этого заслуживало.

Наше общение с ВВ не ограничивалось только наукой. Почти сразу же после первых встреч мы по его предложению перешли на «ты». Довольно часто общались во время совместных поездок на конференции в Ленинград, Москву, Ташкент. Из своей первой поездки в США ВВ привез Hi-Fi аудиоаппаратуру и много разных виниловых дисков. Именно он открыл для меня Элвиса Пресли. Я по своему невежеству считал, следуя официальной информации, что Пресли — король рок-н-ролла и только. ВВ заставил меня послушать привезенные им диски Пресли, и оказалось, что он великий лирический певец. Тогда же ВВ привез полную запись нашумевшего мюзикла Эндрю Ллойд Уэббера «Jesus Christ Superstar». Мало того, что ничего подобного я раньше не слышал, по прошествии времени оказалось, что именно эта запись (а я прослушал еще три или четыре других) явля-

ется, на мой взгляд, самой лучшей. С иностранными учеными у ВВ тоже быстро возникали неформальные и не только научные отношения. Так, в 1974 году, едуци в командировку в Чехословакию, я по просьбе ВВ передал часть глушителя для «Жигулей» его коллеге в Праге.

Как мне кажется, в начале восьмидесятых годов ВВ увлекся коллекционированием картин. Он покупал картины современных украинских художников и, когда я приходил, с удовольствием демонстрировал свои приобретения. Постепенно его коллекция разрасталась, и уже в нулевые годы он перенес часть картин во ФТИНТ и развесил их в корпусах института. Это было действительно великолепно! Институт выглядел (и фактически был) как филиал музея, только без свободного доступа посетителей. Несколько лет тому назад часть картин из коллекции ВВ была выставлена в галерее «ЕрмиловЦентр» при Харьковском университете. Как я понимаю, ВВ собрал уникальную коллекцию работ современных украинских художников, способную украсить любой художественный музей.

После нашего отъезда в Израиль мы, начиная с 1994 года, каждую осень приезжали в Харьков. Я всегда посещал институт и встречался с друзьями и сотрудниками. Помню в один из первых приездов мы с Викой шли по проспекту Ленина в сторону улицы 23 августа, как вдруг рядом с нами со скрипом тормозов остановилась «Волга». Из машины вышли улыбающиеся Виктор Валентинович и Клавдий Вениаминович Маслов. Мы обнялись, радуясь встрече. Я был невероятно тронут такой реакцией ВВ и Клавдия Вениаминовича.

В 2007 году ВВ завершил свою обширную книгу, точнее, серию книг воспоминаний. Честно говоря, читая такого рода книги, я всегда спрашиваю себя, а на кого они рассчитаны, кто их будет читать? И вот, прочитав книгу ВВ, я получил четкий ответ. Такая книга адресована в первую очередь тем, кто знал и помнит ее автора и героев. Для такого читателя это живые и близкие люди, и все, что с ними происходило, тоже живет. Я прочитал книгу с огромным интересом, как и многие мои друзья и знакомые, которым я ее переслал. Для меня оказалась необычайно интересной, что неудивительно, часть книги, посвященная физике. Тем более что она написана ярким литературным языком: талантливый человек — талантлив во всем. Но кроме этого, я лично был знаком со многими ее персонажами, мне близка и жизнь, описанная ВВ, и его отношение к ней. И дополнительный сюрприз: книга посвящена другу ВВ Юрию Яковлевичу Дашевскому, значительная часть книги представляет собой переписку двух друзей. Оказалось, что я тоже знал Ю.Я. Дашевского. Будучи школьниками, Виталий Фридман и я занимались фехтованием у того же самого

тренера, который воспитал Дашевского. Разумеется, он был на десять лет старше нас и представлял собой ходячую легенду, но все-таки, как тесен мир!

В 2012 году во ФТИНТе отпраздновали 80-летие ВВ. Было необычайно приятно встретить почти всех учеников и сотрудников ВВ, слышать прекрасные и заслуженные слова, произносимые выступающими в его адрес. ВВ, несмотря на вызывающую уважение цифру 80, выглядел как обычно — элегантен, быстр, остроумен. Праздник есть праздник, и хочется, чтобы он длился вечно. Увы, через несколько лет ВВ поразил первый инсульт, а затем и второй. После первого я звонил ему, когда прошел уже почти месяц. Речь восстановилась довольно быстро, и ничто не внушало опасений. А вот второй инсульт оказался коварным и жестоким. ВВ потерял способность самостоятельно передвигаться, плохо говорил. Когда я был у него, он больше всего жаловался на зрение — плохо видел, совершенно не мог читать и различал только силуэты. Было мучительно видеть немощным и растерянным такого прежде энергичного, спортивного, полного сил ВВ. Затем во время нескольких разговоров по скайпу я заметил, что речь потихоньку возвращается, понимать ВВ стало значительно проще. Правда, возможность передвижения никак не улучшилась. Но все-таки казалось, что производная была положительной, хотя и не очень большой. Увы, действительность оказалась намного хуже. Во Львове нас застала весть о том, что ВВ больше нет.

В моей жизни было несколько выдающихся людей, необычайно ярких личностей, обладающих высокими человеческими качествами. Я благодарю судьбу за это. Одним из них был Виктор Валентинович Еременко.

Мозаика нашей жизни

А.В. ЕРЕМЕНКО

канд. физ.-мат. наук, ст. научн. сотр.,
ФТИНТ им. Б.И. Веркина НАН Украины, Харьков

У меня осталось довольно стойкое (но верное ли?!) впечатление, что мой папа в целом был из категории тех людей, чьи желания не так уж редко совпадают с их возможностями. Обычно это очень увлеченные люди и настоящие профессионалы своего дела. Такими людьми движут прежде всего огромная природная любознательность и сильнейшая тяга к новизне попеременно со здоровым честолюбием. Поэтому каждый шаг вперед и вверх доставляет им немалое удовольствие, плюс стимулирует идти дальше и еще дальше. У таких людей есть самое главное дело в жизни, а остальное частенько каким-то удивительным образом получается само собой. Как это — само собой? Видимо, необходим кто-то, умело и надежно закрывающий тылы, любящий, ценящий и готовый постоянно заниматься бескорыстным служением. В нашем случае все достаточно ясно — физика и жена соответственно.

Подчеркну, пожалуй, что речь идет исключительно о физике, а не о естественных науках в целом, не говоря уж о прочих науках. Несмотря на то, что его родители — и отец Валентин Никифорович Еременко (мой дед Валя), и мать Наталья Мироновна Цин (или, как мы ее называли, бабушка Ната-маленькая) — были химиками, мой папа и этой близкой физике наукой, и био-, и гео- науками интересовался сравнительно мало. При всей любви к математике, все же относился к ней, скорее, как к служанке всех наук, употребляя формулировку «математический аппарат (физики)». О его отношении к некоторым другим, не столь естественным, наукам будет лучше вообще не упоминать...

Вспоминая папу, хочу хотя бы вкратце сказать и о маме, и о ближайших родных. Пожалуй, начать надо с того, что моим родителям не слишком повезло родиться в Харькове в самом начале 30-х. Ведь в те годы не только в сельской местности, но и в самой столице Голодомора детская смертность была удручающе высокой. Когда они все это осознали? По крайней мере, к моим школьным годам это понимание у обоих родителей было более чем определенным. Скажем, на мой вопрос о том, кто такой этот Постышев, чьим именем назывался городской дворец пионеров, был дан односложный ответ: «Палач». Расшифровка последовала позднее. А сам я помню Дарью Демьяновну, которая приходила к нам в коммунальную квартиру на Лермонтовской

улице помочь моей бабушке Нате-большой (маминой маме) управляться со мной и с тяжело больным дедушкой Абрамом Теверовским. Даша была родом из села, и в 33 году ее отец успел упросить мою бабушку забрать девочку в качестве няньки для моей мамы.

Пожалуй, моему папе повезло чуть побольше, чем маме. Но больше всех повезло мне. Можно сказать, я был богат сказочно. Ведь у меня, единственного сына любящих родителей, было еще целых 4 (четыре!) деда. И это в те времена, когда у многих моих ровесников не было ни единого — у кого-то из-за красного террора, у кого-то из-за мировой и прочих бесконечных войн.

Мне совсем непросто характеризовать педагогические достижения моих родителей. Конечно, под руководством отца успешно подготовили и защитили дипломные и диссертационные работы многие физики-экспериментаторы. Некоторые из них продолжают плодотворно трудиться во ФТИНТе, высокую научную квалификацию других лишний раз подтверждает их успешная работа в самых разных институтах и университетах Харькова, Украины и других стран. В случае со мной, однако, родителям пришлось столкнуться с нетривиальной педагогической проблемой. Будучи сам весьма любознательным, папа время от времени предпринимал попытки увлечь меня чем-то интересным и полезным. Иногда пытался действовать по аналогии, вспоминая, в частности, свои наблюдения в старом УФТИнском доме за воспитательскими опытами глубоко им уважаемого Александра Ильича Ахиезера. Кроме того, старался включать свою собственную изобретательность и фантазию. Заметного успеха в моем образовании, этом непростом, но принципиально важном деле, ему удавалось достичь гораздо реже, чем хотелось бы обоим родителям. Но в обучении английскому языку определенного прогресса все-таки удалось достигнуть благодаря очень своевременному и очень удачному выбору учительницы. Папа сам испытывал определенные трудности с английским из-за того, что во время учебы и в школе, и в университете в качестве иностранного ему преподавали немецкий. Между тем, его понимание значения английского языка уже было полным. Для Альбины Павловны Черепановой я был первым учеником, а она — моей первой учительницей еще до поступления в школу. Поэтому нам обоим было интересно, мы оба старались, и я ей очень благодарен за науку. В дальнейшем моя учительница не только много лет трудилась переводчицей во ФТИНТе, но и успешно обучала английскому детей ФТИНТовцев.

Трудно вспомнить, в каком году родители в первый раз привели меня во ФТИНТ. Мы жили в те годы (до 1970-го) неподалеку от института — на Тобольской, почти на пересечении с улицей Шекспира.

Еще тогда я обратил внимание, что, в отличие от стандартного для других взрослых определения «работа», мои родители применяют слово «институт». Можно было догадаться, что институт — это не только место работы, а нечто иное, большее.

Кроме концертов известной веркинской «филармонии физиков», в конференц-зале также иногда происходили и другие интересные события культуры. Несколько раз были показаны кинофильмы, недоступные в харьковских кинотеатрах, в частности «Убить пересмешника» по книге Харпер Ли, которую мы прочитали позже. Были еще выездные спектакли харьковских театров, например, именно в конференц-зале института мы смотрели репертуарный спектакль театра кукол «Чертова мельница» по пьесе Исидора Штока.

По-видимому, перед одним из таких спектаклей или киносансов папа и завел меня в одну из институтских лабораторий — чтобы наглядно продемонстрировать, чем же занимаются физики у себя в институте (сейчас этим вопросом крайне заинтересована моя младшая дочь). До этого визита в институт я уже приходил вместе с родителями на майскую демонстрацию, чему есть свидетельство — фотография трио папаш-физиков Еременко–Звягин–Науменко с тройкой подрастающих сыновей Андреем–Андреем–Алексеем. На демонстрации ФТИНТовские родители раздавали детям воздушные шары, накачанные легким газом (гелием?). Вечером выданный мне шар спокойно лежал у нас на потолке квартиры, но на следующее утро в его поведении обнаружилась интересная динамика: шар стал очень медленно спускаться. В институтской же лаборатории к эффектам с жидким азотом я отнесся не столько с интересом, сколько с легкой опаской. А больше всего запомнилось то, что связано с поляризацией света: наложенные одна на другую светлые прозрачные пластинки оставались прозрачными, однако поворот одной из них образовывал совершенно непонятный темный квадрат на их пересечении.

Обоих моих родителей очень серьезно беспокоило то, что в нашей районной 99-й школе мне было, мягко говоря, не слишком интересно и трудно, а соответственно, и практически бесполезно учиться. До определенного времени низкий уровень преподавания основных школьных дисциплин мои родители старались компенсировать ненавязчивыми домашними способами. В частности, папа принес старый известный сборник логических задач Б. Кордемского «Математическая смекалка», и я нерегулярно, но решал их иногда под настроение самостоятельно, а иногда вместе с ним. А когда летом 1969-го (во время каникул после окончания моего 5-го класса) мы снова были на институтской базе отдыха, мне уже стало известно, где я буду учиться дальше. Мои чуть старшие друзья один за другим переходили из

своих районных школ в 27-ю физико-математическую, гордо и радостно делясь впечатлениями. Если у заботливой мамы еще оставались какие-то сомнения и колебания (как же единственное чадо будет справляться с непривычными нагрузками), то у целеустремленного папы подобных сомнений не было и быть, конечно, не могло. Ему совершенно ясным было важнейшее значение интеллектуальной среды — ведь сам-то он рос в УФТИнской среде. В 70-е годы в 27-ю набирали только с 7-го класса и, очевидно, мои родители ожидали, что этот учебный год будет непростым. По сути, для меня это был фазовый переход первого рода. В старой школе (полный «отстой», говоря нынешним сленгом) без усилий был впереди, да еще и позволял себе не слишком разумно поправлять некоторых учителей, вступая с ними в споры. Здесь же приходилось, наконец, напрягаться по полной программе, чего, собственно говоря, мой папа и добивался. При этом мои любящие родители стремились максимально смягчить проблемы перехода. В частности, для экономии времени папа (в те годы он и В.Г. Манжелей были молодыми заместителями у Б.И. Веркина) просил водителя своей служебной машины по утрам подвозить меня в школу. Для нынешних «мажоров» это всего лишь нормально, но я воспринимал ситуацию совершенно иначе и предпочел ездить на Москалевку общественным транспортом — как и все мои соученики.

Родители всячески старались разнообразить свой отпуск и мои каникулы в зависимости от возможностей, которые появлялись. В разные годы мы выезжали на побережья Азовского, Черного и Балтийского морей — втроем либо в компании друзей. Сначала дикарями или в столь популярные в те времена палаточные лагеря. Чуть позднее, например, в дом творчества ученых Академии наук в Кацивели близ Симеиза. На море меня быстро обучили плавать, метод обучения был довольно примитивным, но вполне эффективным. Мама пошла пояс с карманами для пенопластовых вставок, и в этом поясе папа сбрасывал меня с довольно высокого пирса в воду. Выныривая на поверхность, я сначала отчаянно барахтался, но потом появилась необходимая уверенность. На осуждающие реплики окружающих родители не реагировали, а скорее, они нас даже подбадривали. Количество вставок постепенно сократилось до нуля, а спокойствие и уверенность остались.

У каждого из смертных есть свои грехи, но иногда свои грехи представляются менее серьезными, чем у других. Среди многочисленного самиздата и «тамиздата», который папа активно и несколько рискованно привозил в конце 70-х и начале 80-х из своих заграникомандировок, были и книги известного киевского писателя-диссидента

Виктора Некрасова. В одной из них автор, большой любитель спиртных напитков, поэтизирует свой грех по сравнению с более отвратительным (для него самого) — обжорством. Мой же дорогой папа был вполне равнодушен к спиртному, в особенности не любил крепких напитков. Но вот чревоугодие было ему свойственно, а учитывая высокое кулинарное искусство тещи Анастасии Георгиевны (т.е. моей бабушки Наты-большой) и жены, он сравнительно рано утратил присущую ему в юные студенческие и молодые аспирантские годы чрезмерную худобу, изящество и спортивную форму. Скачкообразный фазовый переход произошел летом, если не ошибаюсь, 1961 года во время отпуска в Бердянске. Кроме всего прочего, сыграли свою роль азовские вяленые бычки и дешевый приазовский виноград. В дальнейшем нерегулярные попытки избавиться от благоприобретенной солидности и вернуть себе стройность и спортивную форму результата не принесли. Помню, что году в 65-м во время отпуска в Головинке (поселок на кавказском побережье северней Сочи) папа был огорчен уровнем своей выносливости и качеством своей игры в баскетбол с более молодыми ребятами. Тем не менее тот совместный с семьей Сухаревских отпуск был очень активным. Кроме плавания в море и впадавшей в него горной речке Шахэ, мы много играли в бадминтон. У Сухарей был весьма основательный подход: о том, чтобы просто по-детски перебрасываться воланчиком, не могло быть и речи. У нас в багаже был полный комплект ракеток для парной игры с сеткой и набором воланов. Папа вместе с Борисом Яковлевичем разыскивали подходящую по размеру поляну, строго по правилам на нужном уровне натянули сетку и разметили площадку. Пары составили сначала по семейному принципу, но активная болельщица Антонина Владимировна Леонтьева переживала любой промах пары Сухарей (наша же мама спокойно занималась вязанием и только посмеивалась). Пришлось сделать успокаивающую перестановку: мой папа стал играть в паре с Игорем, а Сухарь-старший со мной. Та поездка оставила множество самых разнообразных воспоминаний, а кроме того, некоторые пляжные эпизоды были описаны в слегка скандальной повести Ю. Гушиной «Эксперимент», опубликованной позднее в журнале «Студенческий меридиан». Вдаваться в детали здесь нет смысла, достаточно сказать, что та публикация добавила щепотку перца в сложные отношения с Борисом Иеремиевичем Веркиным.

А отношения эти гладкими не были никогда, и тому были причинами как весьма колючие характеры, так и некоторые эпизоды общения с разными членами семьи. С папиным отчимом Евгением Станиславовичем Боровиком (моим дедом Женей) Веркин был в весьма уважительных отношениях, в послевоенные годы они работали

рядом и над близкими проблемами в одной из комнат криогенной лаборатории УФТИ, а также и на университетском физмате. Но вот бабушка Ната-маленькая хронически не воспринимала коллегу своего мужа. Как-то она рассказала, что Веркин пытался предупредить о том, что ее сын Витя слишком увлекается несерьезной, дерзкой и бесхозяйственной студенткой Люсей Теверовской. «Нашел же кому пожаловаться о бесхозяйственности!», — фыркала бабушка, не теряя объективности в самооценке и добавляя нелестные эпитеты по адресу Веркина. Сама же студентка Теверовская не могла простить Веркину необъяснимого обмана: он сначала почему-то согласился взять ее, несерьезную спортсменку, дипломницей к себе на кафедру физики низких температур, а затем этого обещания не выполнил. С другой стороны, конечно, мои родители были благодарны директору нового института за помощь в решении жилищной проблемы и за предоставленные широкие возможности профессионального роста. Так или иначе, очевидно, что находиться в эpsilon-окрестности Веркина было не просто никому. В связи с этим вспоминается такой забавный и характерный момент. Папа пришел домой из института и, присаживаясь к ужину, задумчиво спросил: «Почему у меня не болит голова во время заграникомандировок?» И слегка лукаво сам же и ответил: «А здесь это, наверное, от общения с Борисом Иеремиевичем...» Тот же Сухаревский сравнительно недолго работал во ФТИНТе именно из-за этих сложных отношений и расхождения во взглядах, и предпочел принять приглашение А.А. Галкина в ДонФТИ. Что касается моего отца, то слишком глубокие корни в Харькове и в институте не позволили ему принять ни одно из многих предложений, которые он время от времени получал из Киева, из Троицка и т.д. После возвращения из одной из первых же поездок на конференцию в США папа, в частности, поведал: «Мне предлагали годичный контракт в Bell Laboratory». Конечно, я не мог удержаться, и спросил: «Ну, и что же ты?» Можно на это смотреть и так, что и ему самому, и нашей семье в целом не хватило пассионарности...

Весной 1974 года до выпускных экзаменов у нас в 27-й физико-математической оставались считанные недели. Поэтому беседы с родителями на любую тему естественным образом возвращались к вопросу о поступлении в университет, а именно — на какой факультет (мехмат или физфак) подавать документы?! Во время одной из прогулок в городском парке мы случайно встретили дружелюбное семейство Э.А. Канера (запомнилась улыбка). Сразу же после этой мимолетной встречи мой папа пустил в ход козырную карту: «Вот Моня свое блестящее владение математическим аппаратом использует как средство для решения физических проблем. Ведь математи-

ка — служанка всех наук, прежде всего физики». Подобную формулировку я слышал в различных вариациях, и к тому времени мы уже успели договориться, что царица всех наук может одновременно исполнять обязанности их служанки. Несмотря на все родительские аргументы, вопрос о поступлении был решен в пользу мехмата. По сути дела, решение было принято благодаря сильнейшему влиянию моего замечательного учителя математики Аркадия Владимировича Столина, на две головы превосходившего всех остальных школьных преподавателей. Очевидно, на тот момент авторитет любимого учителя перевешивал в споре с родительским авторитетом. В выпускном классе родители (и не только мои) пытались как-то нивелировать явный дисбаланс в пользу математики. Но решение задач по физике из «Задачника “Кванта”» и дополнительные занятия нашей небольшой группы с Сергеем Андреевичем Гредескулом этот дисбаланс подкорректировали лишь частично. Тем не менее я старался учитывать родительское мнение, и на первом курсе продолжал в какой-то степени балансировать между двумя факультетами — иногда вместо лекций по истории КПСС удавалось пойти в новую физическую аудиторию.

Мне случайно попал на глаза старый буклет летней школы Энрико Ферми 1977 года. Курс назывался «Физика магнитных гранатов», в перечне лекторов были указаны два представителя Украины — Э.Г. Петров (из киевского Института теорфизики) и В.В. Еременко. Был ли там Эльмар Григорьевич или нет — не знаю. Вспомнил, что было приглашение от проф. Паолетти, но папа в Италию никогда не ездил. На вопрос о причинах несостоявшейся командировки ответ был довольно характерным. В том году был приятный выбор между этим престижным приглашением и не менее привлекательным из магнитной лаборатории в пригороде Парижа (учитывая стандартную квоту — не больше одной командировки в «капиталистическую» страну в течение года). Кроме того, не было достаточной уверенности в качестве своего английского для большой лекции. Это была уже в какой-то степени отговорка. Примерно в эти годы, или чуть раньше, папа занимался английским весьма регулярно, настойчиво и не только в Харькове. Пару раз он даже специально ездил в Москву на двухнедельное «погружение», интенсивно-интерактивные курсы. Много слушал англоязычных песен и радиопередач. Удалось достичь серьезного прогресса, читал детективы Агаты Кристи в оригинале не без удовольствия, эффективнее общался с англоязычными коллегами. Но, конечно, всегда сказывалось, что в школе и университете учил не английский, а немецкий.

Папа нередко играл в шахматы со мной и с разными партнерами, в частности, в разные периоды времени с В.И. Пересадой,

В.Г. Песчанским, Р. Вайшнорасом и др. Играл он в несколько роман-тично-авантюрном стиле с архаичными дебютами (северный и коро-левский гамбиты). Расскажу об одном случае, который нас позабавил. Легкие партии «со звоном» на пляже с малознакомым партнером. Забирая по ходу игры незначительную пешечку на крайней вертикали, папа с безразличным выражением лица поставил меланхолическим тоном маленькую психологическую ловушку: «Все пешки равны...» Расслабленный летним солнцем, с одной стороны, и поглощенный процессом игры, с другой, партнер со своим ходом доверчиво про-должил: «...но некоторые равнее». И выражение папиного лица, и тон его голоса, и скорость исполнения следующего хода мгновенно сменились: «Интересные книги Вы читаете!» — и мы оба рассмея-лись. Лицо бедняги-партнера покраснело, он смутился настолько, что полностью потерял концентрацию внимания и быстро испортил не-плохую позицию. Плавая в море после выигрыша этой партии, папа с удовольствием отметил: «Не только мы читаем Орвелла». И плава-нию, и шахматам, и многому другому папа учился, прежде всего, у отчима Евгения Станиславовича Боровика, или деда Жени, как мы о нем говорили. А «деду» и было всего-то пятьдесят, когда его не стало отчасти из-за собственной неосторожности, а также из-за нерасто-ропности медиков. Возвращаясь из своей последней командировки, дед Женя привез четыре пары лыжных ботинок — сыновьям, мне и себе. Мы потом долго еще ходили на лыжах в лесопарке в этих бо-тинках. Честно признаться, папа был не столь активным лыжником, как дед Женя (скандинав по материнской линии), хотя неплохо и с удовольствием ходил на них вместе со мной снежными зимами при-мерно до своих сорока лет. Бывало, мы проходили лесопарк насквозь от ФТИНТа до Пятихаток, где жила тогда бабушка. Помнится, что в первый раз я настолько вымотался на этой дистанции, что после ба-бушкиной утки с яблоками уснул мгновенно, а шел я тогда на лыжах настолько медленно, что папе время от времени приходилось воз-вращаться за мной.

Мои «предки» с юных лет интересовались спортом. Прежде всего его игровыми видами. Оба в студенческие годы очень активно зани-мались баскетболом, а мама еще и волейболом. Между прочим, в нашем подъезде дома на Тобольской двумя этажами ниже нас жил знаменитый волейболист «человек-катапульта» Юрий Поярков. Ко-гда у нас появился свой первый телевизор (с черно-белым изображе-нием, конечно), это было такое чудо советской техники 1965 года выпуска под кодовым названием «Темп-6М». Мы иногда всей нашей небольшой семьей смотрели спортивные передачи. Впрочем, особого выбора телепередач тогда и не было — не смотреть же, в самом деле,

тошнотворный «Ленинский университет миллионов»?! Помню, я спросил папу, что за передачу он смотрит, и он объяснил, что это матч чемпионата страны по футболу между лучшими командами — киевским «Динамо» и московским «Торпедо». С тех пор мы болели за киевлян вместе много лет. Но нельзя сказать, что он был азартным болельщиком в отличие от младшего брата Михаила, у которого даже был абонемент на киевский стадион.

Популярный в те годы хоккей с шайбой папа смотрел гораздо реже, но мне запомнился эпизод во время одного из чемпионатов мира конца 60-х. В начале одного из матчей неизменный комментатор Николай Озеров в своем коронном стиле («темнокожего спортсмена телезрители могут отличить по светлым трусам») сообщил, что шведские хоккеисты выступают в традиционной желто-голубой форме цветов своего национального флага. В этот момент папа обронил: «Между прочим, это цвета и нашего флага тоже», и кратко ответил на мои недоуменные вопросы.

Вообще, в диалогах с папой на любую тему можно было не только узнать нечто для себя новое, иногда неожиданное, но и получить ненавязчиво направляющую подсказку. Так нередко было с книгами. Например, «Республику ШКИД» он вручил мне со словами «Эта книга не издавалась больше тридцати лет». С другой стороны, увидев меня читающим «Петра Первого», папа не замедлил изложить свое мнение об авторе этого опуса. В результате ни к каким книгам А.Н. Толстого я больше ни разу не прикасался, не исключая даже «Хождения по мукам» из школьной программы тех лет. В целом жанр соцреализма мои родители, мягко говоря, не жаловали ни в литературе, ни в живописи.

У Карела Чапека есть небольшая заметка под названием «О картинах». В ней есть интересные мысли о художниках и о коллекционерах их картин. Не знаю, попадалась ли эта заметка на глаза моему папе или нет. Мне он в свое время советовал прочитать лишь «Войну с саламандрами» этого автора. Каким образом папа столь заинтересовался изобразительным искусством, случайно или закономерно? Разных увлечений в разные годы у него было немало, но это стало, пожалуй, одним из самых сильных. Честно говоря, не припоминаю, чтобы он сам когда-нибудь что-нибудь рисовал, конечно, если не считать схематичных изображений магнитных структур, спектров, графиков намагниченности и т.п. Однако в бабушкиной домашней библиотеке был основательно зачитанный многотомник «История искусств». При этом сама она была больше театралкой. Когда же много лет тому назад мы вместе интересовались филателией, папа советовал обратить внимание именно на тему искусства. Примерно тогда же при-

глашенная папой учительница английского языка Альбина Павловна Черепанова подарила мне двухтомник «С веком наравне» о русских художниках, и эти книги были интересны не только мне. Время от времени из своих командировок папа привозил альбомы по искусству. Все же главную роль сыграло непосредственное общение с художниками, которое началось еще в 70-х. В этом плане среди коллег-физиков он был отнюдь не одинок, из близкого круга достаточно упомянуть Э.А. Канера. Но в нашем случае это увлечение укоренилось весьма основательно и на долгие годы. Нередко заходил в мастерские, особенно в те, которые расположены в доме художников на улице Культуры, напротив дома литераторов «Слово».

Дружеские отношения для папы были немаловажной частью жизни. Конечно, с самыми близкими друзьями юности были особые, очень теплые отношения.

В родственных отношениях он был вообще очень обязательным. У папы было три младших брата. Ко всем трем он относился с теплотой, в особенности к старшему из них Борису. Миша, самый младший из братьев, по возрасту ближе ко мне, и отношение к нему было, скорее, как к племяннику. Об Андрее же не раз с сожалением говорил, что тот свои неординарные способности использует с меньшей самоотдачей, чем мог бы.

У таких активных людей в жизни бывает немало событий, побед и неудач. Наш старейшина, папин дед и мой прадед Никифор, очень заинтересованно спрашивал своего старшего внука о научных успехах. Радуюсь достижениям (и, кстати, не только своим собственным, но и успехам своих друзей и коллег), папа весьма чувствительно, а иногда и болезненно переносил поражения и неудачи. У него, однако, с давних пор выработалась способность к их преодолению. Тем более что в трудные минуты он всегда мог ощутить поддержку, прежде всего любящей жены.

И дед Валя, и дед Женя, и его брат Андрей Станиславович Боровик-Романов, и сам папа были избраны в члены Академии наук, будучи беспартийными. То, что тогда называлось кодовыми словами «общественная и партийная работа», было им всем совершенно чуждо, так же как и трем папиным братьям. У всех у них также были единичные командировки с участием в конференциях в европейских странах. Дед Женя, в частности, докладывал результаты работ своей 2-й криогенной лаборатории УФТИ на международной конференции по физике низких температур в Англии в 1961 году. А дед Валя докладывал результаты работ своего отдела физической химии неорганических материалов на международной конференции в «братской» Югославии в 1967 году. Если я не ошибаюсь с хронологией, то в

1972 году папа получил приглашение на международную магнитную конференцию в США. При оформлении так называемой выездной визы (со всей этой бюрократической возней с характеристикой и т.п.) ему дали понять, что при последующих выездах в так называемые капстраны весьма желательно вступить в стройные ряды членов КПСС. Съездив на конференцию в Калифорнии, папа вернулся домой буквально переполненным самыми разнообразными новыми впечатлениями, знакомствами, мыслями и планами. Во время этой конференции ему удалось не только пообщаться с физиками, которых он уже знал, но лишь заочно, познакомиться с другими коллегами. Из той командировки папа привез, кроме всего прочего (жевательной резинки, пластинок Элвиса Пресли и музыки в стиле кантри), американские джинсы. Это были не только мои первые джинсы, это были первые фирменные американские джинсы в нашем 9-м классе физматшколы, и я немедленно почувствовал жгучую зависть одноклассников.

Как-то раз, услышав звук поворачивающегося в замке ключа, я вышел встретить отца с въедливым вопросом: «Ну что, вступил?» — «Вступил, вступил», — ответил новообращенный член компартии со вздохом, тщательно вытирая обувь о половичок. Мама тоже иногда иронизировала по этому поводу (говоря «оскоромился наш папа»), но при этом принимали все сопутствующие блага, если не с закрытыми глазами, то с легким прищуром.

На мой взгляд, в ролях заведующего лабораторией и отделом, академика и главного редактора папа вполне освоился и чувствовал себя нормально. Но мне казалось, что в роли директора он перманентно испытывал серьезный дискомфорт из-за ответственности за институт. В свое время, в 1973 году, основатель столичного института проблем материаловедения И.Н. Францевич решил оставить свой многолетний пост директора. По свидетельству Т.Я. Великановой (одной из ближайших сотрудниц моего деда, которой он передал руководство своим отделом в ИПМ), в качестве преемника Францевич рассматривал кандидатуру академика В.Н. Еременко, и Б.Е. Патон не возражал против этого выбора. Деду шел тогда 62-й год, и своего согласия он не дал, ответив: «Поздно. Такое ответственное дело можно начинать в более молодые годы», и подсказал кандидатуру более молодого В.И. Трефилова. С учетом серьезных проблем со здоровьем (кардиология) и других факторов, это было мудрое решение моего деда. Его старший сын в сходной ситуации в 1991-м принял другое решение, несмотря на определенные сомнения и президента академии, и свои собственные. Можно трактовать это решение по-разному. Скажем, честолюбивые амбиции преодолели инстинкт самосохранения.

Ведь вполне ясно было, что директорские заботы укоротили жизни Б.И. Веркина и А.И. Звягина. Даже сейчас, по истечении трех десятков лет, трудно сказать, было ли то решение отца правильным. В любом случае, это был весьма непростой и смелый поступок с учетом всех особенностей конца 80-х и начала 90-х.

Было известно, что у нового директора с давних пор сформировано устойчивое мнение о различиях между фундаментальными и прикладными исследованиями. В резко изменившихся условиях это мнение просто не могло не утвердиться окончательно. Не раз мне доводилось слышать от папы слова о советской гигантомании, о неподъемных коммунальных расходах института в условиях ограниченного финансирования и т.п. Доставалось и покойному Борису Иеремиевичу с его широким размахом в строительстве институтских корпусов.

К сожалению, последние три года жизни папа был изнурен тяжелой болезнью. Роковой датой можно считать 30 декабря 2013 года. Надо сказать, что по какой-то труднообъяснимой закономерности его организм уже давал серьезные сбои в самом конце календарного года. Были самые разные случаи и гораздо раньше, но тогда маме удавалось оперативно и без явных потерь справляться с ними либо с помощью медиков, либо самостоятельно. Так, например, много лет тому назад (кажется, я еще был или старшеклассником, или студентом) у папы случился приступ острейшей почечной колики буквально за несколько часов до конца года. Тогда, помнится, в числе прочих средств домашней скорой помощи оказались горячая ванна и коньяк, а уже через некоторое время поездка на лечение в трускавецкий санаторий вместе с Клавдием Вениаминовичем Масловым (редкий случай, когда папа согласился отправиться в отпуск без мамы и без меня).

Но в этот раз все было гораздо хуже. Проблема была, конечно, и в самом возрасте папы, и в соответствующем возрасту общем состоянии его здоровья, но и не только в этом. Мои родители всегда были как система сообщающихся сосудов, и любые проблемы одного напрямую сказывались на другом. Так было всегда, так было и в этом случае, но уже в гипертрофированной форме. Состояние здоровья мамы уже давно тревожило нас, и если раньше ей удавалось папу подстраховать, то в тот момент это было физически невозможно. Что касается нас с женой, то проживая очень близко от родителей, мы готовы были почти в любой момент прийти на помощь, но наше внимание, в первую очередь, было обращено на малолетнюю дочь. Одним словом, ни мама, ни я не смогли, не успели, не сумели своевременно предупредить или хотя бы смягчить папину неосторожность и ее прямые последствия.

Когда ему стало плохо, практически без потери времени был вызван доктор, которого ранее рекомендовала семья Брауде. До этого случая он, кардиолог по основной специальности, время от времени приезжал к маме. Доктор сразу же поставил диагноз «ишемический инсульт», вызвал медсестру с капельницей и сделал срочные назначения.

Нам всем в общих чертах давным-давно было известно, что такое инсульт. Ведь еще четверть века тому назад, летом приснопамятного 1986 года, от жесточайшего инсульта погиб, не приходя в сознание, один из ближайших папиных друзей и коллег, а также научный руководитель моих дипломной и диссертационной работ Эмануил Айзикович Канер. Тогда Моне, как мы все его называли, было только 54 года, и от его внезапного заболевания и гибели у нас, конечно, осталось горькое чувство. Спасти его, по всей видимости, было практически нереально из-за очень плохого состояния сосудов кровеносной системы, которая пострадала, прежде всего, от беспрестанного курения.

Папе же был 81 год, но развитие его заболевания все-таки удалось временно притормозить. Первые 2–3 месяца он вполне регулярно придерживался предписаний. Реабилитационные процедуры и упражнения внешне сравнительно неплохо помогали восстановлению. Но внешние проявления — это одно, а реальная объективная картина может быть совсем иной. В самом начале марта, т.е. через два месяца после случившегося, мы съездили на ЯМР томографию. Затем на консультацию квалифицированного невропатолога, который скорректировал медикаментозные и прочие назначения. Кроме всего, в частности, были настоятельно рекомендованы ежедневные прогулки. Примерно в то же время к моим родителям в гости приехала мамина двоюродная сестра, работавшая невропатологом в крымском санатории. Она посмотрела результаты томографии, огорчилась сама и огорчила меня. Вся суть ее разъяснений сводилась к тому, что при имевшихся на тот момент поражениях была высока вероятность повторного и более сильного удара уже на протяжении одного года.

Так или иначе, мы старались выполнять все предписания медиков, но папу неудержимо тянуло в институт. И, несмотря на мамино отчаянное сопротивление, к апрелю он понемногу стал ездить туда. «Я ненадолго, на пару часиков, не больше», — так он говорил, но потом эта пара часиков затягивалась, излишне утомляя его и нервирова маму.

На заседании ученого совета папа последний раз был в середине мая, когда свою докторскую диссертацию защищал В.П. Гнездилов. Покидая конференц-зал после успешного окончания этого заседания, сказал Володе Курносову, что надеется еще побывать и на его защите.

Несмотря ни на что, все еще хоть в какой-то мере оставался оптимистом. Хотя, с другой стороны, он еще в 2010 году на всякий случай указал мне на конверт, к которому надлежало обратиться, когда его не станет. В эти годы чувствовался дефицит энергии и, кроме того, его сильно печалили потери среди старых друзей и коллег.

Последний раз папа был на прогулке с младшей внучкой и со мной в середине июня 2014 года буквально за два или три дня до повторного инсульта. Я очень хорошо помню ту последнюю совместную прогулку. Мы с дочкой пришли чуть раньше, и ожидали его, прогуливаясь возле спорткомплекса ХПИ в Молодежном парке. Был уже довольно жаркий день, и, когда папа присоединился к нам, мы неспешно прошли к детской площадке и присели на скамью под старыми тенистыми деревьями бывшего 1-го городского кладбища.

В этих же местах родители катали меня в раннем детстве на сачках по аллеям между оград старого кладбища. Собственно говоря, нынешняя улица Алчевских так когда-то и называлась — Старо-кладбищенской. И это совсем близко (метров 300) от того места, где на 2-м городском кладбище еще в 1950 году была похоронена папина бабушка Полина Никитична, а затем и многие другие родственники во главе с дедом Никифором Гавриловичем Еременко.

Пока наша беспокойная Соля, которая уже приближалась к своему трехлетию, активно возилась в песочнице и бегала со своими сверстниками, папа взял у меня из рук книгу. Иногда я брал с собой на прогулку какой-нибудь сборник рассказов или стихов в надежде прочитать несколько страниц. В тот раз это был небольшой сборник рассказов «Дикий» Григора Тютюнника на украинском. Откровенно говоря, взял я эту книгу не только для себя. Думал, что ему тоже будет интересно и, возможно, неврдно почитать короткий рассказ. Через несколько минут, однако, он вернул мне книгу со словами: «Мне уже трудно читать такой текст». Это, конечно, было огорчительно для нас обоих, ведь читать папа любил всегда и даже, на мой взгляд, имел неплохой вкус к литературе. Последней книгой, которую папа прочитал сам, оказалось «Место» Фридриха Горенштейна. Закончил он читать эту тяжелую во всех смыслах книгу (около 900 страниц) незадолго до болезни. Раньше я уже читал другие книги этого автора и, увидев, что папа читает «Место», спросил: «О чем она?» Ответ был краток: «О том, как система ломает человека». Я потом долго и не без труда читал это сильное произведение Горенштейна и могу засвидетельствовать точность данной папой характеристики. Пожалуй, людям в преклонном возрасте или с проблемным состоянием здоровья лучше все-таки побережись и не брать в руки столь явно депрессивной литературы. Книгу эту следует читать раньше.

Черeda катастрофических событий 18 июня, когда случился второй инсульт, практически полностью стерлась из моей памяти (вероятно, благодаря какой-то защитной реакции организма). В бессознательном состоянии папу транспортировали машиной скорой помощи в палату интенсивной терапии неврологического отделения 5-й Центральной клинической больницы. Первые дни он вообще почти ни на что не реагировал, но медикам все же удалось каким-то образом реанимировать его. Если до своей болезни папа тревожился за состояние здоровья мамы, то теперь уже она настолько нервничала от бессилия чем-либо помочь ему, что за летние месяцы потеряла более 20 кг веса. Примерно через неделю я более-менее собрался с духом и решился попробовать проверить, что же оставило заболевание от папиной памяти. И здесь я лишний раз смог убедиться, какое большое место занимала физика в его сознании и подсознании. На некоторые простенькие вопросы на малоинтересные для него темы папе отвечать было совсем затруднительно. На другие он смог ответить после напоминающей подсказки. Например, я спросил: «На поле какого цвета расположен белый ферзь в начале шахматной партии?» — «Нет, не помню» — «А как ты меня учил в детстве расставлять фигуры: “Королева любит...”» — «Аа, свой цвет. Значит, на белом». При этом на вопрос по физике, а именно о магнитокалорическом эффекте, папа хоть и заплетающимся языком, но вполне доступно стал излагать, какие измерения теплоемкости надо провести.

Провалы в памяти были, конечно, очень серьезными. Еще до болезни папа пообещал директору одной из харьковских художественных галерей предоставить для выставки работ Виктора Гонтарова картины из своей коллекции. Конечно, я обязан был выполнить его обещание. В один из выставочных дней я пришел к родителям из этой галереи и сразу подошел к папе. Услышав мои шаги, он спросил, откуда я пришел. Черт меня дернул сказать, что на выставке был мемориальный вечер Гонтарова. Настолько отчаянного выражения, какое появилось у папы на лице, я совершенно не ожидал: «Что, Витя умер?» — еле выдохнул он. Мне даже показалось, что я впервые в жизни увижу его слезы, и я поспешил растерянно напомнить, что его тезки не стало еще в 2009 году через несколько месяцев после присуждения ему Шевченковской премии. «Ах да, действительно», — и мне удалось чем-то отвлечь его от этой тяжелой темы. Только тогда до меня дошло наконец, что без целенаправленных вопросов родителей не следует больше упоминать о потерях. Поэтому папа так и не узнал ни о смерти своего сотрудника Валерия Игнатьевича Фомина, ни об уходе одного из любимых художников Виталия Куликова.

Изредка навещал невропатолог для контроля и корректировки лечения. На первый же вопрос о жалобах следовал ответ: «Работать не могу, со зрением совсем плохо, не могу ни писать, ни читать».

Неоднократно тревожил себя и маму, обращаясь среди ночи: «Люся, что мне надеть, мне надо ехать в институт на Совет (в редакцию и т.п.)».

Изредка приходила младшая внучка Соля, сразу же подбегала к нему с воплем: «Дедушка мой любимый», и с разбега запрыгивала прямо на деда, вызывая его растерянную улыбку.

В последние месяцы беспокоился о здоровье старшей внучки, которая ожидала ребенка. К сожалению, дочку она родила только за три дня до смерти деда, когда он уже находился в бессознательном состоянии в отделении реанимации.

Еще очень много можно рассказать о папе — эта тема для меня бесконечна...

Моя встреча с В.В. Еременко

А.М. ЖОЛУДЬ

**художник, ст. преподаватель живописи кафедры графического
дизайна Харьковской государственной
академии дизайна и искусства**

Откровенно говоря, в каком году произошла моя встреча с Виктором Валентиновичем Еременко, я не помню, а вот характер первой встречи отпечатался в моей памяти. Как-то осенним вечером ко мне в мастерскую, в полуподвальное помещение по адресу Артема, 58, зашли три человека. Двое — это художники Паша Тайбер и Виктор Гонтаров, третий же, чуть старше моих двоих коллег, интеллигентный мужчина с тихим голосом и с явным интересом к работам, стоящим в мастерской. Мои друзья представили его как коллекционера, интересующегося харьковскими художниками. Я показывал работы, мы говорили об искусстве (а о чем еще могут рассуждать и спорить фанаты, всецело преданные живописи), и я твердо помню свое удивление тем, насколько легко Виктор Валентинович вошел в наш профессиональный разговор, как будто мы давно друг друга знали; ощущение родственной натуры, с которой хочется делиться своими творческими взглядами и пристрастиями. Он попросил разрешения приходить ко мне в мастерскую, и мы обменялись номерами телефонов.

Чуть позднее, наверное, Витя Гонтаров мне сказал, что В.В. Еременко — крупный ученый, академик, возглавляющий Институт низких температур. Еще чуть позднее, когда мы познакомились с ВВ поближе, мне посчастливилось, и не раз, побывать у него дома, увидеть прекрасную коллекцию работ различных художников и альбомы по искусству.

В определенный момент коллекция живописи ВВ стала пополняться работами харьковских художников, которые были интересны и близки вкусу коллекционера и ученого. Сегодня все харьковские искусствоведы признают ценность того временного пласта работ, без которого история харьковского искусства тех лет немыслима.

Многих мастеров уже нет, а их драгоценные холсты иногда появляются на выставках (из собрания академика В.В. Еременко) и радуют любителей искусства.

Виктор Валентинович не раз приобретал и мои работы, с неизменным тактом, исключаяющим всякую неловкость между художником и покупателем. Я горжусь, что представлен в собрании Еременко.

Тонкий художественный вкус и интеллект собирателя отражены во внушительной и художественно значимой коллекции.

В последнюю нашу встречу я, с разрешения Виктора Валентиновича, привел в институт искусствоведа Ларису Савицкую. ВВ показал свою коллекцию, которая на нее произвела, по-моему, весьма сильное впечатление. Мне же подарил номер журнала «Харьков — что, где, когда» с публикацией харьковских художников. И подписывая мне журнал, несколько лукаво произнес, что не очень чувствует цвет и не разбирается в искусстве. На что Лариса Савицкая ему весело и справедливо заметила, что не будь у ВВ тонкого художественного вкуса, определенных знаний и насмотренности, он вряд ли сумел бы собрать коллекцию, отмеченную такими художественными достоинствами.

Совсем недавно я встречался со своими друзьями Женей Светличным и Мишей Поповым, и мы в очередной раз вспоминали В.В. Еременко, говорили о его поддержке художников в трудную минуту, о нем как об уникальной личности в нашем городе. Для меня Виктор Валентинович навсегда останется человеком, с которым каждый раз было интересно общаться на различные темы, человеком, для которого двери моей мастерской были постоянно открыты.

В.В. Еременко и 417 отдел

В.А. КАРАЧЕВЦЕВ

**член-корреспондент НАН Украины,
ФТИНТ им. Б.И. Веркина НАН Украины, Харьков**

В 1986 году после ухода из жизни профессора Ю.В. Набойкина 17-й отдел, в котором я работал, возглавил академик В.В. Еременко. В 17-м отделе работало несколько сильных старших научных сотрудников, но на тот момент времени все они не были докторами наук. Например, у таких ученых, как канд. физ.-мат. наук А.А. Авдеенко и канд. физ.-мат. наук Л.А. Огурцова, уже был и материал на докторскую диссертацию, и сами они уже соответствовали этому уровню, но завышенные требования к диссертациям, которые существовали в нашем институте на тот момент, да и сейчас тоже, тормозило их защиту. Может, им не хватало амбиций, смелости пойти на этот шаг. Впрочем, впоследствии А.А. Авдеенко защитил диссертацию, а Л.А. Огурцова написала обстоятельный обзор по своим работам, который мог бы стать в расширенном варианте докторской диссертацией. Но, увы, этого не случилось. Традиции института требовали назначать на руководство отдела доктора наук или старшего научного на выходе с докторской диссертацией. Такой кандидатуры не было. Заместителем Ю.В. Набойкина был канд. физ.-мат. наук П.В. Зиновьев, у которого работа над докторской диссертацией была в незаконченном виде. Возглавить отдел ученый из другого учреждения не мог, для этого была естественная причина — вряд ли Б.И. Веркин взял бы какого-то ученого среднего уровня, а маститый профессор на чужие хлеба не пойдет. Да и ФТИНТ сам в своих стенах выращивал научные кадры для других институтов, университетов. Была также и особенность в научном направлении отдела, которое в какой-то мере на тот период времени было уникальным. Отдел занимался исследованием спектральных свойств примесных молекулярных кристаллов и применением их в качестве оптических сред для твердотельных перестраиваемых лазеров, а также изучением люминесцентных свойств молекулярных кристаллов при низких температурах. Важной особенностью было то, что такие кристаллы выращивались непосредственно в отделе, в основном под заказ сотрудников отдела. В отделе этой задачей занималась научная группа, состав которой иногда доходил до 5 ученых. Это позволяло всегда, или почти всегда, соблюдать новизну в исследованиях. Отчасти этому способствовало то, что по образованию Ю.В. Набойкин был химиком. Отдел был достаточно сильным, впоследствии из его недр вышло 4 профессора, 2 из них стали членами-корреспон-

дентами Академии наук. Но преемника у Ю.В. Набойкина не было, и возникла угроза разделения отдела на отдельные части и присоединения их к другим отделам. Поэтому когда В.В. Еременко решил взять отдел под свое крыло, в отделе это было воспринято позитивно. Хотя было понятно, что не все научные направления будут сохранены, но вариант с присоединением к другим отделам был совсем не привлекательным. Я работал в группе канд. физ.-мат. наук А.А. Авдеевко, который занимался изучением фосфоресценции молекулярных кристаллов при низких температурах, в частности, исследованием процессов спин-решеточной релаксации между триплетными подуровнями. В планах было создание в будущем установки по оптически-детектируемому магнитному резонансу. Из всех групп отдела тематика нашей группы была наиболее близка к основному направлению деятельности 4-го отдела (отдел возглавлял В.В. Еременко), связанному с исследованиями магнитных свойств кристаллов при низких температурах. Трудно сейчас предположить, что было основным движущим мотивом в решении Виктора Валентиновича возглавить отдел. Думаю, Б.И. Веркин не хотел разделять отдел, а хотел сохранить его в каком-то виде, и предложение В.В. Еременко его устроило. Наверняка у них были на этот счет какие-то договоренности. В отделе В.В. Еременко регулярно защищались докторские диссертации, и потом некоторые защитившиеся сотрудники уходили в другие институты, возглавляя кафедры или научные отделы. С одной стороны, это позволяло проводить омоложение руководителей групп, но, с другой стороны, уход такого специалиста часто сопровождался и потерей направления, деградацией экспериментальных установок, которые эти ученые создавали, трагедией для оставшихся сотрудников группы. В науке, как ни в одной сфере человеческой деятельности, от личности зависит почти все, и уход ключевого ученого весьма болезнен для коллектива. В.В. Еременко, безусловно, понимал значимость таких научных потерь и хотел оставить в отделе сильных докторов наук. В связи с этим отдел В.В. Еременко нуждался в дополнительных помещениях, новых ставках, да и сотрудники 17-го отдела могли внести некоторые новые аспекты в научную деятельность отдела. Понятно, что кадровых перестановок в 17-м отделе было не избежать. Действительно, вскоре некоторые сотрудники были отправлены на пенсию (канд. хим. наук В.К. Доброхотова), кто-то перешел в КБ ФТИНта (канд. физ.-мат. наук А.П. Подгорный).

В.В. Еременко перевел в 17-й отдел часть сотрудников из 4-го отдела, но и остальных сотрудников он держал под своим научным контролем. Его бывший 4-й отдел возглавил профессор Н.Ф. Харченко. 4-й и 17-й отделы проводили совместные научные семинары, и это

всех сближало как в научном плане, так и в человеческом. Нас так и называли — сотрудники 417-го отдела. У В.В. Еременко была удивительная способность быстро схватывать идею работы, которая долаживалась на семинаре, и четко формулировать основные результаты, подводя итог работы. Это касалось не только результатов по его основному направлению, но и по нашим направлениям. Возможно, ему помогало то, что его кандидатская диссертация была по спектроскопии молекулярных кристаллов. Его напоминание о том, что одна мысль, один результат — одна статья, стала для меня впоследствии неким ориентиром при написании статей. Кандидатская диссертация должна, по его мнению, давать 2–3 пиковых результата на общем фоне исследований в этом направлении.

Уход из жизни Набойкина на моей деятельности в научном плане практически не отразился. Я был уже достаточно самостоятелен, и работа над кандидатской диссертацией приближалась к финишу. В марте 1987 года состоялась защита диссертации, руководителем был А.А. Авдеенко. В.В. Еременко не препятствовал защитам по теме молекулярных кристаллов, скорее, наоборот, приветствовал защиты молодых ученых. На ужин после защиты в узком кругу с оппонентами, руководителем и членами группами был приглашен и Виктор Валентинович. Удивительно, что он принял мое приглашение и пришел, хотя на такие мероприятия уже давно не ходил. По-видимому, он хотел как-то поближе, в неформальной обстановке, узнать новых сотрудников. Нужно признать, мы не чувствовали себя в его присутствии скованными, он как-то располагал к себе, хотя дистанцию мы, конечно, соблюдали.

На мой взгляд, группа А.А. Авдеенко на тот момент была одной из сильнейших в институте. В ее состав входили, кроме Авдеенко и меня, канд. физ.-мат. наук С.Н. Пакулов, мл. науч. сотр. И.А. Левитский, который уже начинал писать диссертацию, и старший инженер В.А. Кульчицкий, который также уже имел экспериментальный материал для кандидатской диссертации. В институте была такая традиция, что в одной группе под руководством кандидата наук не должно быть столько кандидатов наук. Такой руководитель группы фактически был стопором для дальнейшего продвижения по научной лестнице для защитившегося молодого кандидата наук. Ситуация в группе становилась все более напряженной, этому способствовали и амбиции, и довольно сложные характеры всех ее членов. Так сложилось, что после очередного разговора в группе на повышенных тонах я понял, что группу придется покинуть мне. Я стал зондировать почву о моем трудоустройстве на физфаке Харьковского университета. Об этом узнал ВВ (так его называли сотрудники) и мне передали, чтобы я не

торопился с уходом из ФТИНТа, он решит мой вопрос. У академика В.В. Еременко были крепкие отношения с университетом, и было понятно, что без его разрешения меня в университет не возьмут, да и не только в университет. Ждать его решения долго не пришлось. ВВ вызвал меня и доктора физ.-мат. наук В.В. Шапиро к себе в кабинет и предложил мне перейти в группу В.В. Шапиро. Тематика исследований мне предлагалась в какой-то мере похожая — изучение экситонного транспорта в антиферромагнитных кристаллах. Для проведения таких исследований предполагалось создание люминесцентной установки с регистрацией кинетики затухания. Валера Шапиро (с ним мы общались, называя друг друга по имени) был теоретик по образованию, но работал в экспериментальном отделе. ВВ после того, как две группы в отделе остались без руководителей (один, защитив докторскую, ушел заведующим кафедрой в институт, а другой, по семейным причинам, переехал в другой город), поставил во главе такой объединенной группы В.В. Шапиро. Валерий Викторович не испытывал большого энтузиазма руководить большой группой (7 сотрудников), да еще работающей по двум экспериментальным направлениям. Поэтому он с радостью передал мне трех своих сотрудников со словами, что они будут фактически моей будущей группой, так что занимайтесь созданием экспериментальной установки. Так случилось, что вскоре состав «моей» подгруппы сократился, двое ее членов уехали в США на постоянное место жительства.

В моем распоряжении был хороший оптический прибор и другое базовое оборудование, но для создания установки требовалось дополнительное оборудование и, что самое важное, нужно было создавать некоторые электронные блоки. Следует отметить, что В.В. Еременко как опытный руководитель понимал необходимость таких затрат, и, как только у него появилась возможность (были выделены деньги под ВТСП), помог нам купить такие приборы и заказать в кооперативе (частной фирме, они уже к тому времени появились) электронные блоки. Финансы определял в институте главбух И.Н. Новодран, без него даже Б.И. Веркин ничего решить не мог. Отправляемся с ВВ к Новодрану, перед его кабинетом был такой предбанник, в котором всегда была очередь из сотрудников. Я думал, что академик, конечно, должен пройти без очереди. Но нет, ВВ встал в очередь, как все, ему, правда, как академику, выделили стул, который здесь стоял. Этот факт меня поразил, он с уважением относился ко всем сотрудникам института, и к тем, которые были ниже его по рангу.

С помощью ВВ нам удалось создать необходимую установку, и были получены первые интересные результаты. Я написал статью,

Валера бегло ее посмотрел и передал ВВ, который уже был тогда директором института. В основное рабочее время он был очень занят и пригласил меня с Валерой в субботу к себе домой, чтобы мы смогли спокойно обсудить работу. Что и было сделано. С собой я захватил бутылку сухого красного вина. Так, на всякий случай. В конце обсуждения я предложил выпить вино, что и было положительно воспринято. Ничто человеческое и академиком, оказалось, не чуждо, хотя из спиртного он употреблял только сухое вино и то очень редко. Статью он потом тщательно переработал, от его правок красной ручкой страницы были яркими. Поскольку физику в статье мы обсудили на встрече, замечания относились в основном к стилю изложения и английскому языку. Я учел замечания ВВ, понял его требования к стилю изложения и впоследствии старался им следовать. Статью мы направили в *Solid State Communications* через московского профессора В.М. Аграновича, который в то время был региональным редактором этого журнала. Ему ВВ написал письмо. Статья была опубликована. Следующая статья содержала уже только по 2–3 замечания на странице. Я понял, что экзамен у ВВ на написание статей я прошел. Следующие статьи он почти не правил, высказывал свои замечания, а скорее, пожелания, как правило, устно. Я получил у него кредит доверия, это было приятно, и я старался ему соответствовать.

Хорошие научные результаты стали у нас появляться регулярно, и вскоре мы направили статью в *Physical Review B*, которая и появилась в этом журнале в 1993 году. Это был успех — это была первая статья в представительном физическом журнале. В следующем году успех был повторен в этом же журнале. По этим и другим материалам потом защитили кандидатские диссертации А.Р. Казачков и В.В. Славин. Витя Славин был аспирантом у ВВ, но академик взял меня в соруководители его диссертации. Их выход на защитный этап помог и мне при получении должности старшего научного сотрудника. Чтобы быть руководителем диссертации, ученый должен быть, как минимум, старшим научным сотрудником. ВВ не очень быстро продвигал по служебной лестнице сотрудников, он считал, что у них перед носом должна быть морковка в виде более высокой служебной ступеньки. Но с другой стороны, если сотрудник достиг более высокого уровня, он и не тормозил его в продвижении. Так случилось и со мной. Я получил должность старшего научного сотрудника.

Вскоре после защиты двух кандидатских диссертаций у меня накопился материал на докторскую диссертацию. ВВ всегда говорил своим старшим научным сотрудникам, чтобы они думали о докторской диссертации, и когда материал на нее у кого-то набирался, он видел свою роль в подталкивании его к написанию этого труда. При

случае он всегда об этом напоминал виновнику будущего события, выделял время на написание (обычно примерно 1 год) и потом уже требовал. У некоторых его учеников это не всегда получалось, впрочем, ВВ понимал ситуацию и слишком требовательным не был. Его подталкивание на написание диссертации часто носило характер незлобной подколки. Мне, правда, напоминать много раз не пришлось. В начале 1996 года я занялся написанием докторской диссертации и в конце этого же года положил на стол ВВ уже готовый труд. ВВ был доволен, для него было важно, чтобы в его отделе защищались докторские диссертации, это указывало на некую успешность его научного направления.

Докторскую диссертацию я защитил в 1997 году. ВВ активно подключился к финальной стадии, помог с оппонентами. В частности, он позвонил профессору В.М. Локтеву в Институт теоретической физики и попросил быть оппонентом моей диссертации, и он его просьбе не отказал. После защиты я продолжал работать в отделе по той же тематике. В это время в силу финансовых проблем численность КБ ФТИНТа начало быстро сокращаться, и часть его оборудования передавалось на баланс института. До меня дошли слухи, что из КБ можно забрать рамановский спектрометр, одна из последних разработок Ленинградского оптического завода (ЛОМО), который был закуплен лет 10 назад, но так и не использовался. Электроника, которая обслуживала этот прибор, устарела и требовалась ее замена на более современную. Я попросил ВВ дать мне этот прибор, он был удивлен, сказал, что у меня есть экспериментальная установка. Но поскольку других желающих взять на себя эту проблему с прибором не было, прибор я получил. Мы с энтузиазмом взялись за его модернизацию/автоматизацию. К тому времени из КБ ко мне в группу перешел и специалист по электронике (А.С. Линник), который и взял на себя основную нагрузку по автоматизации прибора. На это ушло не менее полутора лет, прежде чем на установке были получены первые рамановские спектры.

В начале 2000 года ВВ вновь сыграл в моей судьбе ключевую роль. Руководитель отдела молекулярной биофизики Юрий Павлович Благый приближался к 70-летнему рубежу, при котором заведомо в институте он уже быть не мог. Эту должность ВВ предложил мне. Это был третий поворот в моей научной тематике. Поворот обещал быть трудным не только в научном плане, я знал, что и коллектив отдела был сложным в психологическом плане. Дело в том, что на тот период в отдел входили сотрудники двух бывших институтских биофизических отделов, которые подверглись сильному сокращению из-за проблем с финансированием. И отдельные группы отдела не всегда

ладили друг с другом. Но я был молодым доктором наук, надеялся на поддержку директора (ВВ), поэтому был уверен, что справлюсь. И я согласился. Обычно конкурс в институте на должность завотделом состоял из одного претендента, но в этом случае это было не так. В конкурсе принимала участие биофизик канд. физ.-мат. наук М.В. Косевич. По результатам голосования большого совета, Марина Косевич получила только 2 голоса в свою поддержку, а я 18. Думаю, ВВ проделал определенную работу по продвижению моей кандидатуры, да и сам факт, что на завотдела идет сотрудник отдела, сыграл решающую роль. Авторитет ВВ среди членов научного совета был непрекаемым, хотя голосование было тайным.

Таким образом, ВВ в моей судьбе дважды сыграл определяющую роль, и я за это ему благодарен.

Виктор Валентинович Еременко, каким его помню

А.В. ЛЕОНТЬЕВА
профессор, Хайфа, Израиль

*И как МИР ТАКИМ позволяет уйти,
Замены которым уже не найти.*

Тоня Леонтьева

ФТИНТ. Борис

Борис Иеремиевич Веркин создавал ФТИНТ из талантливой молодежи, в основном из выпускников физмата ХГУ. В.В. Еременко и В.Г. Манжелей неоднократно беседовали с Веркиным по поводу Бориса Сухаревского, который работал в Институте огнеупоров. Но академия наук не давала разрешение на переход Сухаревского из-за пятой графы. Кончилось тем, что Виктор Валентинович прорвался к Б.Е. Патону, и тот такое разрешение выдал. Сухаревский успешно проработал во ФТИНТе до 1978 г., защитил докторскую диссертацию, выпустил 10 кандидатов и докторов наук, создал отдел биофизики и получил важные результаты по микроскопии и рентгену кристаллов ДНК, о чем писалось в прессе (в журналах «Химия и жизнь» статья «ДНК — целый мир кристаллов» (1975); «Наука та праця»), и были передачи по телевидению. Но наша семья быстро разрослась, не хватало жилплощади, и мы вынуждены были переехать в Донецк по приглашению директора ДонФТИ А.А. Галкина.

ДонФТИ. Защита моей диссертации. Обстановочка

После ФТИНТа мы попали в провинциальный институт, где не было такого каскада талантов.

Галкин был богом в ДонФТИ. Разбил институт на «кланы», руководил по принципу «Разделяй и властвуй!» Тем не менее его любили все, вплоть до первого секретаря Донецкого обкома партии Дегтярева, позволявшего ему даже ехать на красный свет.

Нам было непривычно и первое время, что и говорить, тяжело. Не запустила бы я свою лабораторию «Физики криокристаллов» (так назвал ее А.А. Галкин), если бы не ФТИНТ. Дьюары метровой высоты с просветами, чистые газы для криокристаллов, вакуумные насосы и т.д. — все это у нас было благодаря родному ФТИНТу.

Правда, и ФТИНТ от нас имел некий «навар» — базу для защиты кандидатских и докторских диссертаций. В ДонФТИ проходили доклады, предзащиты, оппонирование, отзывы. В салоне нашей квартиры диван был специально отодвинут от стены так, чтобы помещалась сумка командированного... Но! Защита моей докторской, увы, состоялась, когда уже не было Сан Саныча. Подобно Ленину, предупреждавшему ЦК, чтобы не делали Сталина генсеком, Галкин также выступал против Н.М. Ковтуна, который был на «ты» с Ворошиловским райкомом партии — все друзья, которые и сделали Ковтуна директором, и началось...

Ковтун упивался властью и вседозволенностью под прикрытием райкома. И как только Виталий Набережных (один из сильных физиков института) покритиковал работу отдела Ковтуна, тот решил его «уничтожить». Состряпал «дело», сплошные нападки. На защиту Виталия встали бывшие сотрудники ФТИНТа, тогда Ковтун обрушился и на них. Началась война... После строгих выговоров впоследствии ушли из жизни несколько замечательных сотрудников (Валя Сирюк, Вадим Курочкин...), Сухаря (беспартийного) лишили допуска первого отдела и т.д.

И на начало этого ада пришлось защита моей диссертации (родилась же тринадцатого!). Защита не сулила быть удачной. Я тоже была в оппозиции к директору...

И вот, в начале моего доклада в конференц-зал входит, тогда уже академик, Виктор Валентинович Еременко, приехавший из Харькова поддержать меня, старого ФТИНТовца. Голосование было 21:0. (Интересно, каким бы оно было, если бы не Виктор Валентинович?)

Помощь Виктора Валентиновича Донецкому физтеху

Но главное впереди. Все ФТИНТовцы в ДонФТИ стали рассказывать «СВОЕМУ» бывшему коллеге о том, что делается в институте. Виктор Валентинович уехал домой, уже основательно встревоженный. Просил держать его в курсе событий, которые не заставили себя долго ждать, — райком исключил профессора Набережных из партии... Через полгода Виталия не стало.

Ну что здесь скажешь. Виктор опять поехал к Патону, все рассказывал, получил от него соответствующие указания и «рванул» в научный отдел Донецкого обкома.

Ковтуна спихнули с трона директора, началась спокойная творческая жизнь института с директором Э.А. Завадским и первым за-

мом по науке Борисом Сухаревским. А Людочку Цымбал избрали в члены-корреспонденты Академии наук Украины.

ДонФТИ. Высокотемпературная сверхпроводимость и криокристаллы

Мне тогда Бог помог, когда, приехав из Донецка с кратким сообщением в журнал ФНТ, я сразу столкнулась на входе в институт с Виктором Валентиновичем. Хотя рассказ будет, похоже, юморной.

Бум высокотемпературной сверхпроводимости (ВТСП) охватил весь институт. Пошли гранты. Их получили многие отделы. Взгрустнули только криокристаллы, не имевшие вроде никакого отношения к ВТСП.

Квалификационный совет ДонФТИ 21 июня 1986 г.

Через несколько месяцев после начала бума встретились как-то с Володией Свистуновым (главный ВТСПэшник в ДонФТИ).

Володя: «Знаешь что, придумай какую-то темочку со своим НЧВТ и моей сверхпроводящей проволокой. Так и быть, тебе и еще паре твоих сотрудников буду что-то подбрасывать из “гранта”. Жалко Вас...»

Я: «Володя, да не знаю я ВТСП и не знаю, как вморозить твою проволоку...»

Володя: «Что-то придумаешь, давай фамилии».

Пошло время... Наша методика, когда захваты для растяжения или закручивания образцов криокристаллов вмораживаются в них, никак не подходила к образцам сверхпроводников. Ничего не получалось. Похоже, мы получали дотации задаром. И вдруг, при очередной встрече в коридоре, Свистунов заявляет, что «чванливый его персонал» (прямо по «Томлинсону» Кипплинга) решил, чтобы все отчитывались за проделанную работу, кто получает деньги из грантов. Я объяснила, что пока ничего не получается, а тот, убегая, сказал: «Что-то придумаешь!»

Настал день отчета. Жалуюсь мужу, что хорошо влипла. Тот, закуривая, спрашивает, смотрела ли я вообще статьи по внутреннему трению ВТСП. Вспоминаю, что нашла всего 5 статей — две нашего Варюхина и три зарубежные. Все набросились на 90 К, где сверхпроводящий переход. И соревнуются, у кого пик больше. И вдруг, как током... «Ой, но у всех при низких температурах есть маленькие аномалии, на которые никто не обратил внимание, не все даже линии графика проводят, только Витя Варюхин. Но самое главное, и это я уже зафиксировала в таблице (!), температуры аномалий (их три во всех статьях!) — это 24, 44, 54 К! Не очень уверена, но, похоже, это реперные точки кислорода: магнитный переход, переход первого рода и тройная точка».

Первая реакция Сухаря: «Бред собачий...» Но я уже летела к Свистунову. Когда все ему рассказала, вошел Сухаревский, который все уже просчитал. Пористость сверхпроводников — 10%, у них рентгеном обнаружено падение кислородного индекса (до отжига было CuO_7 , после отжига CuO_5), и лишний кислород, вероятнее всего, направляется в поры. (Подтверждением данной гипотезы являются эксперименты на монокристаллах ВТСП, в которых поры отсутствуют. В статьях об этих объектах не сказано — низкотемпературные пики не наблюдаются, имеется только один пик при 90 К.) Оценил Борис и давление кислорода в порах — более 100 атм. Похоже, это причина деградации ВТСП...

Через 6 часов я с кратким сообщением для ФНТ про нашу гипотезу входила во ФТИНТ. Перед отъездом Сухарь напутствовал: «Главное — расскажи все Вите Еременко, не может быть, чтобы такой простой факт никто не заметил...»

Поэтому, когда, выслушав мой рассказ, Еременко начал фразу: «А знаешь, что меня удивляет?», я похолодела, сейчас скажет, что я такая дура, что это про кислород всем известно, и чего я припер-

лась... А он продолжил: «Как я этого не заметил! Ведь я по кислороду делал кандидатскую у Антонины Федоровны! Я знаю кислород!»

Наше краткое сообщение при содействии Виктора Валентиновича вышло (учитывая перегруз журнала) довольно быстро, через два месяца («Возможная роль конденсированного кислорода во внутреннем трении высокотемпературных сверхпроводников», *ФНТ* **15**, 992 (1988)).

Вот такие вроде небольшие фрагменты памяти. Небольшие, но от них зависела судьба и моей семьи, и целого коллектива Донецкого института.

Корифей*

В.М. ЛОКТЕВ

академик НАН Украины, академик-секретарь Отделения физики
и астрономии НАН Украины, Киев

*Фундаментальная наука — как секс: может
не давать практических результатов,
но это не повод ею не заниматься.*

Ричард Фейнман

I

Не так давно от Ирины Яковлевны Фуголь, многолетней заведующей отделом Физико-технического института низких температур им. Б.И. Веркина НАН Украины (далее ФТИНТ), некоторое время назад перебравшейся в Германию, я узнал о замечательном немецком слове «Volbilder», которое, по ее словам, переводится как «почитаемый образ», «икона» либо «образец для подражания» и которое нередко используется в качестве названия сборников воспоминаний о тех или иных замечательных личностях, оставивших яркий след то ли в истории, то ли в жизни авторов соответствующих статей. И не скрою, я его немедленно вспомнил, получив лестное предложение от директора ФТИНТа Сергея Леонидовича Гнатченко поделиться своими впечатлениями от встреч и общения с дорогим мне Виктором Валентиновичем Еременко. Мне показалось, что содержание слова «Volbilder» как нельзя лучше отражает то, о чем следует написать по такому, на самом деле печальному, поводу — печальному потому, что еще совсем недавно Виктор Валентинович был с нами и хорошие слова, которые он заслуживал, могли бы прозвучать очно. Но потом не решился, поскольку не совсем ясно, что на самом деле понимается под термином «служить образцом»? Чего — поведения, характера, образованности, отношения к людям, особенно если речь идет о руководителе либо создателе научной школы, семьянине в конце концов? Для кого образцом? В каких обстоятельствах? И вообще, насколько глубоко следует знать человека, чтобы отнести его к образцам? Не говоря уже о том, что — но это лишь общее замечание — зачастую тот или иной извест-

* Словарь иностранных слов дает три толкования этого греческого слова:

1) предводитель хора, 2) ведущий артист кордебалета и 3) выдающийся деятель на каком-либо поприще. Вряд ли стоит уточнять, что лишь последний смысл вложен в заглавие заметки.

ный персонаж, выставляемый как показательный пример или, даже больше, кумир, вошедший в историю как великий в каких-то своих деяниях, при ближайшем рассмотрении может оказаться носителем достаточно скверного характера или не очень приятных привычек.

Но в то же время, какими бы личностными характеристиками ни обладал человек, он всего лишь человек со всеми присущими ему сильными и слабыми своими проявлениями, и лишь о первых при этом принято говорить как о его достоинствах, которые, как правило, относятся только к отдельным сторонам его жизни или областям деятельности, именно в которых он добился признания, выделяющего его среди других. В этом смысле более адекватным мне представляется название воспоминаний «Корифей» — Виктор Валентинович, несомненно, был крупным и признанным авторитетом в нескольких направлениях науки, которой посвятил свою, как мне видится, очень успешную и, вообще говоря, относительно продолжительную жизнь, — физике твердого тела, физике магнитных явлений и магнитооптике, физике низких температур, где всеми признавался ни кем иным, как безусловным корифеем. Учитывая к тому же, что все это относится к экспериментальной физике — особенно трудному занятию и в советской науке, и еще больше в украинской, ибо трудности в годы независимости Украины только усугубились, поскольку страна полностью игнорирует (во всяком случае, в уже давно наступившем XXI веке) развитие и поддержку такого важнейшего атрибута любой государственности, как собственная научно-образовательная сфера, его персональные достижения не могут не вызывать восхищения.

II

О Викторе Валентиновиче я узнал задолго до того, как получил возможность с ним встретиться. Дело в том, и я уже писал об этом в своих воспоминаниях об Антонине Федоровне Прихотько, что, еще будучи студентом, в конце 60-х познакомился с ее работами по оптическому спектру твердого кислорода, к которым проявил интерес, и параллельно собирал, пытаясь в них разобраться, другие имеющиеся публикации на эту тему. Среди них выделялись статьи украинских авторов Ю.Г. Литвиненко и В.В. Еременко, выполненных совместно с Т.И. Гарбер и Э.М. Огневой. Как и практически все другие, они были экспериментальными, но даже я, тогда студент, почувствовал их физичность, в отличие от преимущественно описательных работ самой А.Ф. Прихотько с ее соавторами и, к счастью немногочисленных, работ других оптиков, кто надеялся понять природу кислородного поглощения.

Как известно, А.Ф. Прихотько начала изучать твердый кислород еще в 30-е годы, когда работала в УФТИ, но ничего понять в его спектрах тогда не смогла. Не исключено, что именно поэтому, хотя точно не знаю, она приступила к измерениям спектров других молекулярных систем — кристаллов ароматического ряда, в которых открыла и в течение многих лет детально исследовала так называемые поляризованные «кристаллические дублеты», впоследствии объясненные А.С. Давыдовым и поэтому получившие его имя. Но я застал тот период, когда где-то в середине 60-х она полностью отошла от этого направления и вернулась к кислороду, имея для этого хорошую базу — теорию молекулярных экситонов, развитую в работах А.С. Давыдова и его учеников.

Мне об этом приходится писать, так как со слов Антонины Федоровны я знаю, что приблизительно в то самое время Виктор Валентинович как ее аспирант работал в Киеве, в Институте физики (тогда АН УССР), и, скорее всего, был свидетелем этого ее интереса, хотя сам вместе с Владимиром Львовичем Броуде и Эммануилом Иосифовичем Рашбой занимался совсем другими вещами. Потом, вернувшись в Харьков и начав работать в только создававшемся новом институте, он, по-видимому, вспомнил о таком необычном объекте, как твердый кислород, уникальным и причудливым образом совмещавшем в себе свойства и отвердевшего газа (теперь говорят криокристалла), т.е. настоящей низкотемпературной системы, и магнетика — одних из главных объектов, изучавшихся во ФТИНТе. Начав изучение кислородных спектров, Виктор Валентинович со своими молодыми ребятами довольно быстро повторил давние результаты Антонины Федоровны, чем она была очень довольна, но и получил ряд новых данных — в частности, измерил температурное поведение положения и интенсивности полос поглощения, а также влияние на них магнитного поля. Вот этим Антонина Федоровна довольной быть никак не могла, так как считала, что кислород — «ее вещество», и никто другой не может, во всяком случае без ее ведома, посягать на его исследования*. Она очень ревниво относилась к любым кислородным публикациям, особенно касающимся спектров этого кристалла, но побаивалась в этом направлении деятельности именно Виктора Валентиновича, которого относил к самым талантливым своим ученикам и который, тем са-

* Не следует думать, что такая точка зрения была экзотической. Наоборот, в те и более ранние годы она считалась вполне нормальной. За примерами ходить далеко не надо: Х. Камерлинг-Оннес, Э. Резерфорд, П.Л. Капица, Л.Д. Ландау, так называемые запреты которых известны и описаны в мемуарной литературе.

мым, мог быстро «снять сливки» с этой проблемы, которая действительно многие годы стояла как неразрешенная.

Не исключаю, что эта позиция Антонины Федоровны стала Виктору Валентиновичу известна, поскольку кислород в его богатой научной биографии оказался, по сути, эпизодом — больше его экспериментальных работ либо работ его сотрудников на эту тему я не знаю. Однако совершенно независимое мое подключение к разработке теоретических подходов к описанию кислорода привело меня к встрече с Виктором Валентиновичем. Она состоялась после обсуждения одного из руководителей моей кандидатской диссертации А.С. Давыдова и Антонины Федоровны на предмет оппонирования. Поскольку в работе шла речь о конкретном кристалле, Александр Сергеевич спросил у нее, кто бы из известных ей экспериментаторов мог бы быть вторым оппонентом, на что получил быстрый и однозначный ответ — В.В. Еременко.

Вот тогда я впервые поехал в Харьков (имеется в виду во ФТИНТ), чтобы доложить на его семинаре. Виктор Валентинович оказался молодым человеком — ему не было и 40! — с необычной для меня манерой поведения. Какие бы вопросы ни обсуждались, он неизменно находил повод для иронии (часто — самоиронии) и шуток. Может, мне это так сейчас видится, но неоднократно, как бы отмечая то или иное достоинство, или какую-то новизну, он мог с улыбкой заметить что-то такое, что хотя бы немного делало результат менее значительным и более стандартным. Наверное, в этом был и элемент воспитания молодого человека (мне-то было «всего» 25), чтобы не зазнавался и не думал, что вопрос закрыт. В последнем Виктор Валентинович был прав — моя кандидатская диссертация, если и содержала какие-то ответы, то как раз на измерения, выполненные во ФТИНТе — вернее, давала им некоторую теоретическую основу. А вот детали, внимательно изыскиваемые А.Ф. Прихотько, ему как человеку успеха были не слишком интересны, поэтому она могла, вообще говоря, не испытывать терзаний от возможной конкуренции с его стороны.

Но исключив из своих исследований кислород как непосредственный объект наблюдений, он не потерял к нему интереса как физически интересной системе, оставаясь в курсе всего того, что делала Антонина Федоровна и «ее команда». Так, он исключительно высоко оценил получение монокристалла и первые снятые на нем спектры кислорода в поляризованном свете. Он также, хотя и не сразу и через небольшое сопротивление, принял идею о существовании в одной из кислородных кристаллических фаз необычной треугольной и в то же время антиферромагнитной структуры и поддержал трактовку его

альфа-бета превращения как сложного, состоящего из структурного перехода I рода и магнитного — II рода, что пролиvalo свет на бытовавшую тогда несколько загадочную эмпирическую формулировку: «переход I рода, близкий ко II».

Именно Виктор Валентинович после очень удачного выступления Антонины Федоровны на Научной сессии Отделения физики и астрономии АН УССР в 1975 году прилюдно предложил выдвинуть соответствующие результаты на соискание недавно установленной Государственной премии УССР в области науки и техники — высшей научной награды Украины, что и А.Ф. Прихотько, и ее сотрудники расценили как очень высокий уровень признания. Уже тогда, будучи едва ли не самым молодым членом-корреспондентом академии наук, Виктор Валентинович пользовался большим авторитетом среди коллег, мнение которого не только слышали, но к которому и прислушивались.

III

Как сказано выше, кислород и его свойства не были среди приоритетов Виктора Валентиновича, но оптические исследования антиферромагнитных кристаллов он не только не бросил, но, наоборот, стал одним из создателей этого направления, получившего в 70–80-е годы интенсивное развитие и приобретшего — в том числе, а может быть, и в первую очередь, благодаря работам самого В.В. Еременко — большое распространение и популярность. Он и его многочисленные ученики стали постепенно формировать быстро растущую и впоследствии вполне заслуженно снискавшую всемирное признание школу украинской магнитооптики, получили целый ряд первоклассных физических результатов. Чего только стоит фактически открытое на примере RbMnF_3 совместно с В.П. Новиковым и совершенно правильно ими проинтерпретированное давидовское расщепление экситонных линий в скошенных антиферромагнетиках, теория которого впоследствии была развита в работах Э.Г. Петрова. Он и его ученики также обнаружили и в подробностях на многих системах изучили закономерности поведения множества экситон-магнонных полос, характерных именно для антиферромагнетиков, где они (полосы) по интегральной интенсивности вследствие действия определенных законов сохранения намного превышают слабые линии экситонного поглощения, отчего даже измерение последних, не говоря уже об установлении их поляризации, представляет непростую экспериментальную задачу, с которой сотрудники Виктора Валентиновича прекрасно справлялись.

Наконец, не могу не вспомнить, как в 1975-м (или 1976-м) году приехал в Харьков в надежде спросить, почему мы с Володией Островским, изучая некоторые системы с взаимодействием Дзялошинского, приходим к выводу, что интенсивности линий поглощения оказываются линейными (!), а не как, казалось бы, должно быть, квадратичными функциями внешнего магнитного поля. Виктор Валентинович, как мне помнится, не без сожаления сказал, что они с Николаем Федоровичем Харченко на кристаллах CoF_2 и CoCO_3 уже довольно долго нечто похожее наблюдают, но не понимают причины, так что, добавил он, приоритет за вами. Такое его отношение к коллегам дорогого стоит, поскольку, можно допустить, он не только мог бы ничего подобного не говорить, а спокойно опубликовать свои результаты, поблагодарив теоретика за обсуждение. Более того, я бы признал подобные действия вполне приемлемыми и даже корректными. Надеюсь, не ошибусь, предположив, что уважительное отношение даже к небольшим, скромным результатам своих коллег и учеников было одним из краеугольных принципов, на которых основывалась его школа.

Большой отрезок времени я сотрудничал с учениками Виктора Валентиновича — Виктором Марковичем Науменко и еще молодым, но как-то рано ушедшем от нас Виталием Пишко. С одобрения своего шефа они заинтересовались теорией неупорядоченных магнетиков, которая развивалась Михаилом Алексеевичем Ивановым, Юрием Генекевичем Погореловым и мною, причем развивалась как некая теория кристаллов с примесями, в которых каждое значение концентрации давало как бы новую систему, и для того, чтобы, например, изучить все теоретически возможные случаи, необходимо было бы вырастить очень большое количество кристаллов, что само составляет отдельную и, как известно, сложную технологическую проблему. Но оказалось, что антиферромагнетики обладают особенностью, полностью избавляющей от необходимости что-либо растить, тем более в больших количествах. В них с помощью магнитного поля можно легко менять такой критический параметр примесных систем, как расстояние между энергией примесного уровня и краем основной зоны, что позволяет на единожды выращенном кристалле фактически пройти весь диапазон концентраций и тем самым изучить все интересные случаи.

Более того, даже в номинально (по паспорту) чистых кристаллах можно было приблизить примесный уровень к зоне настолько близко, что появлялись сигналы от примесей — иногда неизвестных, которые не обнаруживались химическими методами. При всех или почти при всех обсуждениях текущих и возникающих в ходе проведения экспериментов вопросов Виктор Валентинович был едва ли не

основным фигурантом, курируя и направляя исследования, причем очень помогал в достижении ясности и понимания, какие ему были свойственны как физику высокого класса. Он, как мне кажется, не вникал в детали не только теории, но и эксперимента, но его умение схватить суть вопроса, выделить главное и разобраться в нем очень помогали всем нам в постижении особенностей неупорядоченных систем, о которых мы сами могли или не догадываться, или не предвидеть как теоретики.

Он же, оценив через 8–10 лет сделанное, предложил выдвинуть полученные результаты, а они имели неплохие комментарии как в СССР, так и за рубежом, на соискание Государственной премии Украины, сам категорически отказавшись быть среди номинантов. По его словам, он считал, что его участие в достигнутых успехах не было столь принципиальным, чтобы быть признанным достаточным, причем при этом он, разумеется, исходил исключительно из своей собственной шкалы оценок и приличий. Хорошо помню, как мы все огорчились этим его решением, предполагая, что на самом деле Виктору Валентиновичу просто не пристало участвовать в безнадежном предприятии. Но, к счастью, ошиблись мы, а не он, который дал нам лишь образец того, как следует вести себя в различных ситуациях, когда требуется делать выбор между «хочу» и «не должен».

IV

Можно было бы вспомнить и некоторые другие случаи моих контактов с Виктором Валентиновичем, с его супругой Людмилой Абрамовной, которая несколько раз очень радушно принимала меня у них дома во время командировок в Харьков, а также их сыном Андреем. Но и сказанного, уверен, вполне достаточно, чтобы убедиться, что Виктор Валентинович Еременко был действительно выдающимся ученым. Однако ограничиться только этим было бы по отношению к нему несправедливо. Он был не только исследователем объективного мира, но глубоко художественной, нетривиальной и очень колоритной личностью со своими весьма необычными и нестандартными взглядами и на события истории, и на текущие явления нашей повседневной жизни — не только научной.

Он прекрасно знал искусство, а его тонкий, я бы даже сказал изысканный, вкус позволял ему легко отличать действительно художественные произведения, особенно картины, не только от подделок, что, конечно, не очень сложно, но и от умело сделанных, но не прорывных, самобытных работ (это же в полной мере относится и к книгам). Пару раз мне доводилось присутствовать при его жарких беседах с худож-

никами по поводу их собственных картин, и я был свидетелем, сколь профессиональны были его суждения и как внимательно к нему прислушивались авторы, уважая в нем и грамотного ценителя, и знающего искусствоведа. Все это помогло ему собрать уникальную коллекцию картин, в основном харьковских художников, которые он, не имея других вариантов, хранил на стенах родного института, превратив ряд его коридоров в галерею. Множество визитеров ФТИНТа с удовольствием и нескрываемым удивлением ходили по ней, не понимая, где на самом деле они находятся — в прекрасном музее или в не менее впечатляющем научно-исследовательском учреждении.

Никогда не обсуждал с Виктором Валентиновичем, но мне кажется, что и физику он воспринимал как искусство, получая истинное удовлетворение и от красивой идеи, и от оригинально полученного результата, и от неожиданного эффекта, независимо от того, важен он для, как говорится, народного хозяйства или нет. Здесь он, скорее, согласился бы со словами гениального Фейнмана, вынесенными в эпиграф, чем возразил ему.

Виктор Валентинович был не только серьезным ученым, но и исключительно веселым, остроумным человеком, умевшим необидно, однако очень ловко подметить оплошности то ли поведения, то ли высказываний той или иной персоны, причем так, что это становилось уроком для любого, кто не сумел либо проявить такт в разговоре, либо даже непреднамеренно обидеть. Это позволяло ему быть самим собой, не подстраиваясь под кого-то. Во ФТИНТе сохраняется масса историй, когда сам Виктор Валентинович либо вместе со своим ближайшим другом Вадимом Григорьевичем Манжелием по-настоящему хлестко, а порой и жестко ставили на место либо снобов, либо зарвавшихся, надувавших щеки людей, без повода важничающих или требующих к себе особого отношения. Сами они никогда не важничали, но если кто-то проявлял к ним хотя бы малейшие признаки неуважения, быстро давали понять, с кем он имеет дело и какого высшего разряда они как специалисты и личности.

Еще недавно было легко и просто снять трубку телефона и, набрав 057..., услышать слегка глуховатый, но такой знакомый голос. Теперь такой возможности нет, но память о Викторе Валентиновиче Еременко, его светлый образ не меркнут, а он и его дела останутся с нами навсегда — нет, они переживут нас, поскольку сделанное им нетленно, как сама жизнь. И какова бы ни была тяжесть утраты, все мы, кому выпало счастье видеться и общаться с Виктором Валентиновичем, должны быть благодарны судьбе...

Memories of Victor V. Eremenko

David J. LOCKWOOD

Ottawa, Canada

I was well aware of the significant research in magneto-optics being carried out by Victor Eremenko long before I had a chance to meet him. Victor and his colleagues were carrying out pioneering studies of the magneto-optical properties of the transition-metal-ion carbonates and what interested me the most was his work using Raman spectroscopy to study cobalt carbonate, because the properties of cobalt ions in insulators were of great interest to me at that time. All of this and other important Raman work was eventually presented in detail in the book that I wrote with Michael Cottam on *Light Scattering in Magnetic Solids* (published in 1986). Apart from seeing him occasionally at international conferences, I had no opportunity to have detailed scientific discussions with Victor until 1989.

In 1989, Victor informed me that he would be in North America, and asked if it would be possible to visit me in Ottawa in October. This was too good a chance to miss, and so I replied immediately “Yes”. I was excited by this opportunity and could scarcely wait for the arrival of Victor and his wife Ludmila in Ottawa on 16 October. My family had the great pleasure of hosting them that afternoon and evening (see Fig. 1). My wife Eugenia and I found Victor and Ludmila very warm-hearted and good-humored. The next day Victor visited the National Research Council and presented a talk on his recent work to the Division of Physics.

After this visit, we exchanged ideas and publications over the years, but the highlight for me came late in 1989 when I was delighted to receive in the mail copies of two of his famous books on *Introduction to the Spectroscopy of Magnetic Materials* and *Magneto-optics and Spectroscopy of Antiferromagnets*, both of which were personally inscribed to me (see Fig. 2). Beginning in 1991 Victor was instrumental in arranging for his colleague Vladimir Gnezdilov to work at the National Research Council as a Visiting Researcher. This very productive visit by Vladimir from 9 October 1992 to 2 July 1993 further cemented relations between the two organizations. I was invited by Victor to join the Editorial Board of *Fizika Nizkikh Temperatur/Low Temperature Physics* in 2001 and received several invitations to visit the B. Verkin Institute of Low Temperature Physics and Engineering. I was able to visit Ukraine in 2003 to attend the NATO Advanced Research Workshop on Frontiers in Spectroscopy of Emergent Materials held in Sudak and was further invited by Victor to stay a week longer and attend the magneto-optics conference he was organizing in the Crimea, but unfortunately was unable to extend my stay. Finally,

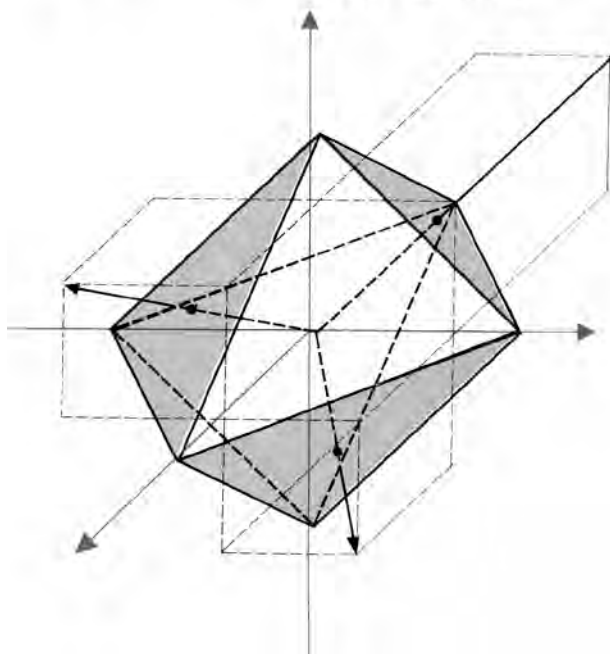
in 2006, I was able to visit Kharkiv as part of a tour of Ukraine as the holder of the Royal Society of Canada — Ukrainian National Academy of Sciences Exchange Lectureship. Most, unfortunately, I was unable to meet with Victor during either visit. However, in characteristic fashion, and most generously, he arranged for my care in Sudak, where I had personal “bodyguards” whenever I roamed the streets, and in Kharkiv, where his son Andrei and Vladimir Gnezdilov were most hospitable substitutes. I have always regretted not being able to see Victor Eremenko in his home territory, but it was nevertheless a great experience to meet with his famous colleagues, and to admire all the beautiful works of art with which Victor had filled the walls of the Institute, and his office.

Since then, I have continued to follow with pleasure the continuing work of the Institute under Victor’s, and his successor’s, guidance and was very sorry to learn of his failing health and subsequent death. To me, Victor was the epitome of a true leader in both physics research and management. He was original in all aspects of his work, thoughtful, generous and kind. We shall all miss his presence and positive influence in our lives.

Eugenia Lockwood with our daughter Ilana, Victor Eremenko, and Ludmila Eremenko at our home in Ottawa on October 16, 1989.

В. В. Еременко **ВВЕДЕНИЕ
В ОПТИЧЕСКУЮ СПЕКТРОСКОПИЮ
МАГНЕТИКОВ**

Ottawa, 13 Dec 1989
mailed Kharkov 23 Nov 1989
Dear David Lockwood
with the warmest regards
November 2, 1989 Victor Erem

Front cover and inscription from one of the books
given to me by Victor in 1989.

Главный редактор В.В. Еременко

К.М. МАЦИЕВСКИЙ

**зав. издательством научных журналов,
ФТИНТ им. Б.И. Веркина НАН Украины, Харьков**

Виктор Валентинович был главным редактором журнала «Физика низких температур» более четверти века, с 1990 по 2015 гг. И хотя возглавлять издание ему пришлось в непростое время становления независимого государства, научный журнал он передал в руки академику С.Л. Гнатченко в хорошем состоянии. Сегодня ФНТ — один из лучших академических журналов Украины, все последние годы имеет стабильный импакт-фактор (0,8–0,95), самый высокий показатель цитируемости статей (более 1500), публикует до 200 статей в год, а это 1600–1800 страниц научного текста. Все эти годы ФНТ переводится за рубежом Американским институтом физики под названием «Low Temperature Physics», авторы журнала получают роялти за право перевода и издания на английском языке. В течение года журнал печатает несколько, иногда пять–шесть, специальных номеров по актуальным проблемам физики низких температур, выпуски, приуроченные к юбилейным датам известных ученых-физиков и научных открытий. Учредитель и издатель журнала Физикотехнический институт низких температур им. Б.И. Веркина НАН Украины по праву может гордиться сорокапятилетней историей своего журнала.

Виктора Валентиновича назначили главным редактором журнала «Физика низких температур» в апреле 1990 г. Время переходное, конец перестройки, экономически сложное. К тому же издательство «Наукова думка», в чьем ведении находилась редакция журнала, передало все издательские функции, штатное расписание, полиграфические проблемы, распространение журнала и т.д. институту. Типография, все предыдущие годы печатавшая журнал высокой печатью, из-за чрезмерности расходов заключила договор только до конца 1991 г. Нужны были новые нестандартные, революционные шаги. Именно ВВ принадлежит решение перейти на офсетную печать и создать в редакции, как тогда говорили, настольное издательство. Благодаря ему и сотрудничеству с ВЦ института буквально за полгода была перестроена работа всей редакции (закуплено оборудование: компьютеры, сканер, ксерокс и т.д., назначен на конкурсной основе заведующий издательством, набран редакционный состав из сотрудников ВЦ, разработан стиль журнала и новая обложка), и уже первый номер 1992 г. вышел в новом оформлении.

Не надо забывать, что с июня 1991 г. Виктор Валентинович начал исполнять обязанности директора института. В связи с этим он взвалил на плечи заместителя главного редактора Вадима Григорьевича Манжелія (ВГ) тяжелую ношу ежедневной работы с авторами, рецензентами. И все же ВВ следил фактически за всеми статьями, поступающими в редакцию, знакомился с неординарными или неоднозначными рецензиями, за ним, как правило, оставалось последнее решение, если статью отклоняли. ВВ всегда прислушивался к голосу членов редакционной коллегии, заместителей главного редактора.

Кроме ВГ, занимавшимся практически всем в редакционном процессе, различные направления вели В.Г. Песчанский и И.О. Кулик, затем Н.Ф. Харченко и В.Д. Нацик, в последние годы Ю.А. Колесниченко, А.С. Ковалев, С.С. Соколов. Все вопросы касательно статей, редакционной политики, тематики специальных номеров выносились на редакционную коллегию, хотя ВВ в полушутливом тоне вел авторитарную линию поведения, часто понимая, что многие вопросы надо решать быстро, не дожидаясь коллективных обсуждений. Но всегда уважительно относился к мнению своих заместителей, мог отказаться от своего решения относительно той или иной статьи, если высказанные аргументы не совпадали с его выводами.

Интересно было его отношение к собственным статьям, где ВВ выступал соавтором с сотрудниками отдела, — он всегда просил назначить для статьи рецензента, а то и нескольких, и внимательно знакомился с содержанием рецензии. Так же дотошно просматривал статьи известных физиков или хорошо ему знакомых ученых. А круг людей, научный спектр интересов которых был ему известен, всегда поражал. Причем он не только знал вклад каждого в ту или иную область физики, но еще и кучу всяких подробностей, правда, всегда имеющих отношение к делу.

Удивляла еще одна черта ВВ как главного редактора, научного руководителя — как только рассказывалось о какой-то проблеме или научном решении, уже через пять минут ВВ выяснял и бил в самую трудную точку, ахиллесову пяту от него спрятать никогда не удавалось. Поэтому лучше всего высказывать ее сразу. И тут следовало вполне резонное: «И что будем делать? Надо приходить к главному редактору с решением». Такое отношение заставляло инициировать идеи и предлагать их для воплощения. Так, например, вполне понятное уменьшение статей в начале 2000-х годов привело к идее специальных номеров. Они выпускались и раньше в связи с проводимыми конференциями, но тогда спецномера скорее навязывались журналу, чем были в его издательском портфеле. Постепенно стали готовиться

номера, приуроченные к юбилеям известных ученых, круглым датам знаменитых физических открытий. Так, вышли выпуски в честь Л.В. Шубникова, Б.Г. Лазарева, И.М. Лифшица, Б.И. Веркина, к юбилеям получения жидкого гелия, открытию антиферромагнетизма. Приблизительно к тому времени возникла идея проведения итоговой редакционной коллегии, подведения результатов деятельности за год, чтобы понять, как журнал развивается, сколько опубликовано статей и сколько отклонено, каковы география публикаций, тенденции изменения импакт-фактора, анализ посещаемости сайта, цитирования статей, обзоров, писем редактора. Благодаря ВВ у ФНТ установились очень тесные, можно даже сказать дружеские, отношения с нашим зарубежным издателем — Американским институтом физики. Именно благодаря английскому переводу под названием *Low Temperature Physics* журнал широко известен в мире. ВВ неоднократно бывал в США на ежегодных конференциях главных редакторов переводных журналов, и, скорее всего, те хорошие партнерские отношения, а еще доброжелательное отношение к нашему журналу Майи Фликоп, менеджера АИФ, привели к тому, что ФНТ остался единственным журналом из стран СНГ, который в полном объеме крупнейший издатель физической периодики США переводит на английский язык и распространяет за рубежом. Кстати, ВВ и был инициатором взаимодействия с АИФ напрямую, минуя всяких посредников в виде организаций по охране авторских прав.

ВВ был внимателен не только к наполняемости портфеля журнала, но и к работе самой редколлегии. Они вместе с В.Г. Манжелием вдумчиво обсуждали кандидатуры членов редколлегии, членов консультативного совета, предлагали для обсуждения научных редакторов, ответственного секретаря. Интересен был подход к выпуску специальных номеров. Если поначалу они возникали спонтанно, к некоторым юбилейным датам, то впоследствии список спецномеров планировался на годы вперед. Также составлялся и тщательно продумывался портфель обзоров, где темы досконально разбирались, а кандидатуры авторов щепетильно подбирались. ВВ никогда без уважительных причин не пропускал заседаний редколлегии, и порой они могли быть перенесены, если он по какой-то причине не мог в них участвовать. ВВ ревниво относился к удачам других журналов, следил за нашим соперничеством с *Journal Low Temperature Physics*, ФТТ, ЖЭТФ. Он вполне резонно считал ФНТ лучшим научным журналом в Украине и, естественно, следил за нашими международными успехами. Ему доставляло удовольствие осознавать, что ФНТ имеет высокий импакт-фактор и руководимый им журнал высоко котируется в научном мире. Сегодня редколлегия и редакция журнала стараются сохранить тот

высокий издательский и научный уровень, который предопределили Б.И. Веркин и В.В. Еременко.

Не был ВВ равнодушен и к самому редакционному процессу, ежедневной работе редакции. Он всегда был в курсе, как идут дела у редакторов, какова загруженность компьютерной группы, как печатаются номера в типографии. Он знал всех сотрудников редакции по именам-отчествам, всегда при встрече интересовался их успехами. Более того, большая часть редакции обязана ему своим устройством на работу в тот или иной отдел редакции, его поддержкой в непростые дни перестройки института. Как главный редактор он следил за зарплатами сотрудников редакции и делал все, что мог, чтобы их уровень не уступал оплате труда в научных отделах. Сотрудникам редакции начислялись надбавки за высокие достижения в труде, вместе с авторами выплачивался гонорар от Американского института физики за творческий вклад в научное периодическое издание, которое переводится на английский язык за рубежом. ВВ всегда осознавал и подчеркивал, что ФНТ для института является своеобразным имиджем, «золотым яйцом». Успехи журнала наиболее ярко подчеркивали достижения ФТИНТа, журнал ежемесячно наглядно фиксировал на бумаге, в печати научную деятельность института.

Конечно, и редакция любила своего главного редактора и старалась, чем могла, отплатить ему за заботу. Где-то в начале десятых годов, по-видимому, освободившись от груза забот и ответственности директора института, Виктор Валентинович задумал и написал свои воспоминания, так сказать «О времени и о себе». Вышли две книги: в одной были описаны события и люди, в той или иной мере связанные с его жизненным путем, фактически автобиография, во второй — воспоминания ВВ об ученых и ярких личностях, с которыми свела жизнь и судьба. Редакция на протяжении ряда лет помогала ВВ готовить рукописи к выходу в свет. Надо сказать, что у Виктора Валентиновича не было цели создавать литературные памятники, и на предложения издать воспоминания он относился скептически. Но видеть их напечатанными и предложенными для чтения своим друзьям, коллегам, ученикам он, конечно же, хотел. Тексты воспоминаний ВВ написаны искренне, добротным языком, которые не грех увидеть и в литературных изданиях. Особенно впечатляют описания детских лет, годы войны, времени становления как личности, ученого. Виктор Валентинович попытался вспомнить всю свою жизнь, жизнь близких ему людей, высказать свое личное мнение о том трудном времени, в котором пришлось жить, работать, творить. Вторая книга рассказывает больше о тех, кто окружал ВВ в науке, в повседневной деятельности научного сотрудника, профессора, академика, директора ин-

ститута. И здесь ВВ тоже проявил поразительную память, постарался участливо рассказать о людях, с которыми бок о бок провел более полувека в науке, будучи научным руководителем, возглавляя отдел, журнал, институт. Естественно, он с большим уважением высказывается о своих учителях, отдает должное научному вкладу, свершениям ученых, тем, с кем ему пришлось сотрудничать. В данной книге приведена автобиография Виктора Валентиновича.

Хотелось бы рассказать и еще об одной грани личности ВВ. Но грань ли это, возможно, речь идет о потребности, необходимости? Каким надо обладать талантом, на уровне научного чутья или литературного дара, чтобы начать собирать картины андеграундных художников в застойные восьмидесятые или беспокойные девяностые? Сегодня коллекция академика В.В. Еременко — одно из лучших частных собраний харьковской школы живописи конца XX века. Почему мы упоминаем об этом в связи с научным журналом «Физика низких температур»? Дело в том, что еще в старых апартаментах редакции, в небольших комнатках, как тогда говорили, биологического корпуса, были развешены на стенах, сейчас уже можно определенно говорить, шедевры таких художников, как Гонтаров, Куликов, Тайбер, Джолос-Соловьев. Автор этих заметок много лет провел в комнате наедине с картинами Виталия Николаевича Куликова, и сейчас безмерно благодарен ВВ за то, что он впервые познакомил с современной живописью нашего города. А ведь были еще Савченко, Алымов, Норазян и другие не менее известные имена. Мы долго уговаривали ВВ создать каталог коллекции, и в конце концов благодаря усилиям многих людей и прежде всего самого ВВ полный перечень, фото всех картин с возможной атрибуцией был создан. Как создавалась коллекция, наверное, уместнее рассказывать Андрею Викторовичу, но одну картину Куликова мне довелось приобрести собственноручно. К семидесятилетию ВВ администрация института решила сделать юбиляру необычный подарок, картину кого-то из мэтров харьковской школы. Я предложил переговорить с Куликовым, благо раньше приходилось с ним пересекаться и быть знакомым. Человек интеллигентный, мягкий, Виталий Николаевич с пониманием откликнулся на просьбу и предоставил на выбор два полотна. В тот вечер мы много беседовали о живописи, литературе, и он поведал о том, как ВВ в беспросветные застойные годы помогал никому не известным художникам, выкупая их картины. Насколько стало понятно, он был частым гостем мастерских, и небогатый художественный мир всегда мог надеяться на его помощь. В администрации института долго не могли решить, на каком же из двух полотен остановиться, потому как содержание обоих, как, собственно, и большинство сюжетов Куликова, было неоднозначным.

В конце концов выбор был сделан, и при вручении на юбилей ВВ оценил старания коллег и их вкус. Кстати, вторую картину ВВ преподнес сам Куликов в качестве подарка. И сегодня стены редакции уже в новом помещении (между теоркорпусом и корпусом КБ, как говорим по старинке) украшают картины Брозголя, Моргунова, Котляра, Гонтарова, надеемся, что так и продолжится. Традиции в редакции чтут.

Двадцать пять лет вместе... Я был у Виктора Валентиновича дома на Маяковского, когда он уже тяжело болел. Людмила Абрамовна внимательно следила, чтобы он не переутомился, а ВВ не отпускал и все старался что-то еще рассказать, а когда уставал, слушал и кивал. Вспоминал прошлые годы, ушедших друзей. Его окружали любимые картины, огромная библиотека, обширная, уникальная. Я был свидетелем, как в последние годы он с молодым задором занимался наукой, как интересовался результатами последних исследований его группы, как он говаривал: «Это самое главное, самое интересное в жизни, а остальное, должности, звания, все преходящее, уже ненужное». Попросил поддержать его, чтобы пройти несколько шагов по комнате, был рад, что ему это удалось... Но мы будем помнить его всегда подтянутым, энергичным, целеустремленным. Таким Виктор Валентинович и останется в памяти его учеников, соратников. Лев, как и положено по его знаку зодиака.

В.Г. НАУМОВ
канд. физ.-мат. наук,
сотрудник ФТИНТ АН УССР с 1963 по 1974 гг., Нью-Йорк, США

Сейчас трудно представить себе те годы, когда молодежь шестидесятых прошлого столетия, с пренебрежением относясь к лирикам, а себя гордо причисляя к физикам, спорила до остервенения, кто из них для развития человечества важнее, при этом, ничтоже сумняшеся, с большим пренебрежением и нисколько не сомневаясь в собственной непогрешимости, что уж их принадлежность к нужной группе превосходства не вызывает ни у кого ни малейшего сомнения, мнила себя вершителями судеб всех и вся.

В такой действительно веселой и вдохновляющей обстановке я заканчивал обучение в Харьковском авиационном институте и готовился к работе в качестве производителя ракет и всяческих космических изделий, когда получил направление на работу в Физикотехнический институт низких температур Академии наук УССР.

Оказалось, что в этом институте, кроме творцов секретных технологий в области космоса, трудятся еще и физики, а без их творений ни о каких, как сейчас принято говорить, прорывных технологиях и речи быть не может. Вот и пришла совсем не хитроумная мысль, а не заняться ли основами мировоззрения физического материального мира, т.е. физикой, благо и куча времени есть, ибо впереди вся жизнь. Да в те времена никто и помыслить не мог, что материя, безусловно, первична, а не что-то другое.

Вот и втянуло меня в физику, будь она неладна.

Витя Еременко, в те времена еще не тянувший на Валентиновича, был рожден в семье Элиты от физики, к которым принадлежали Еременко, Боровики, Боровики-Романовы (очередность я не устанавливаю). Я с ним познакомился, выходит, по распределению, о чем из моего нынешнего, очень дальнего нью-йоркского далека я благодарю Всевышнего за то, что мы встретились и поддерживали контакт как в Харькове, так и в Нью-Йорке.

Я всегда подозревал, что пропаганда — великая сила, но что до такой степени, мне и в голову прийти не могло, пока не послушал уже здесь, в Нью-Йорке, ежедневные цистерны пропагандистского селевого потока грязи центральных российских каналов в сторону украинской, непременно фашистской правящей хунты, которая, под угрозой вторжения американцев в Крым, заставила миролюбивых россиян оккупировать последний в марте четырнадцатого года. Но а то, что делалось это, естественно, во имя восстановления истории

*В.В. Еременко, А.И. Беляева, В.М. Локтев, Ю.Г. Пашкевич,
С.А. Звягин, В.С. Боровиков
во время летней школы-семинара по физике магнитных явлений
американского и украинского физических обществ.
Харьковская обл., сентябрь, 1994 г.*

*В.В. Еременко и Н.Ф. Харченко, Вторая международная конференция
по магнитоэлектрическим явлениям в кристаллах, Аскона, Швейцария, 1993 г.*

Университет штата Айова. J. Vary, В.В. Еременко, А. Фришман, 1995 г.

*Университет штата Айова.
Стоят: В. Шапиро, А. Слуцкий, А. Фришман.
Сидят: В. Еременко, J. Vary, Д. Хоффман, 1995 г.*

В.В. Еременко в разные годы

У Перельманов в Калифорнии, США, 1995 г.

Встреча бывших одноклассников, Харьков, 2008 г.

Празднование 80-летнего юбилея В.В. Еременко, 2012 г.

Людмила Абрамовна и Виктор Валентинович

В.В. Еременко и В.Ф. Лось возле памятника Эйнштейну в Вашингтоне

*Проф. Г.В. Лашкарев (Институт проблем материаловедения, Киев)
и В.В. Еременко у картин Семена Кацевича*

Худсовет

В Институте низких температур, прямо в коридорах, на стенах научных лабораторий, в кабинетах администрации и научных сотрудников экспонируются картины. По большей части — харьковский авангард конца прошлого века. Эту впечатляющую коллекцию, которая насчитывает более трехсот полотен, собрал академик Виктор Валентинович Еременко. Для художественного номера «Харьков — что, где, когда» Виктор Валентинович рассказал о своих предпочтениях в живописи и о необходимости объединяющего начала в каждом деле — будь это точные науки или страсть к изобразительному искусству.

Еще мы встретились с художниками, которые составляют костяк «могучей кучки» харьковской живописи, и расспросили их о необходимости классического образования, об отношении к актуальному искусству, о творческой свободе и прочих, касающихся живописи вещах. Про тех художников, которые остались за пределами наших возможностей, рассказал сам Виктор Еременко.

Когда физик активно работает, он не может без общения: конференции, поездки — важная составляющая нашей работы. Было время, когда я был активен! Москва, Ленинград, Киев, Токио, Осака, Киото, Варшава, Прага, Дрезден, Нью-Йорк. И всюду после конференций просто нельзя было не зайти в музей.

Там я попал на выставку «двадцатки» в Москве. Шли уже 70-е годы, экспонировался Союз художников-графиков. Вы знаете, это не был какой-то сильный протест, я даже не назвал бы это андеграундом. Но когда я увидел этих художников, впервые испытал неминуемое ощущение свободы, свежести, чего-то совершенно нового. До этого я только читал — а тут увидел воочию. Тогда и были приобретены первые две картины: Вейсберга и Калинина.

Назовем это «другим искусством». Это не политический протест — но другая манера письма, поиск чего-то нового.

Бывая за границей, я познакомился с Дарьей Даревич, супругой канадского физика Юрия Даревича, украинца по происхождению. Она вела в журнале «Сучасність» раздел, посвященный искусству и главным образом живописи. Однажды Дарья затеяла со мной разговор, мол, мы знаем, что творится в Москве, что в Галичине и даже что в Киеве — а про Слобожанщину ничего не слышно! Я расценил это как личный вызов. И начал искать.

Оказалось, что существуют подвалы на Пушкинском взезде, и там работают совершенно замечательные художники: Виктор Гонтаров, Павел Тайбер, Виталий Куликов, Сергей Алымов, Павел Маков. А потом, помню «подвалов», нашел и мастерские Вацагана Норазяна, Михаила Попова, Александра Жолудя, Юрия Шенина, Ольги Ерофеевой и Игоря Моргунова и многих других. Я стал с ними общаться и решил сосредоточиться именно на харьковской живописи. Они очень разные, но каждый из них беспрестанно ищет и открывает что-то новое. Это живопись поиска. Это их и объединяет.

...У меня некое «раздвоение личности» в связи с моими корнями: меня интересуют национальный еврейский колорит и глубинные мотивы украинского духа — жизнь Слобожанского хутора, села, где сохранились обычаи, нравы и язык моих предков. Это очень любопытно, своеобразно и не задалено тотальным урбанистическим влиянием, необходимостью объединения в какие-то группы, союзы или партии.

...Каждое полотно — это страница моей жизни, моей биографии, биографии моих предков. Это общение с людьми, с каждым из моих любимых художников.

...Признаться, меня очень удивляет то обстоятельство, что картины в полной сохранности. У меня было два банальных пейзажа, возможно, я их кому-то подарил, а может и «подарил» кто. Птичка какая-то еще была. А вот картины замечательных художников — все на местах.

«Не обращай внимания на то, что про тебя пишут. Меряй в квадратных дюймах и делай выводы», — эту цитату из Уорхола всегда следует помнить художникам, зрителям следует его пренебрегать. Следующие две тысячи сто двадцать три квадратных дюйма художественного номера — как раз такой случай!

Разговаривал: Андрей Горшков.
Фотографировала: Елена Корсун.

У картин Брозголей в своем кабинете

Павел Брозголь (отец), «Стекольщик»

*Борис Плаксий.
Портреты Виктора (1993 г.) и Людмилы Еременко (1989 г.), масло*

*Виктор Гонтаров.
Портрет ВВ*

*Иван Марчук.
Портрет ВВ (1982 г.), акрил.*

ческой справедливости и, разумеется, по просьбе самих крымчан, которые простить никогда не могли, конечно, решения в далеком 1954 году, принятого Никитой Хрущевым, так это и к бабке не ходи — исправлять надо.

К чему все это, спросите вы. А вот к чему. Эпизод лета 1967 года. Дело происходило в незабвенном Первом отделе, которым гордилась всякая уважающая себя организация, работавшая в те времена в СССР. Я и Виктор Еременко работали в тот день с какими-то документами. Начальником Первого отдела была вскользь брошена фраза с подковыркой: «Виктор Валентинович, а если б ты сейчас был на Ближнем Востоке вместе со мной, были ли бы мы с одной стороны фронта?» Я был совсем молодым выпускником института, Еременко — молодым кандидатом физико-математических наук, подающим большие надежды, будущим директором этого же института, а также будущим академиком Украины. В то время он не знал, что ответить на столь незамысловатый вопрос начальника Первого отдела.

Кстати, начальника Первого отдела я впоследствии хорошо знал — это глубоко порядочный, очень умный человек, но ни он, задавший этот вопрос, ни Еременко, ни я не знали (я не знаю и сейчас), как же на него ответить.

Я был не первым выпускником Харьковского авиационного института, которому Виктор Валентинович помог в процессе преобразования инженера в физика. До этого такую процедуру трансформации прошли другие: Эдик Матюшкин, Гоша Никольский, о других не знаю.

В 1965 году была открыта база отдыха ФТИНТ АН УССР (так сокращенно именовался Институт низких температур), и мне с женой и моим полуторагодовалым сыном Митей довелось отдыхать там. База находилась на берегу Печенежского водохранилища на реке Северский Донец, в сосновом бору — для летнего отдыха совсем недурственно. Условия чисто спартанские — брезентовые туристские палатки. Моей семье сильно повезло, ибо нам уступил хоромы в виде снятой с грузового автомобиля будки для перевозки людей один молодой сотрудник института, который был откомандирован на строительство этой самой базы отдыха. И вот, спустя более пятидесяти лет, я с удовольствием вспоминаю этот эпизод как благородный жест, хотя в то время я буквально был возмущен тем, что моя семья с маленьким ребенком отдыхает в палатке, а молодой здоровенный бугай роскошествует в шикарнейшей будке. Такова селяви, по-французски говоря.

Там же отдыхал вместе с семьей Виктор Еременко, его жена Люся и их семилетний сын Андрей, а также друзья — Боря Сухаревский

с женой Тоней, двенадцатилетней Наташей и шестилетним Игорьком. До чего же эти дети казались мне взрослыми по сравнению с моим карапузом, и казалось, что у них-то никаких проблем с детьми нет. Хотя Люся и Тоня придерживались на этот счет несколько иного мнения.

Виктор Валентинович Еременко прожил долгую и плодотворную жизнь в науке и просто жизнь порядочного и достойного человека.

Магнитный экситон

Э.Г. ПЕТРОВ

**член-корреспондент НАН Украины, Институт теоретической
физики им. Н.Н. Боголюбова НАН Украины, Киев**

За развитием каждого научного направления стоят ученые, вклад которых в проводимые исследования задает значимость и качество полученных результатов. К таким ученым относится академик НАН Украины Виктор Валентинович Еременко, который в 60–70-е годы прошлого столетия в Харькове, в Физико-техническом институте низких температур АН УССР (ФТИНТ), заложил основы низкотемпературной спектроскопии ионных магнитоупорядоченных кристаллов. Он и его сотрудники показали, каким образом изменение спиновой ориентации магнитных подрешеток, вызванное сильными магнитными полями, способно влиять на магнитные, оптические и транспортные свойства магнетиков. Здесь мне хочется коснуться той части исследований Виктора Валентиновича, которая относится к выяснению экситонной природы оптических возбуждений в антиферродизлектриках (АФД), что привело к фундаментальному понятию «магнитный экситон». Научная судьба распорядилась так, что мне посчастливилось участвовать (как теоретика) в исследовании оптических свойств АФД и тем самым оказаться причастным к результатам, касающимся физики магнитных экситонов.

В декабре 1967 г. закончилась моя учеба в аспирантуре Харьковского физико-технического института АН УССР (ХФТИ). Кандидатская диссертация была написана и дождалась своей очереди для защиты в Харьковском университете. Моим научным руководителем был доктор наук (теперь академик НАН Украины) Сергей Владимирович Пелетминский — сотрудник знаменитого отдела академика АН УССР Александра Ильича Ахиезера. В этом отделе была уникальная научная атмосфера, способствовавшая становлению многих ученых Украины. После аспирантуры очень хотелось остаться работать в отделе Александра Ильича. Но штат был полностью заполнен, и к тому же я был иногородним, что в то время было серьезным препятствием для поступления на работу. Тем не менее, мне крупно повезло, так как в Киеве в это время формировался Институт теоретической физики (ИТФ). С рекомендательным письмом академика А.И. Ахиезера я приехал в Киев. Директором ИТФ был выдающийся ученый академик Союзной академии наук Николай Николаевич Боголюбов, а его заместителем по научной работе — молодой доктор наук

Виталий Петрович Шелест. Виталий Петрович представил меня Н.Н. Боголюбову, и после одобрения Николаем Николаевичем моего доклада на научном семинаре на меня был направлен запрос в Академию наук УССР для распределения в ИТФ с предоставлением жилья. Сейчас кажется фантастикой, чтобы Академия наук предоставляла иногородним выпускникам аспирантуры бесплатно жилье в виде отдельной гостинки. Однако в то время это не было редкостью, и многие институты Академии наук пополнялись таким образом молодыми учеными.

ИТФ только создавался, и я оказался один в отделе статистической физики. Как позднее стало известно, этот отдел как раз и предполагалось формировать из части харьковских сотрудников, работавших в отделе академика А.И. Ахиезера. По ряду причин переезд сотрудников, как и самого Александра Ильича, не состоялся, а меня через пару лет пригласил в свой отдел академик АН УССР Александр Сергеевич Давыдов. Здесь следует отметить два обстоятельства, которые способствовали знакомству с тематикой исследований В.В. Еременко и установлению последующего научного сотрудничества с ним и его сотрудниками. Первое связано с тем, что сразу в начале своей работы в ИТФ я стал посещать знаменитые семинары А.С. Давыдова. В его отделе в это время интенсивно изучались свойства экситонов в молекулярных кристаллах. В моей кандидатской диссертации исследовались процессы взаимодействия спиновых волн (магнонов) с другими квазичастицами, в частности поляронами, а затем, сразу после написания кандидатской диссертации, с экситонами Ванье–Мотта. Поэтому у меня не было какого-либо барьера для того, чтобы рассмотреть еще и взаимодействие магнонов с френкелевскими экситонами, коими и являлись молекулярные экситоны. Второе обстоятельство имеет отношение к Виктору Григорьевичу Барьяхтару (тогда доктору наук, потом академику НАН Украины), который вместе с моим научным руководителем С.В. Пелетминским работал в отделе А.И. Ахиезера. К этому времени уже вышла монография А.И. Ахиезера, В.Г. Барьяхтара, С.В. Пелетминского «Спиновые волны» (Москва, Наука, 1967), и Виктор Григорьевич плотно занимался магнетизмом. О моем интересе к взаимодействию магнонов с экситонами я поделился с Виктором Григорьевичем, и он сказал мне, что во ФТИНТе под руководством молодого доктора Виктора Валентиновича Еременко проводятся эксперименты по поглощению света АФД в области спин-запрещенных переходов. Выражаю сердечную признательность Виктору Григорьевичу за то, что благодаря ему произошла моя встреча с Виктором Валентиновичем. Встреча, которая положила начало плодотворному многолетнему сотрудничеству.

Для теоретика, которому хочется не только создавать модели физических процессов и математически их описывать, но также видеть, что предложенные модели имеют отношение к реальности, важно уметь находить общий язык с экспериментаторами. Именно экспериментатор непосредственно наблюдает и описывает физический процесс и именно экспериментатор знает, какие параметры физической модели могут соответствовать реальности, а какие нет. Мне как молодому теоретику уже при первом общении с экспериментаторами отдела В.В. Еременко пришлось убедиться, что, например, модель взаимодействия магнов с экситонами Ванье, которую до этого я разрабатывал, никак не может объяснить наличие в ионных АФД интенсивных экситон-магнонных полос поглощения света при одновременно слабоинтенсивной чисто экситонной линии поглощения. Это помимо специфического спинового запрета объяснялось тем, что, поскольку АФД не полупроводник, скорее всего, в его спектре поглощения проявляются френкелевские экситоны. Но для прямого доказательства требуется идентифицировать характерное для френкелевских экситонов межрешеточное расщепление. В молекулярных кристаллах им является давыдовское расщепление. Так как в ИТФ работал автор давыдовского расщепления, как говорится, сам бог велел заняться френкелевскими экситонами. Мне пришло в голову, что и для АФД вполне уместно использовать развитую А.С. Давыдовым теорию молекулярных экситонов и обобщить ее не только на высокочастотные оптические, но и на низкочастотные спиновые возбуждения. При разработке теории было учтено, что энергетические уровни магнитных ионов как в основном, так и в возбужденных состояниях зависят от величины и направления внешнего магнитного поля. Поскольку сильные магнитные поля нарушают коллинеарность спинов магнитных подрешеток, следует ожидать снятия запрета на перескок оптического возбуждения от одной магнитной подрешетки на другую и появления специфического, управляемого магнитным полем, межподрешеточного расщепления. Такое расщепление было названо магнитным давыдовским расщеплением, а экситон, формирующийся в АФД, получил название «магнитный экситон». Эффекты воздействия магнитного поля на оптические спектры АФД наиболее ярко проявились в кубическом кристалле RbMnF_3 . Именно в нем, а затем и в других АФД В.В. Еременко с сотрудниками обнаружили прямое свидетельство формирования магнитных экситонов. Здесь следует отметить, что попытки прямого доказательства экситонной природы оптических возбуждений в АФД предпринимались многими исследователями за рубежом, особенно в Японии и Голландии, но только во ФТИНТе смогли это сделать. Тому способствовало то об-

стоятельство, что во ФТИНТе были разработаны методы получения настолько сильных магнитных полей, что с их помощью стало возможным нарушать коллинеарность спинов магнитных подрешеток. Обсуждение теоретических результатов, следующих из модели магнитных экситонов, и экспериментальных данных по влиянию магнитных полей на экситонное и экситон-магнонное поглощение света проходило чаще всего во время моих командировок во ФТИНТ, а также на различного рода «магнитных» конференциях. Особенно запомнились зимние школы в заснеженной Кауровке (Урал), майские конференции в Ленинграде, где в это время были белые ночи, одесские конференции в Черноморке. Незабываема школа-конференция на теплоходе, плывущем по Енисею из Красноярска в Дудинку и обратно. Приплыв в Дудинку, участники конференции проехали по самой северной железной дороге Дудинка–Норильск, посетили заполярный Норильск.

В результате обсуждений и публикаций, в том числе совместных, концепция магнитных экситонов приобрела свой достаточно сбалансированный вид и могла быть использована для интерпретации спектров АФД различной кристаллической структуры. В частности, удалось понять квадратичную зависимость магнитного давидовского расщепления от величины магнитного поля, подавление этим полем экситон-магнонной полосы поглощения, а также возгорание и угасание четных и нечетных магнонных спутников экситонного перехода.

Отмечу еще один немаловажный факт, связанный с магнитными экситонами. Речь идет о формировании двухэкситонного поглощения света в спектрах поглощения ионных АФД, что особенно ярко проявилось в оптическом спектре кристалла MnF_2 . Суть заключается в том, что в коллинеарном АФД вследствие спинового запрета двухэкситонное поглощение возможно, если только возбуждаются пары ионов, имеющие противоположно направленные спины, т.е. принадлежащие различным магнитным подрешеткам. В отличие от двухчастичного экситон-магнонного поглощения здесь возможно образование связанного двухчастичного состояния экситонов, что проявляется в двух эффектах — узкой линии двухэкситонного поглощения и (если орбитальные состояния магнитных ионов, участвующих в образовании экситонов, различны) в расщеплении линии двухэкситонного поглощения света. Второй эффект обусловлен снятием перестановочного вырождения. Он особенно заметно проявился в экспериментах по поглощению света твердым кислородом — единственным из известных на то время молекулярных антиферромагнетиков. (Эксперименты, связанные с твердым кислородом, были выполнены в Киеве,

в Институте физики НАН Украины, академиком НАН Украины Антониной Федоровной Прихотько с сотрудниками.)

Детальное изложение экспериментальных и теоретических результатов, приведших к доказательству существования магнитных экситонов в ионных АФД, можно найти в нашем совместном с Виктором Валентиновичем обзоре (V.V. Eremenko and E.G. Petrov, *Light absorption in antiferromagnets*, *Adv. Phys.* **26**, 31–78, 1977), а также монографиях В.В. Еременко «Введение в оптическую спектроскопию магнетиков» (Наукова Думка, Киев, 1975) и Э.Г. Петров «Теория магнитных экситонов» (Наукова Думка, Киев, 1976). Специальная глава в книге А.С. Давыдова «Теория твердого тела» (Москва, Наука, 1976) также посвящена экситонам в магнитных диэлектриках.

После защиты в 1974 году докторской диссертации, посвященной разработке теории магнитных экситонов, А.С. Давыдов сагитировал меня заниматься биофизикой. Потом у меня возник интерес к молекулярной электронике. Но наши дружественные отношения с Виктором Валентиновичем сохранились. Когда я к нему обращался, он всегда оказывал поддержку, включая поддержку при выборах меня в члены-корреспонденты НАН Украины. В.В. Еременко — человек, который, безусловно, сыграл очень важную роль в формировании меня как теоретика, способного находить контакт с экспериментаторами. Особенно нравилась его жизнерадостность, неиссякаемое чувство юмора. Воспоминания о годах, посвященных исследованиям магнитных экситонов, о плодотворных и поучительных в высшей степени обсуждениях научных задач, остаются незабываемыми.

Viktor Valentinovich Eremenko: Early Days in Science

**E.I. RASHBA
Harvard University, Cambridge MA, USA**

It was in the early fall of 1955 that Antonina Fedorovna Prikhod'ko asked me to join her on the examination Committee for accepting students for postgraduate study at her Department of Spectroscopy of the Institute of Physics in Kiev. Postgraduate students were called "aspirants", the whole body as "aspirantura", and I will use these terms in what follows. All together, there were two students, and one of them, Viktor Eremenko, came from the Kharkov University where he fulfilled his undergraduate (Diploma) work on the transport phenomena in metals, the field that was far away from Prikhod'ko's scientific interests. Hence, she felt herself being not in a position to evaluate his research and wished me to help her. In my opinion, both the research and presentation were excellent, and after the exam, I strongly encouraged Prikhod'ko to invest *maximum efforts* to get Viktor accepted.

It is needed to explain why special efforts might be required for accepting an able young scientist to aspirantura. At that time, aspirantura has been considered by high authorities as a privilege rather than access to hard and productive research work for three years. Indeed, it was the supervisor rather than the aspirant himself who was primarily responsible for aspirant's success. Therefore, acceptance to aspirantura provided a nearly 100% warranty for earning a Candidate of Science (PhD) degree in three years, and with it a rent for life in the form of a quite decent salary because most of the former aspirants were automatically accepted to the staff of the institutes. People's wisdom of that epoch regarding the Candidate of Science defenses sounded as "A single hour of shame and a Candidate for life." In the framework of this entitlement system each potential aspirant had to be endorsed at multiple levels from the Institute to the Personnel Department of the Academy to the very top, the Department of Science of the Central Committee (TseKa) of the Party, that citadel of ignorance and obscurantism where relativity, quantum mechanics, genetics, and cybernetics were questioned and considered as reactionary bourgeois pseudosciences. Aspirant positions were assigned the rank of the "nomenclatura" of TseKa, this means that nobody could be accepted to aspirantura without his (her) approval by TseKa. In the long run, this entitlement system strongly contributed into the crisis of Soviet academic science: mammoth-size institutions with mosquito-size scientific outputs.

Fortunately, Victor Eremenko was accepted. However, as in the famous Nekrasov's poem, "Одной бедой Бог миловал, ... другая подошла" (God's blessing diverted one problem, but the next one developed). Eremenko started working, and rather successfully (I will come back to this subject below), but he needed a place to live. Because he was already married, he could not live in the aspirant dormitory and needed a room, a small and modest, but private. To be honest to the Director of the Institute of Physics, he was rather efficient in securing funds for building housing for the Institute's personnel. However, under the conditions of the global housing crisis, the housing available for the personnel of the Institute was also highly scanty. Not surprisingly, Director used it to manipulate people. I became involved in the first attempt of getting a living room for Victor in a highly untypical for me capacity of a member of the Housing Committee of the Institute where I represented the Theoretical Department. But the story, which might be of some interest by itself, goes wider. For this reason, I complete this paragraph with a line of one of Yury Zhivago's verses from the famous novel by Boris Pasternak, "судьбы скрещенья" (destinies crossing).

It is currently widely known that at the very end of WWII a number of German physicists were brought to the USSR for working on military projects, in particular on the Atomic Project. Around 1954 the Government decided to let them go back to Germany, but before leaving they had to "cool down" by spending some time at unclassified facilities. At that time we were not aware of these issues and were surprised to see three Germans appearing in the Institute and three small cottages, one for each of Germans, being assembled near the wall of the Institute. It might sound amazingly, but the minor problem of a modest living room for Victor's family became intertwined with this political process. The events happened more than half a century ago, and I'm trying to recover in my memory the developments as accurately as I can. They were rather deplorable but also included a comical component.

The three Germans were very different. Two of them were young and expressed absolute neither interest nor knowledge in any sort of science. They spent whole working days in their offices with doors open to the corridors and their eyes looking onto ceilings. No piece of paper or any journals on their desks. Their idleness looked as demonstrative. Meanwhile, according to the rumors that circulating across the Institute, their salaries were higher than those of the Heads of Departments. We speculated that they were Nazi functionaries rather than scientists, as Nazis, they occupied high administrative positions at German facilities, and were misidentified by our KGB agents as real scientists and brought to the USSR. But this only was our hypothesizing; probably nobody ever

spoke with them. If I'm not wrong, these two guys left for Germany in 1955.

The third German, Professor Max Steenbeck, was quite a different sort of person. He was a prominent industrial physicist with an impressive career in Siemens. Steenbeck submitted to the Institute a scientific project focused on checking the accuracy of the Onsager reciprocal relations supported by detailed calculations, which was discussed and approved by the Scientific Council of the Institute. He also submitted the list of equipment which he needed for his project, asked for one assistant (a young experimenter Petr Baranskii worked with him), and for support of theorists. Solomon Isaakovich Pekar and I were cleared for discussing theory with Steenbeck, Pekar the fundamental issues and I for more technical ones. During our conversations, I found out that Steenbeck had excellent knowledge of such classical chapters of theoretical physics as hydrodynamics and classical electrodynamics, but a generational gap did exist, and sometimes he needed help in quantum mechanics and statistical physics. In 1956 Steenbeck has been allowed to go back to Germany, and he vacated the cottage. Here "destinies crossing" emerged between the government problem of the repatriation of German scientists and a modest private issue, a room for Victor's family.

As I remember, the cottage included two adjacent rooms and one isolated small room, and the Housing Committee was summoned for deciding the tenant of this latter room. Director ran the Institute autocratically and took all decisions by himself. However, it was ordered by law that all decisions regarding housing should be made by the Housing Committee that was considered as representing the whole collective of the Institute. Hence, the Deputy Director for management Luk'yanetz summoned the Committee and told us that there is a single room and a single applicant, a clerk of the procurement Department named Shilkin-Chub, and proposed to vote. I intervened, told about Eremenko and asked to put his name on vote, too. The Deputy responded in typical of him pidgin language, a medley of broken-Russian and broken-Ukrainian: "Йероменка нье встройить, а Шилкина встройить" (Eremenko will not be satisfied, but Shilkin will). His move violated the tradition that families enjoyed precedence compared to single persons. Not surprisingly, I lost the vote (who might wish to vote against Director's will?) but submitted a written "Opinion of Dissent" and ordered to attach it to the protocol. The Deputy objected saying that we are supposed to keep the vote secret, but I responded that I don't care because I'm not ashamed by my vote. And what was the worst, the whole story made it obvious to me that Victor had only a minor chance of receiving any housing in a foreseeable perspective.

Despite the troubles explained above, the year 1955 was good for both of us, Victor and me because we worked enthusiastically in a blossoming field of solid state physics. Here I need to say a bit about my personal story and the developments in physics of semiconductors around that time. I graduated from Kiev University in 1949, and the following five years were “dark ages” of my life. During these years, I worked in five different places. In particular, I worked at two engineering Institutes of the Academy on strains in dams and made a paper that I consider as one of my very best ones. However, I was fired from both Institutes by the Personnel Department of the Academy because I have not been entitled to do science. The situation somewhat changed after Stalin’s death in March 1953 and the following period that is known as the “Khrushchev’s thaw”. During this transitional period, when the officials were not sure how they were supposed to rule over us, Vadim Evgenievich Lashkarev managed to get the permission of the First Vice-President of the Academy to hire me into his Department of Semiconductors of the Institute of Physics for working on the Government Project on transistor electronics. During the 1954/55 year, until the end of the Project, I worked under the supervision of Kirill Borisovich Tolpygo on the theory of semiconductor devices. I consider this year as my equivalent of postgraduate study. Simultaneously, I participated in meetings that Lashkarev held with the members of his Lab, and this became an excellent instruction for me in planning experiments and evaluating their results. Lashkarev was a great scientist with wide interests in physics and deep understanding of it. I think that his most fundamental scientific achievement was the experimental discovery, in 1941, of p - n -junctions in semiconductor rectifiers of that epoch.

After completing the work on the Government Project, in the middle of 1955, Lashkarev decided to return to the study of photoelectric properties of the crystals of the CdS/CdSe group, and I also had to make switch in my work to support their efforts. However, there was no simple way back to previous studies of the CdS family compounds because the transistor epoch fundamentally changed the physics of semiconductors. Before it, there existed basic concepts of the theory of solids such as the Bloch theorem, and semiconductors that were considered as implicitly dirty materials. Practically nothing has been known about their basic properties such as the band structure. Hence, there was plenty of space for speculating about the processes in them. Investigation of germanium, the material used for producing first transistors, established new standards for the research. Germanium could be properly cleaned, prepared as a nearly intrinsic, and then n - or p -type doped in a controlled way. Step by step, its band structure has been recovered: positions of the minima of the conduction band and of the maximum of the valence band in the Brillouin zone, de-

generacy of the valence band and its spin-orbit splitting, effective masses of charge carriers, etc. Under such conditions, the space for speculations had been strongly constricted, and physics could be investigated in well-defined terms.

As distinct from Ge, scientific information on CdS-type compounds had been highly restricted in 1955. Under such conditions, the study of the kinetics of room-temperature photoconductivity could provide only strictly limited information because it depends critically not only on the intrinsic properties of the material but also on uncontrolled defects and impurities acting as recombination and trapping centers. Therefore, it was decided to join efforts with the Spectroscopy Department of the Institute which possessed techniques and experience in taking absorption and fluorescence spectra in polarized light down to 20 K. The group of Vladimir Broude, to which Victor has been assigned after his admission, has been charged with this task. The group had wide experience in the spectroscopy of excitons in molecular crystals, especially of the crystals of the benzene row. However, they never worked on semiconductors and therefore had to adjust to working with a different sort of material and learn physical concepts that were new for them. Because I already had some experience of working with Broude group, I was assigned to help them with theoretical aspects of this study, while Viktor became the principal working horse of the project. He managed to adjust to the new for him techniques and concepts and move ahead with taking and processing data so fast and with such efficiency that he earned inside the group a facetious title of a “genius aspirant”.

It is proper to mention that while understanding of the electronic energy spectrum of CdS-type crystals was absent at that time, their spectroscopy was already a field of active research, in Leningrad in the USSR and also in a number of laboratories in the West, but assignment of the absorption and emission bands observed at different laboratories remained a subject of disputes. From the standpoint of photoconductivity, the research on excitons was also important because in some early studies their presumable role in photoelectric phenomena has been invoked but never justified.

In direct-gap semiconductors, excitons are expected to manifest themselves as narrow absorption bands below the low-frequency edge of the fundamental (band-to-band) absorption. In perfect crystals, they are the lowest excited states of the electron subsystem. Broude and Eremenko observed up to ten narrow bands at the low-energy edge of the absorption region, but they found that the relative intensity of those bands (and even the very fact of the existence of some of them) changed from sample to sample, and even from point to point inside the samples, and depended on etching of them. Therefore, we concluded that this group of bands cannot be attributed to free excitons but might be assigned to excitons weakly

bound to impurities or lattice defects. We made a conjecture that they might be similar to α - and β -bands in alkali halides that were previously attributed to excitons weakly bound to lattice defects (F. Seitz, 1954); such entities are frequently quoted as “impurity excitons”. Our results were published in *Soviet Physics Doklady* in 1957. The spectrum of free excitons in CdS was investigated and assigned by Gordon Thomas and John Hopfield at Bell Labs two years afterward, in 1959, through measuring reflection spectra and performing Kramers-Kronig inversion of them. Such quantitative techniques were not available to us, and while we reported a few strong absorption bands assigned afterward to excitons, we could not measure their intensities and even evaluate their polarization ratios along the crystal axes. Hence, we were not in a position to propose their assignment.

It is important that CdS spectra were investigated by Broude’s group in parallel with the spectra of molecular crystals of the benzene family where similar bound-exciton bands were observed below the low-energy edge of the intrinsic-absorption spectrum. They were sometimes disproportionately strong, if estimated per molecule, as compared to the intrinsic exciton absorption, and possessed anomalous polarization ratios. Comparing similar properties of the edge spectra of two different groups of solids allowed us to develop a unified viewpoint onto such spectra that we presented in a short review paper published in *Physics-Uspeski* (1959). In the perspective, it allowed the identification of exciton absorption bands and investigation of the energy spectra of molecular excitons by doping crystals with impurities of a controllably-changed isotopic content, and developing the concept of giant oscillator strength of “impurity excitons” in semiconductors. They are working as antennas harvesting oscillator strength from a wide area of the crystal around an impurity or a lattice defect.

A few years after his PhD defense, Victor received and accepted an offer from the newly established Institute for Low Temperature Physics and Engineering and went back to Kharkov. This allowed him not only to establish his own laboratory but also to get a decent apartment. It was my pleasure to serve as an Official Opponent at his Doctor of Science defense there. We retained friendly relations for life and were still in touch through Skype.

Э.Я. РУДАВСКИЙ
член-корреспондент НАН Украины,
Нью-Йорк, США

Современная физика низких температур немислима без квантовых жидкостей и кристаллов, которые всегда занимали в ней важное место. Виктор Валентинович Еременко, будучи известным специалистом в области низкотемпературного магнетизма, всегда интересовался исследованиями, проводимыми в нашем институте в области жидкого и твердого гелия. Он внимательно слушал наши доклады на семинарах и конференциях и задавал очень глубокие вопросы. Мы поражаались, как быстро он схватывал суть проблемы и часто указывал совершенно неожиданный вариант ее решения.

В 1992 году на Международной конференции по физике квантовых жидкостей и кристаллов во французской Корсике мы представляли свою работу по исследованию фазового расслоения в сверхтекучих растворах ^3He – ^4He . В работе был предложен новый метод непрерывного изменения концентрации раствора в ходе эксперимента, что позволило в области сверхнизких температур получить принципиальные результаты по кинетике фазового перехода. Тогда на конференции оценивался рейтинг представленных докладов, и наша работа вошла в тройку лидеров. Виктор Валентинович был этому очень рад и, будучи уже директором института, попросил рассказать киевским коллегам о наших результатах по исследованию гелия при сверхнизких температурах. Такие доклады были сделаны в Отделении физики и астрономии НАНУ и у президента НАНУ Б.Е. Патона. Они были очень тепло приняты и вызвали плодотворную дискуссию. В результате по инициативе В.В. Еременко был сформирован авторский коллектив из нескольких научных учреждений Украины, который занимается исследованием кинетических процессов в квантовых жидкостях и кристаллах, и этот цикл работ в 1996 г. был отмечен Государственной премией Украины.

Отдельно следует упомянуть то внимание и заботу, которые Виктор Валентинович проявлял к развитию в нашем институте техники сверхнизких температур. Речь идет об области температур, которые нельзя получить простой откачкой паров над жидким гелием. Такая техника нужна, прежде всего, для полноценного исследования проблемы гелия, квантовые свойства которого наиболее ярко проявляются именно при сверхнизких температурах. Наша промышленность не выпускает соответствующее оборудование, а в институте не было средств для покупки его за рубежом. Поэтому наши сотрудники вы-

нуждены были сами конструировать, изготавливать и вводить в эксплуатацию весьма сложные рефрижераторы разных типов. В результате были созданы: рефрижератор растворения с внешней циркуляцией, обеспечивающий минимальную температуру $T_{\min} \approx 15$ мК; рефрижератор растворения с конденсационно-адсорбционной системой циркуляции ($T_{\min} \approx 10$ мК); рефрижератор растворения с гибридной системой циркуляции ($T_{\min} \approx 5$ мК); рефрижератор ядерного размагничивания меди ($T_{\min} < 1$ мК). Виктор Валентинович много сделал для того, чтобы в 2001 году Кабинет министров Украины присвоил нашему комплексу для физических исследований при сверхнизких температурах статус Национального достояния Украины (постановление № 1709). И сейчас комплекс открыт для проведения совместных экспериментов, требующих температур ниже 0,3 К.

Виктор Валентинович считал очень важным международное сотрудничество при выполнении научных исследований. В этом плане, может быть, наиболее показательным является организованный им в 1997 году украинско-английский научный семинар в формате N&N. В работе такого семинара участвовало по $N = 10$ человек от каждой стороны, и на паритетных началах были представлены исследования в области физики низких температур, проведенные в Украине и Великобритании. Украинскую делегацию возглавлял сам Виктор Валентинович, который сделал на семинаре большой обзорный доклад об основных направлениях работ по физике низких температур во ФТИНТе. В состав делегации также входили В.Г. Манжелий, М.А. Стржемечный, Э.Я. Рудаковский, Ю.З. Ковдря, И.Н. Адаменко, В.А. Майданов, С.И. Шевченко, Н.П. Михин, В.Е. Сивоконь, Г.А. Шешин. Основную часть тематики наших докладов составляли исследования сверхтекучести квантовых кристаллов и криокристаллов.

С английской стороны в семинаре участвовали J. Saunders и B. Cowan (Royal Holloway University of London), G. Pickett (Lancaster University), A. Wyatt (Exeter University), J. Hook (Manchester University), J. Owers-Bradley (Nottingham University), V. Mikheev и G. Batey (Oxford Instruments), P. Meeson (Bristol University), S. Julian (Cambridge University). Ими были представлены доклады о свойствах ^3He , растворов ^3He – ^4He и других квантовых систем при сверхнизких температурах, а также новые разработки по технике сверхнизких температур.

Украинская делегация посетила милликельвиновую лабораторию университета Royal Holloway в Эгаме, лабораторию сверхнизких температур университета в Ланкастере, а также компанию Oxford Instruments, в которой разрабатывается современное низкотемпературное оборудование.

В результате семинара была обозначена область взаимного научного сотрудничества между украинскими и английскими специалистами по физике низких температур. Это сотрудничество и серия взаимных визитов были реализованы в последующие после семинара годы. Отметим лишь наиболее важные результаты совместных работ. Группа В.А. Майданова вместе с коллегами из Эгама провела новые принципиальные эксперименты по исследованию кинетики фазового расслоения твердых растворов ^3He – ^4He и объяснила полученные результаты в рамках модели гомогенного зародышеобразования. Очень плодотворным было сотрудничество группы И.Н. Адаменко с экспериментаторами из Эксетера по исследованию кинетических процессов в фонон-ротонной системе сверхтекучего гелия. Коллеги из Ланкастера оказали большую помощь нашим экспериментаторам в разработке и изготовлении современных дискретных теплообменников для рефрижераторов растворения.

В июле 2012 года Виктор Валентинович отмечал юбилей — 80 лет. Эту дату он встретил с новыми творческими идеями, поражая всех своим энтузиазмом. По этому поводу в поздравлении юбиляру от нашего отдела были такие слова:

*С Вашим юбилеем нужно разобраться.
Сколько Вам исполнилось? Как найти ответ?
Судя по энергии — Вам лет примерно двадцать,
А по достижениям — все две сотни лет.
В деле добираетесь Вы до самой сути,
И в вопросах сложных, как всегда, правы.*

Сейчас планы и идеи Виктора Валентиновича воплощают в жизнь его многочисленные ученики и коллеги. В нашей памяти он останется как выдающийся физик, талантливый организатор и прекрасный человек.

В.А. СИРЕНКО
доктор физ.-мат. наук, вед. научн. сотр.,
ФТИНТ им. Б.И. Веркина НАН Украины, Харьков

Писать о человеке масштаба Виктора Валентиновича — большая ответственность. Тем более что лучше, чем он сам написал о себе, не напишешь.

О незаурядных способностях ВВ слышана с раннего детства от родителей, которые учились с ним в университете, а позднее пересекались по научной и учебной работе. В раннем детстве встречались на прогулках в парке Горького с молодыми заместителями директора ФТИНТа — Вадимом Григорьевичем Манжелием с Леночкой и Виктором Валентиновичем с Андрюшей. Позднее в английском клубе института слушала великолепные рассказы ВВ о Франции. Лично познакомилась с ним уже во времена его директорства. Тогда, в трудные 90-е, он вместе с Клавдием Вениаминовичем Масловым неимоверными усилиями сохранил институт. В условиях дефицита бюджета и грядущих сокращений я подала заявление о приеме в докторантуру с подготовленной диссертацией. Докторантуры при институте не оказалось, пришлось открывать собственными силами, что стало возможным благодаря поддержке Николая Ивановича Глушук и Клавдия Вениаминовича Маслова. Это пример того, как Виктор Валентинович ненавязчиво давал возможность сотрудникам проявить себя. Научным консультантом стал сам Виктор Валентинович, заинтересовавшись общими закономерностями поведения анизотропных сверхпроводников и манганитов при циклировании температуры и магнитного поля.

После защиты сотрудничество продолжилось исследованиями слоистых дихалькогенидов переходных металлов. Примерно в это время Виктор Валентинович решил укрупнить отдел И.В. Свечкарева, оставшийся в опасном меньшинстве, и вся наша команда — Н.И. Македонская, Ю.А. Шабакаева, М.Ю. Шведун, — не задумываясь, написали заявления о переводе в этот отдел из директорского. К тому же Игорь Вадимович в свое время передал мне бездействующую установку, которая, будучи налаженной, очень помогла нам всем в работе и подготовке диссертаций, а готовящегося преемника, Г.Е. Гречнева, я знала с детства. Пожалели ли мы о переходе? Нет, несмотря ни на что, это продлило наше сотрудничество с Виктором Валентиновичем. Идею исследования пиннинга магнитного потока и возможности сворачивания нанотрубок в условиях дефектообразования и нарушения межслоевых взаимодействий Виктор Валентинович воспринял неоднозначно, так как к дефектам относился с осторож-

ностью. Однако нашлись подходящие образцы слоистого диселенида ниобия, и работа закипела.

Измерения, требующие высоких магнитных полей, проводились за рубежом, что позволило воочию убедиться, какое уважение вызывает имя В.В. Еременко и у зарубежных физиков. В итоге, благодаря уникальной способности Виктора Валентиновича проникать в существо физической проблемы, были сформулированы результаты, получившие международное признание как «mile stone». Самые эффектные из них — обнаружение квантовых осцилляций магнитострикции в смешанном состоянии сверхпроводимости и формирование нанотрубок в состоянии волн зарядовой плотности с планарной неустойчивостью — не были обусловлены формированием дефектной структуры. Позднее Виктор Валентинович заинтересовался неравновесными системами. С ними были связаны и его последние напутствия.

И.В. СКОРОБОГАТОВА

**канд. физ.-мат. наук, сотрудник ФТИНТ АН УССР с 1963 по 1990 гг.,
Торонто**

Печальная весть, дошедшая ко мне в Торонто из далекого Харькова, кроме горечи утраты, вызвала и волну воспоминаний.

Виктор Валентинович Еременко в 1963 году принял меня на работу в свой отдел во ФТИНТе в группу Анатолия Илларионовича Звягина. В то время последний был аспирантом. После защиты Звягиным диссертации отдел В.В. Еременко разделился на два. Первое время руководители отделов Еременко и Звягин имели общий кабинет.

Я, естественно, оказалась в отделе Звягина. Когда мы обсуждали результаты экспериментов в кабинете, В.В. Еременко, находившийся там же и всем интересовавшийся, внимательно слушал и, в конце концов, начинал высказывать свое мнение. Увлеченные наукой Виктор Валентинович и Анатолий Илларионович вступали в бурную дискуссию и абсолютно забывали о моем присутствии. Я же только успевала переводить взгляд с одного говорящего на другого.

Наконец, они приходили к согласию и вспоминали обо мне. «Все теперь ясно?» — спрашивал меня ВВ.

Виктор Валентинович был удивительно простым, доступным человеком, каких бы высот в служебном положении он ни достигал.

Приходилось мне общаться с ВВ и в неслужебной обстановке. Например, мы в одно и то же время отдыхали семьями во ФТИНТовском лагере в Революционном. Он всегда был в хорошем настроении, много шутил, занимался детьми, но от научных проблем никогда не отдыхал. Был в этом плане одержимым человеком.

Я думаю, что все, кто общался с ВВ, до конца своих дней будут с большим теплом и уважением вспоминать этого светлого человека и замечательного ученого.

Вспоминая Виктора Валентиновича Еременко

Ю.А. ФРЕЙМАН

доктор физ.-мат. наук, вед. научн. сотр.,
ФТИНТ им. Б.И. Веркина НАН Украины, Харьков

Хорошо известна формула Маяковского: «Я поэт — этим и интересен», — так поэт сформулировал свое пожелание к пишущим о нем. Ограниченность этой формулировки очевидна — каждый человек многогранен и интересен, как правило, с разных точек зрения. Конечно, Виктор Валентинович (далее ВВ) был очень хороший физик, но он был и сильный администратор, руководивший одним из лучших научных институтов Украины в трудные 90-е годы, и главный редактор журнала «Физика низких температур» (ФНТ) — одного из лучших научных журналов Украины, он был успешным собирателем живописи современных украинских художников. И во всех этих сферах деятельности ВВ интересен. Я был знаком с ним более полувека, и настоящие краткие заметки лишь немного из того, что сохранилось в памяти за это время.

Мои родители дружили с родителями Люси — Людмилы Абрамовны Еременко, жены Виктора Валентиновича, еще с довоенных времен, и я помню, как мои родители навещали друзей в их квартире на Лермонтовской. Это был конец 40-х—начало 50-х годов. Отец Людмилы Абрамовны уже не вставал с постели, и она по сей день вспоминает, как на вопрос ее отца о самочувствии, мой отец отвечал лежащему больному: «Если бы ты знал, Абраша, как мне плохо». Иногда мы встречали в их доме приятеля Люси — Витю Еременко. Витя играл в баскетбол, а Люся в волейбол (и даже играла за сборную команду университета), и по моим тогдашним представлениям оба они были очень высокие и очень худые. Как-то во время нашего посещения речь зашла о том, как Люся и ее мать Ната пережили войну в оккупации, рискуя каждый день, что соседи донесут немцам, что в доме прячут еврейского ребенка. Еще долгое время я с ужасом представлял эту висевшую над ними угрозу. Как получилось, что Люся с матерью остались, я не знаю, но таких историй было множество — уехать из оставляемых городов можно было только вместе с эвакуируемыми предприятиями. Из моих близких знакомых в таком же положении оказалась семья профессора университета Якова Павловича Бланка, который эвакуировался вместе с университетом, а жена Мария Антоновна с двумя детьми Сашей и Марком остались в оккупированном Харькове; профессор УФИИ Яков Михайлович Фогель руководил погрузкой и отправкой из Харькова научного и тех-

нического оборудования. Два эшелона попали под бомбежку, и он не решился отправить свою семью третьим эшелонам, и его жена Галина Александровна Быкова и дочка Нина остались в оккупации. Власть очень скупо информировала людей, что происходит на оккупированной территории — судьба оставляемых людей власть не интересовала.

«Витя, оставь кислород мне»

Прошло много лет, и я вновь встретился с ВВ во ФТИНТе. К этому времени он защитил докторскую диссертацию, посвященную оптической спектроскопии антиферромагнетиков, и руководил отделом, занимавшимся проблемами низкотемпературного магнетизма. Несомненно, соавторы ВВ напишут об этом, я же коснусь только тех работ Виктора Валентиновича, в которых мои научные интересы оказались близкими к интересам ВВ. В середине 60-х годов ВВ с сотрудниками опубликовал три прекрасные работы по твердому кислороду: В.В. Еременко, Ю.Г. Литвиненко, Э.М. Огнева, *ЖЭТФ* (1965), В.В. Еременко, Ю.Г. Литвиненко, *ЖЭТФ* (1967), Ю.Г. Литвиненко, В.В. Еременко, Т.И. Гарбер, *ЖТФ* (1968). Это был один из первых примеров использования результатов исследования экситон-магнонных переходов для оценки величины энергии спиновых волн на границе зоны Бриллюэна. Проблема твердого кислорода оказалась вызовом для исследователей, так что эти работы были выполнены очень своевременно — как раз появились работы по магнитной восприимчивости и нейтронографические исследования, которые для своей интерпретации нуждались в спектроскопических результатах. Экспериментальные данные надежно показали, что низкотемпературная альфа-фаза твердого кислорода является антиферромагнетиком, но оказалось, что величина константы обменного взаимодействия, важнейшего магнитного параметра, полученная в различных экспериментах, отличается почти на два порядка. Примечательно, что первая реалистичная оценка обменной константы была получена не из данных о магнитной восприимчивости — свойстве, непосредственно связанном с величиной обменного поля, а в серии «элегантных» экспериментов Еременко и соавторов (E. Wachtel and R. Wheeler, *Phys. Rev. Lett.* **24**, 233 (1970)). Отметим очень точную, хотя и редко используемую характеристику — «элегантность» этих работ ВВ.

Когда мы с Йодлем писали обзор по твердому кислороду (Yu. Freiman and H. Jodl, *Phys. Rep.* **401**, 1 (2004)), меня удивило, что эти работы не имели продолжения, и я спросил ВВ о причине. Он рассказал, что как-то после появления этих работ он был в Киеве и

встретился с Антониной Федоровной Прихотько, которая всю жизнь изучала оптические свойства твердого кислорода, и она попросила его не заниматься этими задачами. ВВ воспринял, как прозвучала эта просьба: «Витя, оставь кислород мне — у тебя еще много чего будет, у меня есть только кислород». Больше ВВ к кислороду никогда не возвращался. Возможно из солидарности с ВВ, Вадим Григорьевич Манжелей не разрешил своим сотрудникам заниматься кислородом. Когда у нас с Крупским возникла задача, связанная с проблемой альфа-бета перехода в кислороде, мы предложили эту задачу Мише Багацкому. Миша хотел заняться этой задачей, но Манжелей категорически запретил, мотивируя тем, что установка Багацкого не обеспечит необходимой точности. Возможно, это и так, но позднее подобные измерения были все-таки проведены в Институте низких температур во Вроцлаве.

ВВ и державна мова

ВВ хорошо владел украинским языком. Видимо, этому способствовали годы, которые он провел в Киеве. К усердию властей ускорить тотальную украинизацию он относился со скепсисом. Показательна в этом отношении хорошая история, которую я как-то от него слышал. В самом начале 90-х годов после обретения Украиной статуса независимого государства ВВ поехал в Канаду в составе официальной украинской делегации налаживать контакты с украинской диаспорой. Руководителем делегации был известный украинский писатель Иван Драч. Однажды их пригласил в гости какой-то важный деятель этой диаспоры. Когда гости были усажены за стол, хозяин поздравил их с обретением Украиной независимости и с пафосом произнес: «Іване, незалежність ми здобули, але що буде з мовою?», на что Драч ответил, что з мовою буде все гаразд. «Як гаразд?! Як це ти бачиш?» — «Перш за все мову вивчать євреї. Потім мову вивчать москалі. А потім вже нікуди не дітися — доведеться вчити мову і нам».

Служили два товарища в одном и том же полку

Тесная дружба связывала ВВ и В.Г. Манжеля (далее ВГ) еще со студенческих лет. При этом поразительно, насколько разными людьми они были. Пожалуй, единственное, что было присуще и ВВ, и ВГ, — у обоих в числе жизненных приоритетов на первом месте был профессиональный успех со всеми присущими атрибутами — академическими званиями и премиями. Не знаю, соревновались ли они между собой на этом поле, но на значительно более быстрые успехи ВВ

в достижении академических званий (ВВ стал академиком в 1978 г., а ВГ только в 1990 г.) ВГ ответил Госпремией СССР в 1978 г. против Госпремии Азербайджанской ССР у ВВ в 1986 г.

ВВ любил живопись, дружил со многими молодыми харьковскими художниками и коллекционировал их картины. Как-то во время совместной поездки в США меня и ВВ приютил наш общий знакомый Гена Зарецкий, и ВВ пригласил в гости прекрасного украинского художника Ивана Марчука. (Небольшая выставка картин Марчука демонстрировалась во ФТИНТе, так что ФТИНТовцы имели возможность познакомиться с его творчеством.) Таким обаятельным и непосредственным мне больше ВВ видеть не довелось. ВВ провез контрабандой украинское сало (мясные продукты запрещены для ввоза в США) и украинские соленые огурчики, а Марчук принес купленное в украинских магазинах в США — по-видимому, ранее у них был спор, что лучше. Излишне говорить, что под украинскую с перцем победила дружба.

Манжелей был равнодушен к живописи, но любил поэзию и много стихов знал на память. Музыка и ВВ, и ВГ не особенно жаловали. А поскольку Борис Иеремиевич (БИ) был меломаном, в институте функционировала так называемая филармония физиков, и раз в месяц организовывались концерты классической музыки, зачастую в исполнении выдающихся музыкантов. Руководители отделов должны были не только посещать эти концерты, но и обеспечивать явку своих сотрудников. Несовпадение эстетических вкусов приводило к некоторой конфронтации с БИ.

В руководстве лабораториями они придерживались совершенно различных воззрений. Судя по многочисленным примерам, ВВ считал, что способного сотрудника надо как можно скорее довести до защиты докторской диссертации, а после защиты пристроить куда-нибудь заведующим кафедрой физики в учебный вуз или в какой-либо другой исследовательский институт. Скорее всего, ВВ полагал, что от такого сотрудника особого толка уже не будет и лучше взять на его место молодого сотрудника, которому необходимо пахать и пахать. Так ушли из института после защиты докторской диссертации Матюшкин, Попков, Литвиненко, Науменко. В то же время Манжелей, наоборот, старался сохранить основной костяк лаборатории. Когда начались поездки сотрудников института на Запад, ВГ стремился ограничить контакты с зарубежными лабораториями — подальше от соблазнов.

Интересно различие в подходах ВВ и ВГ при возникновении каких-либо технических проблем: ВГ неизменно искал решение проблем, обращаясь к людям на самых верхних административных эта-

жах, а ВВ, наоборот, обращался к непосредственным исполнителям. В частности, при возникновении проблем со службами — электричество, вода, гелий и т.д., ВВ знал, что в лаборатории Манжелия решение технических проблем поставлено лучше всего в институте, но за помощью обращался не к ВГ, а непосредственно к Мише Походенко, который конкретно решал у него эти проблемы.

Различия проявлялись и в таких чертах, как стиль одежды. Манжелей одевался добротнее всех в институте — неизменно в хорошем костюме. ВГ не носил готовые костюмы, а шил у Владимира Ивановича Изотова — лучшего портного в Харькове (говорили, что он шил даже для Горбачева), носил самую дорогую обувь. И все это неброское, подобранное с большим вкусом. Джинсы и футболка могли быть надеты только на субботник-воскресник. Недаром одним из любимых анекдотов Манжелия был о портном из Жмеринки, который, узнав у встречного хорошо одетого человека, что тот из Парижа, воскликнул: «Надо же! Такая глушь, а как шьют!» Не знаю, у кого шил свои костюмы ВВ, — при его росте и комплекции он, бывало, тоже выглядел очень представительно, но, как правило, было видно, что его этот вопрос не очень заботит.

***Мне важнее, что скажут здесь,
чем то, что подумают там***

Это небольшая история о том, как рождаются афоризмы. В советские времена ФТИНТ был закрытым «режимным» институтом, и все сотрудники имели так называемый «допуск» к секретной документации, хотя подавляющая часть сотрудников никакой секретной работой не занималась. Соответственно, для входа в институт посторонних людей существовала довольно длительная процедура, требующая разрешения дирекции института и первого отдела. После недолгого периода в начале 90-х годов, когда вход во ФТИНТ был совершенно свободным, как и в другие научные организации во всем мире, ситуация вернулась к советским временам. Как-то приехал из Израиля Женья Бухштаб, который работал там в Технионе, и ему понадобилось по каким-то делам прийти во ФТИНТ. Раньше, когда он приезжал во ФТИНТ, никаких проблем со входом в институт не возникало, и он входил в институт без всяких пропусков. Я не стал ему объяснять по телефону, что ситуация изменилась, а просто сказал, чтобы он позвонил мне с проходной, а я за ним выйду. Я имел в виду, что зайду к ВВ, и по звонку ВВ на проходную его пропустят. Как назло, когда он пришел, я куда-то вышел, и он позвонил в редакцию, где много лет работал научным редактором, и кто-то из редакторов про-

вел его в институт. В результате завредакцией получил выговор, и я пошел по этому поводу объясняться к заместителю директора — Клавдию Вениаминовичу Маслову. Он рассказал, что через 10 минут после того, как Бухштаб зашел в институт, ему позвонили из СБУ и с обидой сказали, что у нас по территории ходит иностранец и что это нарушает договоренность между институтом и СБУ о процедуре пропуска иностранцев в институт. На это я заметил, что никакой Бухштаб не иностранец, поскольку у него есть паспорт гражданина Украины. В ответ на это я услышал замечательную фразу: «Это он там гражданин Украины, а здесь он иностранец». Не удовлетворившись таким объяснением, я сказал Маслову, что хочу обсудить эту историю с ВВ и рассказать историю с пропуском Бухштабу. «Завтра Бухштаб вернется в Технион (который вскоре собирался посетить ВВ) и расскажет, что здесь ничего не изменилось — все те же советские порядки, и что там будут думать по этому поводу». В ответ на это ВВ и ответил фразой, вынесенной в заголовок раздела: «Для меня гораздо важнее, что скажут здесь, чем что подумают там».

Время перемен

В древнем Китае одним из самых страшных пожеланий врагу была фраза: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!» (Конфуций). Вся деятельность ВВ как директора института и как главного редактора ФНТ пришлась на самый, пожалуй, трудный период после крушения Советского Союза и первых лет существования Украины после провозглашения независимости. Если попробовать сформулировать, какой основной результат деятельности всей руководящей команды во главе с ВВ, ответ был бы: сохранение традиций и стиля руководства, заложенных БИ, которые способствовали в немаловажной степени тому, что, несмотря на трудности, удалось сохранить жизнеспособный институт.

Как главному редактору ФНТ ВВ пришлось полностью перестроить издательский процесс. Раньше в редакции создавался только макет очередного номера журнала, а тираж печатался в типографии. Из-за того, что институт оказался не в состоянии оплачивать услуги типографии, весь процесс создания журнала пришлось наладить в институте. Очень важным обстоятельством было то, что в лице ВВ сочетались должности главного редактора журнала и директора института. ВВ установил тесный личный контакт с руководством Американского института физики, издающего англоязычную версию журнала.

Годы под руководством ВВ и годы, прошедшие без ВВ, доказали жизнеспособность здания «Физико-технический институт низких температур им. Б.И. Веркина».

Саша Бирик на свободе, и мы в гостях у Гены Зарецкого в Квинсе, 1999 г.

У Гены Зарецкого в Квинсе, Нью-Йорк, США. Слева направо: Гена Зарецкий, Виктор Еременко, Саша Бирик, Дима и Лара Чечерские, Юра Фрейман, 1999 г.

В.М. ФРИДМАН
канд. физ.-мат. наук, лауреат Государственной премии Украины
в области науки и техники

50 лет назад я пришел работать во ФТИНТ благодаря Виктору Валентиновичу Еременко. Трудно писать о событиях полувековой давности, тем более что 26 лет из них я живу в Америке. Работа с Виктором Валентиновичем и Костей Дудко дала мне возможность найти себя в Америке, правда, не в науке, а в технологии. Я об этом всегда помнил и помню сейчас.

Уже точно не могу сказать, в каком году, кажется, в 97 или 98, Виктор Валентинович приезжал в Америку и гостил у меня. Он был полон планов по установлению экономических контактов. Я его познакомил с профессором из Warton School, University of Pennsylvania. Чем это закончилось, я так и не знаю, но по крайней мере он был воодушевлен.

Вторая встреча состоялась уже в Харькове во ФТИНТе. Он тогда был уже не у дел, и это чувствовалось по его грустному взгляду и заметной потерянности. В последний год он мне звонил несколько раз. При этом он ни о чем не просил, ему просто надо было поговорить с кем-то о прошлом. Из-за инсульта он плохо разговаривал и почему-то все время вспоминал Рашбу.

Я хотел бы отметить, что горжусь тем, что работал в отделе Виктора Валентиновича. В связи с этим хотелось бы вспомнить сотрудников отдела, которые ушли от нас, — Белый, Пономарчук, Попков, Кутько. Особенно мне хотелось бы вспомнить Костю Дудко, которому я очень обязан. Я встречался с ним в Харькове в 2012 году. Был в его квартире на ХТЗ. Он мне ничего не сказал о своей болезни. Еще я хотел бы упомянуть Андрея Боровика, родного брата Виктора Валентиновича. Я тесно общался с ним до самого его ухода из жизни.

Л.Ф. и В.Д. ЧЕЧЕРСКИЕ
канд. физ.-мат. наук,
сотрудники ФТИНТ АН УССР с 1965 по 1989 гг.

Виктор Валентинович Еременко (или, как мы его любовно называли между собой, ВВ) был одним из первых, после Б.И. Веркина, принимавшим активное участие в строительстве и обустройстве ФТИНТа.

Мне помнится, как мы случайно (а может, и нет: я должен был увидеться с ним для собеседования) встретились напротив главного и тогда, возможно, единственного входа на территорию института, где тогда можно было легко заблудиться.

Он вышагивал по жидкой грязи в высоких резиновых сапогах. Каким молодым и красивым он тогда был! После беседы он взял меня в свой отдел в помощь Юре Богоду, занимавшемуся циклотронным резонансом и нуждающемуся в установке для количественной оценки поступаемых в импульсном режиме сигналов вместо фотоснимков, сделанных с осциллографа.

К этому времени я уже закончил вечернее отделение ХПИ по специальности «Электрические измерения неэлектрических величин» и работал в Институте автоматики, который променял без колебаний на ФТИНТ, покоренный обаянием и доброжелательностью ВВ, а также перспективой работы под его началом. Я не знаю, какие усилия он должен был приложить, чтобы получить согласие начальника Отдела кадров (Тараканова) и начальника Первого отдела (Репко), чтобы меня с моей дефектной пятой графой эти люди пропустили. Как я узнал позже, благодаря лично ВВ, во ФТИНТ попали многие другие, страдавшие моим «дефектом», за что Веркин часто попрекал ВВ. Через некоторое время я оказался ненужным, так как Богод перешел в отдел Комника, если мне не изменяет память, и тогда меня соблазнил В.П. Романов, мечтавший создать свою лабораторию в отделе ВВ, предназначенную для мессбауэровской спектроскопии. Когда я ознакомился с реальными деталями, то понял, что одному мне с этим не справиться — Романов не способен был что-либо создавать из ничего, а помещение, отведенное для нас, было абсолютно пустым.

И вдруг мне неожиданно повезло: во ФТИНТ приехали студенты-выпускники из Днепропетровска в поисках работы и среди них оказался Володя Понамарчук, который совмещал в себе знание физики, большой практический опыт в электронике и на вид был очень симпатичный парень. Я предложил ему работать со мной, и он охотно согласился. С этого момента началась наша совместная работа. Наш

непосредственный шеф, Романов, выпросил в институте Курчатова добротный сделанный электромагнитный вибратор, требовавший соответствующего привода, над которым мы долго ломали головы. Мы никак не ожидали, что ВВ по своей инициативе выбил деньги на покупку амплитудного анализатора (б/у) для ядерных исследований — огромного, лампового. Но для нас это был королевский подарок, хотя требовал существенных изменений в алгоритме его работы.

Чуть позже ВВ преподнес нам новый, более совершенный полупроводниковый анализатор, который стал основным в нашей системе. Но совершенно неожиданным его подарком явился привезенный из США первый во ФТИНТе персональный компьютер, что позволило получать, хранить и обрабатывать экспериментальные данные без утомительных походов в ВЦ с грудой ненадежных перфокарт. Это была подлинная революция в нашем с Володией начинании, и мы были бесконечно благодарны ВВ.

Моя жена Лариса попала во ФТИНТ окольным путем благодаря своей сообразительности и настойчивости. Окончила, как и я, вечернее отделение ХПИ по специальности что-то вроде физических технологий, куда входил рентген как средство физических методов исследований. Не найдя работы по специальности, она продолжала работать в УкроГипроМаш, пока каким-то образом не узнала, что ФТИНТу требуются машинистки. Она помчалась туда с предложением своих услуг, хотя никогда подобной работой не занималась, т.е. блефовала!, будучи уверенной, что с подобной работой справится за пару дней... — и справилась, таким образом попав во ФТИНТ с черного хода без всяких затруднений. Я не помню, кто именно помог ей добраться до ВВ, но сначала в одну из наших с Вовой Пономарчуком комнату притащили рентгеновский аппарат (ВВ отлично помнил нашу планировку, так как часто посещал нас с Боровиком во время перерыва перекинуться в шахматы). А затем у нас появилась его хозяйка с таким же «дефектом», как у меня (но ВВ это не остановило), и стало значительно веселей. Со временем Лариса решила заняться самостоятельной экспериментальной работой, воспользовавшись нашей бескорыстной помощью в создании небольшой установки для приготовления образцов, включая миниатюрный проточный криостат для рентгеновских измерений. И что самое интересное — первой среди нас троих защитила диссертацию!

Несмотря на то, что я излагал свою, Володину и моей Лары истории, в них обязательно присутствовал наш Добрый Гений — Виктор Валентинович Еременко, который определил наши судьбы и дал «путевку в жизнь».

Пока будем живы, будем помнить его, нашего ВВ.

Послесловие

Невозможно вспомнить и перечислить, не хватит времени, чтобы пересказать все, что дал коллегам и соратникам, друзьям и ученикам, чему научил и что оставил после себя академик Виктор Валентинович Еременко. Книгу воспоминаний о нем составили физики, а не литераторы, — авторы, в основном научные сотрудники, постарались воссоздать образ Большого Ученого и Человека.

Виктор Валентинович Еременко провел в стенах Физико-технического института им. Б.И. Веркина Национальной академии наук Украины более полувека своей жизни, почти всю историю существования ФТИНТа. А в жизни института были разные времена, чаще благотворные, порой очень сложные. Сегодня, после того как ушел из жизни преемник Виктора Валентиновича, кому он доверил после себя кресло директора, ближайший ученик и соратник академик Сергей Леонидович Гнатченко, будем надеяться, что фундамент научных исследований, заложенный предыдущими поколениями, те традиции, стиль управления, методы руководства, унаследованные от Виктора Валентиновича, сохранятся на долгие годы.

В послесловии уместно привести слова академика В.Г. Барьяхтара: «Виктор Валентинович — личность яркая, талантливая, интересная и загадочная».

Содержание

Предисловие	3
Автобиография	5

ВОСПОМИНАНИЯ

М.С. Бродин	60
Р. Вайшнорас	64
В.Г. Гаврилко	67
С.Л. Гнатченко	83
В.П. Гнездилов	96
С.А. Гредескул	99
А.В. Еременко	109
А.М. Жолудь	125
В.А. Карачевцев	127
А.В. Леонтьева	134
В.М. Локтев	139
D.J. Lockwood	147
К.М. Мациевский	150
В.Г. Наумов	156
Э.Г. Петров	159
E.I. Rashba	164
Э.Я. Рудаковский	170
В.А. Сиренко	173
И.В. Скоробогатова	175
Ю.А. Фрейман	176
В.М. Фридман	183
Л.Ф. и В.Д. Чечерские	184
Послесловие.....	186

Науково-популярне видання

АКАДЕМІК В.В. ЄРЕМЕНКО У СПОГАДАХ

Російською мовою

Редактори:

Н.М. Агашкова, Є.С. Рузаєва

Комп'ютерна група:

В.Ф. Лобойко, С.Ю. Піциц, М.М. Пристюк, Т.В. Щербакова

Підписано до друку 22.12.2021. Формат 60х90/16.
Папір офсетний. Гарнітура Таймс. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 15,25. Наклад 300 прим. Зам. № 22-03.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.